

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 3 2023

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
© Журнал «Словесность и история», составление, 2023
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2023

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 3 2023

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2023 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2023 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2023 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

**Посвящается памяти Юрия Александровича Новикова
(1938–2023)**

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Г. Иванова. Юрий Александрович Новиков	9
В. П. Кузнецова. Полевые исследования Ю. А. Новикова в Карелии	25
А. С. Лызлова. Сказки в записях Ю. А. Новикова в Науч- ном архиве Карельского научного центра РАН	48
А. В. Никитина. Эпическая традиция Кенозерья: фактор женского исполнения эпоса	59
А. И. Васкул, С. А. Жадовская. Как живут былины: из истории одного сказительского рода на р. Моше	76
М. В. Рейли. Очаги эпической традиции на Урале	99
Е. И. Якубовская. Загадка напевов Сборника Кирши Данилова: концепция В. В. Коргузалова	112
С. В. Подрезова. Навстречу обонежским томам Свода русского фольклора: материалы экспедиций фольклорной секции ИПИН 1931–1932 гг. в собрании Пушкинского Дома	130
С. Ю. Харькова. Церковь / храм / собор в эпическом про- странстве былин	149
Л. И. Петрова. Из неизданного: духовные стихи в записи А. П. Верещагина	161
Н. Г. Комелина. «Книга в семье сказителей Крюковых»: Об источниках духовного стиха об Иосифе Прекрасном на Зимнем берегу Белого моря	176
Т. С. Канева. Усть-цилемские сказки об Илье Муромце в исполнении М. А. Семеновй на фоне мест- ной традиции	193
Н. В. Дранникова, Т. Н. Морозова. Автобиография Т. Е. Точилова (1881–1939) в контексте социо- культурных практик и этнографических реалий Зимней Золотицы	208
Список сокращений	226
Наши авторы.	227

CONTENTS

Tatyana G. Ivanova. Yurii Alexandrovich Novikov	9
Valentina P. Kuznetsova. Yurii Alexandrovich Novikov's Field Work in Karelia	25
Anastasia S. Lyzlova. Yurii Alexandrovich Novikov's Records of Folk Tales in the Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences	48
Alla V. Nikitina. The Epic Tradition of the Kenozero Region: The Factor of Female Performance	59
Anastasiya I. Vaskul, Svetlana A. Zhadovskaya. How Epics Live: The History of a Family of Epics Performers from the Mosha River Area	76
Marina V. Reilly. Centers of the Epic Tradition in the Urals	99
Elena I. Yakubovskaya. The Problem of Tunes in the Collection of Kirsha Danilov: Vsevolod Korguzalov's Approach to the Manuscript	112
Svetlana V. Podrezova. On the Forthcoming Obonezhie Volumes of the <i>Svod Russkogo Folklor</i> a Series: Materials from the 1931–1932 Expeditions of the Folklore Section of the Institute for the Study of Peoples in the Collection of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg	130
Svetlana Yu. Kharkova. <i>A Church / a Temple / a Cathedral</i> in the Epic World of the Russian <i>Byliny</i>	149
Lyudmila I. Petrova. Unpublished Spiritual Poems Recorded by Aleksandr Petrovich Vereshagin	161
Natalya G. Komelina. "A Book in the Kriukov Family of Performers": On the Sources of the Spiritual Poem about Joseph the All-Comely from the Winter Coast of the White Sea	176
Tatyana S. Kaneva. The Ust-Tsilma Folk Tales about Ilia Muromets Performed by Marfa Alekseevna Semenova as a Part of the Local Tradition	193
Natalia V. Drannikova, Tatiana N. Morozova. The Autobiography of Tit Egorovich Tochilov (1881–1939) in the Context of the Socio-Cultural Practices and Ethnographic Realities of the Village of Zimniaia Zolotitsa	208
List of Abbreviations	226
Our Authors	228

Т. Г. Иванова

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НОВИКОВ

Резюме

В статье раскрываются основные вехи научной биографии недавно ушедшего из жизни известного фольклориста Юрия Александровича Новикова — уникального знатока былин, вдумчивого текстолога, автора нескольких былиноведческих монографий. Дается краткая характеристика трудам фольклориста. Судьба Ю. А. Новикова сложилась так, что после распада Советского Союза он оказался гражданином Литвы. Однако ученый до конца жизни оставался в поле русской фольклористики. Фольклорист прочно сотрудничал с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, участвуя в его изданиях и в серии «Былины» Свода русского фольклора. Освещается в статье и фольклорно-собираТЕЛЬская деятельность Ю. А. Новикова, развертывавшаяся на территории Литвы и Эстонии.

Ключевые слова: Юрий Александрович Новиков, былины, текстология былин, труды Ю. А. Новикова

Tatyana G. Ivanova

YURII ALEXANDROVICH NOVIKOV

Abstract

The article reveals the major milestones of the academic life of the recently deceased famous folklorist Yurii Alexandrovich Novikov, a distinguished specialist and thoughtful textual critic of Russian oral epic poems (*byliny*), who authored several monographs on the subject. Although after the collapse of the Soviet Union Novikov became a Lithuanian citizen, he continued his studies in the field of Russian folklore until the end of his life. Novikov collaborated in publications of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg, particularly in the «Byliny» series of the *Svod russkogo folklora* (Code of Russian folklore). The article provides a brief description

of Novikov's scholarly works and highlights his folklore collecting activities in Lithuania and Estonia.

Keywords: Yurii Alexandrovich Novikov, Russian oral epic poems, byliny, textual studies of epics, works of Yurii Alexandrovich Novikov

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-9-24

Детство Юрия Александровича Новикова, родившегося в семье учителей, прошло в Ростовской области. Он появился на свет 30 октября 1938 г., школу окончил в пос. Каменоломни. В 1955 г. Ю. А. Новиков поступил на филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Судьбу его на филологическом поприще, как это нередко бывает с фольклористами, определила первая фольклорная экспедиция. После окончания первого курса, летом 1956 г., группа студентов под руководством видного специалиста в области русского фольклора Э. В. Померанцевой отправилась в Заонежье. Много позднее, в 2011 г., в интервью для газеты «Кижы» Ю. А. Новиков так вспоминал о своей первой встрече с Кижами: «Тогда уже реставрация церквей в Кижях была в полном разгаре. Но там так было: Преображенскую почти закончили и Покровскую, колокольня была в первозданном виде. Там очень симпатичный старичок был, смотритель. Эрна Васильевна Померанцева договорилась, и мы провели два дня и одну ночь в Кижях в доме Ошевнева, который недавно перевезли. И нам его как квартиру дали (...) Мы еще запись, собственно, не начинали. Старик этот, смотритель, открыл нам — ключи у него были — одну церковь, другую. Кладбище еще не было упорядочено, и ограды не было, просто фундамент остался. „Только, — говорит, — ни в коем случае на колокольню не лезьте“. Но если есть запрет — это как сюжет волшебной сказки: он обязательно должен быть нарушен. Залезли на колокольню. Какой вид там открывается! Бог знает куда видно: эти острова, лодки, кое-где кораблики» [Абросимова]. Не эти ли первые впечатления от севернорусской жемчужины определили главное поле научных интересов будущего ученого — Русский Север? Пройдет много лет, и на шестой научной конференции «Рябининские чтения — 2011» Ю. А. Новиков сделает доклад «Кижы — столица „Исландии русского эпоса“» [Новиков 2011а].

Здесь же, в Кижях, в 1956 г. состоялся и первый собирательско-фольклористический опыт Ю. А. Новикова. Из интервью: «Полкилометра севернее собора отдельный дом стоял с хозяйством. И Эрна Васильевна взяла меня и Женю Костюхина: „Пойдемте за молоком, мальчики“. Мы пошли, приходим. Молодая женщина качает ребенка, поет колыбельную песню.

„А мама как раз сейчас корову доит, подождите немножко“. Она качает, поет колыбельную песню. Эрна Васильевна на нас один раз посмотрела грозно, второй раз грозно. Мы ничего не понимаем. „Писать!“ В натуральной обстановке. А у нас ни карандашей, ни бумаги нет. „Надо быть при оружии!“ И достает два карандаша, какой-то блокнотик, разорвала. Мы записали эту колыбельную песню» [Абросимова]. С этой колыбельной и начался путь Юрия Александровича, и не только его, но и Евгения Алексеевича Костюхина, его однокурсника, в фольклористику.

Экспедиция МГУ в 1956 г. была задумана прежде всего как былиноведческая — по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, а также экспедиций Государственного института истории искусств (1926 г., записи А. М. Астаховой) и Государственной академии художественных наук (1926—1928 гг., записи братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых). Однако в этой же поездке у Ю. А. Новикова подспудно и под влиянием Э. В. Померанцевой сложился принцип: «В идеале надо записывать всё».

Экспедиции МГУ в Обонежье и восточнее, в Архангельскую область, получили продолжение в 1957—1959 гг. Студенческие экспедиционные отчеты, написанные в соавторстве с другими участниками поездок, и стали первыми научными публикациями будущего фольклориста [Астафьева и др.; Новиков, Смирнов 1959; Костюхин и др.]. Когда сейчас читаешь на этих отчетах подписи московских экспедиционеров, поражаешься, скольким будущим фольклористам, определявшим развитие отечественной фольклористики во второй половине XX — начале XXI в., дали путевки в профессию эти поездки: Л. А. Астафьева, Е. А. Костюхин, Н. С. Полищук, Ю. И. Смирнов... В 1960 г. в соавторстве с Ю. И. Смирновым, который также впоследствии станет видным эпосоведом, Новиков написал уже не отчет, а статью «Северные экспедиции кафедры фольклора Московского университета (1956—1959)» [Новиков, Смирнов 1960], где обобщались наблюдения над состоянием фольклорной традиции во второй половине 1950-х гг.

В 1960 г. Ю. А. Новиков закончил университет. В том же году он женился на Брониславе Кербелите, также выпускнице МГУ (1958), участнице севернорусских экспедиций, избравшей фольклор (прежде всего литовский) сферой своей научной деятельности. Бронислава Кербелите несколько десятков лет, с 1958 по 2000 г., была научным сотрудником Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс), в 1995—2009 гг. читала лекции в университете Витовта Великого. Одно из самых известных исследований Б. Кербелите — «Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок» (М., 2005). Союз Ю. А. Новикова и Б. Кербелите был союзом двух любящих людей и союзом двух профес-

сионалов высокого класса. Имеются у них и совместные работы, например, «Русский народный календарь и его литовские соответствия: Пособие для учителей» (Вильнюс, 1993). Но это все — в будущем.

С 1960 г. Ю. А. Новиков проживал в Вильнюсе. Первым местом его работы стала газета «Советская Литва» — орган Верховного Совета Литовской ССР; в 1961—1967 гг. он являлся заместителем ответственного секретаря издания и заведующим отделом промышленности, строительства и транспорта. Однако фольклористический опыт, полученный в МГУ, не забывался. В те же 1960-е гг. Ю. А. Новиков начал читать лекции на кафедре русской литературы Вильнюсского государственного педагогического института, а с 1972 г. получил статус старшего преподавателя.

В первой половине 1970-х гг. ученый активно работает над кандидатской диссертацией, тема которой выросла из его студенческих фольклорных экспедиций. Исследователя интересует былинная традиция одного из регионов — Пудожского края. В 1977 г. в Институте этнографии, фольклора и искусствоведения Белорусской АН (Минск) им была защищена диссертация «Эпическая традиция Пудожского края» [Новиков 1976]. В определенной мере эта работа являет пример классического фольклористического исследования, предлагающего региональный аспект одного из жанров.

После защиты диссертации и получения ученого звания доцента Ю. А. Новикову пришлось взвалить на себя административную работу. В 1981—1986 гг. он был проректором факультета русского языка и литературы в Вильнюсском государственном педагогическом институте; в 1986—1988 гг. — заведующим кафедрой русской литературы; в 1988—1990 гг. — деканом факультета. Через 15 лет после кандидатской диссертации в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН была защищена докторская — «Сказители былин и региональные традиции (на материале севернорусских записей былин)» [Новиков 1992].

В 1985 г. Ю. А. Новиков опубликовал статью «Источник эпического знания — книга» [Новиков 1985], с которой начался его путь к созданию одного из самых востребованных в былиноведении справочников — «Былина и книга» [Новиков 1995; 2001]. Фольклористы (например, А. М. Астахова) задолго до Ю. А. Новикова подметили, что некоторые конкретные тексты былин так или иначе восходят к вариантам, публиковавшимся в различных популярных книгах. Сказитель, знавший традицию своего региона, когда ему в руки попадало издание былин, начинал свой текст корректировать по книге. Ю. А. Новиков в своем справочнике обобщил примеры такого рода. Материал в справочнике расположен по сюжетам. Каждый конкретный текст описывается в следующем порядке: имя сказителя; регион; год записи; указа-

ние на издание (или архив, где находится неопубликованный текст); особым индексом (цифрой от 0 до 10) характеризуется степень зависимости текста от книги (по восходящей — чем больше цифра, тем сильнее эта зависимость); называется непосредственное издание, послужившее сказителю источником его былинного знания (популярное издание); далее следует указание на первоисточник, откуда в данном популярном издании взят текст (научное издание); последний элемент описания указывает на исследования, в которых ставится вопрос о зависимости данного текста от печатного источника. Для очень многих текстов Ю. А. Новиков приводит собственные доказательства в пользу непосредственной связи данной былины с книгой. Таким образом, в этом справочнике в полной мере сказался пристальный взгляд текстолога.

В 2000-х гг. были изданы три книги Ю. А. Новикова, посвященные русской песенно-эпической традиции. В монографии «Сказитель и былинная традиция» развиваются положения, затронутые исследователем еще в кандидатской диссертации. Фольклорист в очередной раз в нашей науке ставит вопрос об областных традициях как форме существования русского эпоса. Сформулировав основные положения о разграничении региональных традиций (сюжетный состав в каждом регионе; интерпретация и обработка конкретных сюжетов), Ю. А. Новиков особый акцент делает на «подробностях изложения» («имена собственные; клишированные формулы, используемые для описания повторяющихся действий, диалогов, ситуаций; постоянные эпитеты и другие устойчивые словосочетания») [Новиков 2000а, с. 111], которые придают своеобразие каждой областной былинной традиции. Пожалуй, никто в отечественной фольклористике (включая даже А. М. Астахову и Б. Н. Путилова) не знал и не знает во всех деталях былинный корпус во всем многообразии его вариантов, как Ю. А. Новиков. Не отвергая роль истории колонизации Русского Севера из двух разных точек (из Древнего Новгорода и из Московской Руси), что могло придать своеобразие тому или иному севернорусскому региону, исследователь акцентирует другой тезис: эпос приходил на Русский Север не в застывших формах, активные процессы развития былин продолжались на новых территориях. Областные традиции складывались под влиянием хозяйственно-бытового уклада жителей Русского Севера — превалирования земледельчества в Олонецком крае или дальних промыслов в Архангельско-Беломорских землях.

Ю. А. Новиков не единожды вступает в научные дискуссии со своими предшественниками. В монографии «Сказитель и былинная традиция» он спорит с В. И. Чичеровым, который ввел в науку понятие «школы сказительского мастерства», доказывая, что у выдающихся сказителей Олонецкого края не было «сознательной ориентации на одного учителя, на традиции

одной сказительской „школы“; варианты каждого певца восходят к разным источникам, а сказители, причисляемые к одной „школе“, подчас разительно отличаются друг от друга по своей исполнительской манере» [Новиков 2000а, с. 351]. И тезис этот не просто декларируется, а вырастает из скрупулезнейшего текстологического анализа песенно-эпических произведений.

По всем главам монографии разбросаны тонкие и точные наблюдения исследователя над текстом былин. Приведя многочисленные примеры сохранения в былинах архаизмов, Ю. А. Новиков формулирует положение о синонимических повторах. Употребление в соседних строках лексем «ерлыки скорописчаты», «грамоты» и «письма» помогает носителям традиции прояснять текст, рисуют механизмы, которые позволили русскому эпосу прожить целое тысячелетие.

Вторая монография — «Динамика эпического канона: Из текстологических наблюдений над былинами» [Новиков 2009] — составлена из статей ученого, объединенных в весомые главы. В этих работах в очередной раз явственно прочитывается талант Ю. А. Новикова как текстолога. Во всех разделах имеются интересные наблюдения как в области историко-фольклористической текстологии (как записывались и редактировались былины на протяжении всей истории фольклористики), так и историко-фольклорной текстологии (как бытовали, варьировались былины в народной традиции). Так, в главе «Сказитель — собиратель — издатель» исследователь указывает на произвольные лексические замены сказителей и ошибки собирателей, вызванные непониманием былинного текста. Сравнивая записи былин от одного и того же сказителя (Н. Прохорова), исследователь называет явные просчеты в тексте, например, напечатанном в сборнике П. Н. Рыбникова. В портрете Идолища невнятная строка «нос *снаружи* с локоть был» проясняется в повторной записи А. Ф. Гильфердинга: «нос-от *на роже*, он с локоть был». В свою очередь, у А. Ф. Гильфердинга в былине о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича жена главного героя, сидящая на свадебном пиру, названа «княгиня многобранная» вместо «княгиня многобрачная», т. е. выходящая повторно замуж. Такого рода примеры, мимо которых проходят многие фольклористы, свидетельствуют о глубоком знании Ю. А. Новиковым самых мелких деталей русского эпоса.

Текстологический анализ былин из собрания В. Ф. Хотьковского и сравнение их с записями Н. С. Шайжина (материал Пудогы) позволил фольклористу прийти к выводу, что старины пудожских певцов записал Н. С. Шайжин, а второй собиратель лишь воспользовался его рукописью.

Разделы главы «Эпический певец и его текст» демонстрируют вдумчивые текстологические наблюдения исследователя над былинами. Он касается

проблемы стабильности былинного текста, что позволяет сделать повторные записи от одного и того же сказителя. Устоявшиеся представления о типах эпической памяти, предложенные А. М. Астаховой (сказители-творцы; сказители-передатчики; сказители-импровизаторы), доказывает Ю. А. Новиков, «нельзя применять безоглядно ко всему репертуару певца» [Новиков 2009, с. 259]. Стабильность той или иной былины у сказителя «зависит от частотности ее исполнения, входит она в активную часть репертуара сказителя или находится на периферии» [Новиков 2009, с. 260]. Весьма доказательно фольклорист опровергает мнение А. Ф. Гильфердинга об импровизационных наклонностях в творчестве олонцкого певца Андрея Сорокина. Обращаясь к известному положению о сказителях-учителях и сказителях-учениках, Ю. А. Новиков восстанавливает репертуар певцов, от которых собиратели не делали записей (Прокопий Шуваев, Мардарий Власов). Особо им ставится вопрос о роли книги и ее влиянии на былинные тексты в семье Крюковых с Зимнего берега Белого моря, причем исследователь обращается к былинам не только Марфы Крюковой, но выявляет книжные элементы и в текстах ее матери — Аграфены Крюковой, сестер — Павлы Пахоловой и Серафимы Крюковой, племянницы — Пелагеи Негадовой.

В центре внимания Ю. А. Новикова постоянно находился Сборник Кириши Данилова (глава «Художественный мир Кириши Данилова»). Исследователь включился в решение множества проблем, возникающих в связи с «Древними российскими стихотворениями». Вслед за А. А. Гореловым фольклорист демонстрирует единство формул и лексики произведений, составляющих сборник (былин и исторических песен). Предметом внимания ученого являются антропонимы, топонимы и этнонимы, встречающиеся у Кириши Данилова. Фольклорист отмечает, что в текстах сборника «просматривается стремление к номинированию как можно большего количества персонажей и объектов» [Новиков 2009, с. 192]. Прибегая к статистическим подсчетам постоянных эпитетов у Кириши Данилова и сравнивая по этой позиции материал уральского сборника с записями от лучших севернорусских сказителей, Ю. А. Новиков опровергает тезис А. П. Евгеньевой «о бедности набора эпитетов в „Древних российских стихотворениях“» [Новиков 2009, с. 218–219]. Специально им в очередной раз исследуется место былин Кириши Данилова в популярных изданиях и влияние их на тексты севернорусских сказителей.

В главе «Областные элементы в текстах былин» ученый еще раз обращается к проблеме истоков былинной традиции на Пудогге, за которой неправильно закрепилась репутация позднего ее происхождения. Ю. А. Новиков описывает водлозерские былины в контексте олонцкой традиции. Один из

разделов посвящен алтайским былинам, рассмотренным в связи с общерусской фольклорной традицией.

Круг проблем былиноведения, которые стоят в центре внимания Ю. А. Новикова, определяется прежде всего понятиями «региональная традиция» и «песенно-эпический текст». Исследователь нечасто обращался к трактовке отдельных сюжетов. Однако и такого рода разделы мы находим в монографии «Динамика эпического канона». Специально исследователь касается сюжетов «Ставр Годинович», «Наезд литовцев», «Рахта Рагнозерский».

Третья эпосоведческая монография Ю. А. Новикова, вышедшая в XXI в., — «Эпический мир и способы его художественного воплощения (из текстологических наблюдений над былинами)» (Вильнюс, 2013). Проблематика этой книги продолжает те же направления, которые нашли место в двух предыдущих изданиях. Исследователь описывает севернорусские региональные микротрадиции («Былины колодозерских сказителей»; «Кижичи — столица „Исландии русского эпоса“»), обращается к поволжскому материалу, который до этого не стоял в центре его внимания («Эпическая поэзия в Нижегородском крае»), предлагает монопортреты олонечских сказителей («Эпические песни Петра Калинина»; «Былины Федора Конашкова»). В главе «Архангельские былины в записях И. Ф. Розанова» дается его версия атрибуции былин (сказителю Ф. Пономареву), записанных в 1850-х гг. на Зимнем берегу Белого моря.

В книге «Эпический мир и способы его художественного воплощения» собраны статьи ученого, посвященные поэтике былин. Ученый касается заповей и исходов в эпических песнях русского народа; исследует инициальные частицы и мини-формулы, формулы, предваряющие прямую речь в былинах; сосредоточивается на эпитетах и логических определениях в русском эпосе, на именах «своих» и «чужих» персонажей; описывает запреты, предостережения и советы в разных сюжетах былин. Реально-историческое содержание былин нашло место в трех разделах книги: «Христианские мотивы и образы в былинах», «Общественный, семейный и воинский быт в эпическом мире», «Мир животных в былинах».

После распада Советского Союза связи Ю. А. Новикова с русской фольклористикой не порвались. Ученый с конца XX в. активно участвовал в проекте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — в серии былин Свода русского фольклора. С 2001 г. начали выходить тома, в которых Ю. А. Новикову принадлежат статьи, сопровождающие издания, и сюжетные комментарии — не самый простой жанр в научной работе фольклориста [Былины Печоры; Былины Мезени; Былины Кулоя; Былины

Пудог; Былины Зимнего берега]. В комментариях нашло место глубокое и скрупулезное знание исследователем множества вариантов былин.

Ю. А. Новиков, пока позволяло здоровье, был постоянным участником Рябининских чтений, проходящих в Петрозаводске раз в четыре года. Темы его докладов всегда были связаны с русским эпосом: «Об истоках эпических репертуаров Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева» [Новиков 1997]; «Становление мастера: Былинный репертуар Ивана Терентьевича Фофанова» [Новиков 2000b]; «Былины из Сборника Кириши Данилова в контексте севернорусской традиции» [Новиков 2003]; «Об истоках пудожской былинной традиции» [Новиков 2007]; «„Чужие“ миры в былинах» [Новиков 2011б]; «Соотношение коллективного и индивидуального начал в художественном мире сказителя» [Новиков 2015].

Былиноведческие проблемы были отнюдь не единственным полем научной деятельности Ю. А. Новикова. Талант фольклориста-текстолога у него счастливо сочетался с талантом фольклориста-собиранья. Огромнейший вклад ученый внес в собиранье русского фольклора на территории Литвы. Систематическая запись русской устной народной словесности в Литве началась поздно — только в 1960 г., когда Н. К. Митропольская, преподаватель Вильнюсского университета, в рамках обязательной фольклорной практики, введенной в университетах, организовала студенческие экспедиции. Эти записи впоследствии вошли и в книги Ю. А. Новикова. В педагогических вузах Литвы фольклорная практика не проводилась. Однако став преподавателем Вильнюсского педагогического института (впоследствии университета), Ю. А. Новиков создал студенческий фольклорный кружок, развернувший собирательскую работу. Позднее, в 1996 г., Ассоциация исследователей старообрядчества Литвы стала проводить ежегодные комплексные экспедиции, в которых активно участвовал ученый.

С 1992 г. началось масштабное издание собранных материалов. В местечке Салакас Зарасайского района экспедиционеры встретились с собирателем-самоучкой Елизаветой Ивановной Колесниковой, фиксировавшей фольклорный материал как свой, так и своего окружения. Особое место среди ее записей занимали паремии. Ю. А. Новиков и Т. Шадрин издали из ее обширного собрания пословиц и поговорок около трех тысяч текстов — «Русские пословицы Литвы: Из собрания Елизаветы Колесниковой» (Вильнюс, 1992).

В 1999 г. Ю. А. Новиков подготовил сборник «Живое слово: Фольклор старожилов Литвы» (Вильнюс, 1999). Затем свет увидела еще одна книга — «По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы» [Новиков 2005]. Этноконфессио-

нальная составляющая традиционной культуры, мимо которой, как правило, проходила советская фольклористика, в собирательской работе Ю. А. Новикова заняла центральное место. Русские старообрядцы живут на северо-востоке Литвы, в Зарасайском, Ингалинском, Швенчёнском, Рокшикском районах Аукштайтии. Вывод по результатам собирательской работы ученым был сформулирован следующим образом: «...зафиксированную у русских старожилов Литвы фольклорную традицию правомерно рассматривать как конфессиональный вариант общерусской традиции» [Новиков 2005, с. 11]. В фольклорном репертуаре старообрядцев большой удельный вес занимают христианские легенды, духовные стихи, обряды и запреты, связанные с религиозными воззрениями, а также заговоры, поверья и ритуалы, отражающие мифологические представления. Весь этот материал активно бытовал в конце 1990-х — 2000-е гг., когда Ю. А. Новиков работал в рамках сотрудничества с Ассоциацией исследователей старообрядчества Литвы.

В 2007–2010 гг. вышел в свет фундаментальный трехтомник «Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование» (Вильнюс, 2007. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки; 2009. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия; 2010. Т. 3: Народные песни. Частушки. Детский фольклор). Это издание, мы считаем, открыло для фольклористики новый, до трудов Ю. А. Новикова плохо представленный и никак не осмысленный регион. Обстоятельные статьи, опубликованные в первом томе, — «Духовное наследие предков» Ю. А. Новикова, «Староверы Литвы: вехи истории (вторая половина XVII — начало XXI вв.)» Г. Поташенко, «Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения» Н. Морозовой и В. Чекмонаса — составляют основу для понимания русской фольклорной Литвы. Каждый из публикуемых в издании жанров предваряется заметкой, раскрывающей материал. Специфика фольклорной традиции старообрядцев Литвы, по наблюдениям Ю. А. Новикова, заключается в малом удельном весе жанров с исторической составляющей. Ярким маркером традиции являются частые свадьбы «уходом» в регионе, воспоминания о которых зафиксированы в многочисленных рассказах информантов.

Статьи Ю. А. Новикова, представленные в этом издании, имеют не только прикладной по отношению к данному региону характер. В них не просто освещается региональный материал, но нередко предлагается новый взгляд на определенные пласты фольклорной культуры. Во втором томе, содержащем большой корпус мифологических рассказов, исследователь оспаривает устоявшуюся точку зрения, согласно которой былички не вычленяются из обыденной речи, не имеют зачинов и концовок. На своем материале исследователь описывает инициальные и финальные формулы мифологических

рассказов; обращает внимание на нравственно-дидактические сентенции в текстах; указывает на обилие междометий, отражающих эмоциональный накал повествований; подмечает тенденцию в репертуаре одного исполнителя к циклизации рассказов на одну тему (о колдунах, о «сглазе», о «ходячих покойниках» и т. д.); указывает на устойчивость текстов в повторных записях от отдельных мастеров жанра. Все эти черты, подмеченные Ю. А. Новиковым, заставляют в целом по-новому взглянуть на жанр мифологических рассказов и приложить выводы исследователя к материалу других регионов.

Территория Литвы и ее старообрядческие районы были не единственным регионом Прибалтики, в котором Ю. А. Новиков проводил экспедиции. В 2006 г. он вместе с Н. Морозовой обследовал деревни западного (эстонского) берега Чудского озера. Собранный материал и записи 1930–1960-х гг. из Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда (г. Тарту) были опубликованы в совместной книге собирателей «Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии» (Тарту, 2007). Представленные в издании поздние репортажные записи, сгруппированные в тематические разделы, раскрывают разные стороны духовной жизни староверов Эстонии: «Кому повем печаль мою?..» (духовные стихи); «Без Бога ни до порога» (религиозный этикет); «Обычай крепче закона» (семейно-бытовой этикет); «Топор сохе первый помощник» (особенности хозяйственного уклада) и т. д.

У Ю. А. Новикова были прочные связи с коллегами из Латвии. В журнале Даугавпилсского университета «Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis» ученый опубликовал статьи «О создателях рукописной копии Сборника Кириши Данилова» (2004), «Былинные змеи и змеборцы и „основной миф“ (о преувеличениях роли мифологических элементов в былинах)» (2005), «„Псковский след“ в фольклорной традиции старообрядцев Литвы» (2005). В 2008 г. он подготовил сборник «Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963–1991)» (Даугавпилс, 2008), вышедший в серии «Русско-латышские литературные контакты» (Вып. 4). Этот материал был собран под руководством преподавателей Даугавпилсского педагогического института Е. А. Александровой и Э. Б. Мекша. За его подготовку к печати по просьбе профессора Ф. П. Федорова, главы Научно-исследовательского центра компаративистики при Даугавпилском педагогическом университете, взялся Ю. А. Новиков.

По приглашению Ильи Лемешкина, преподавателя кафедры баллистики Карлова университета в Праге, Ю. А. Новиков бывал в столице Чехии. Его лекции-беседы для студентов, кстати, сопровождались его собственным исполнением былины [Лемешкин, с. 263].

Труды Ю.А. Новикова нашли признание в научной среде при жизни ученого. В 2008 г. один из номеров вильнюсского продолжающегося издания «Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация», составленного из статей российских, белорусских, украинских, литовских, латышских, польских и чешских фольклористов и литературоведов, был посвящен 70-летию Ю. А. Новикова [Meninis tekstas]. Через десять лет пушкинодомские фольклористы очередной выпуск «Из истории русской фольклористики» посвятили уже 80-летнему юбилею ученого [Современные методы]. В этом издании представлена далеко не полная персональная библиография трудов ученого.

Судьба Ю. А. Новикова в науке сложилась счастливо. Его земной путь закончился 12 января 2023 г. В памяти всех, кто с ним общался, остался светлый и радостный образ человека всегда доброжелательного, готового к шутке и юмору. Ф. П. Федоров назвал его «человек-праздник»: «Юрий Александрович — человек, который всегда в поисках, всегда в движении, всегда в создании, человек, которого Господь сподобил все делать весело. Юрий Александрович — человек, которого радостно видеть, с которым радостно разговаривать, которого радостно вспоминать» [Федоров, с. 11]. В фольклористике осталось его большое научное наследие — статьи и книги, к которым постоянно обращаются современные ученые. Придут новые поколения исследователей, а научные труды Юрия Александровича Новикова продолжат служить всем, кому дорога традиционная культура.

Литература

- Абросимова — Юрий Новиков: «В идеале надо записывать всё»: Опыт участника фольклорной экспедиции МГУ 1950-х годов / Беседовала Дарья Абросимова // Кизи (газета). Петрозаводск, 2011. № 10 (83). Ноябрь.
- Астафьева и др. — *Астафьева Л., Геника И., Кербелите Б., Костюхин Е., Новиков Ю., Ожегова С., Полищук Н., Ремезова Е., Смирнов Ю.* В поисках былин // Вестник Моск. ун-та. Ист.-филол. сер. 1958. № 1. С. 185–189.
- Былины Зимнего берега — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. 995 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Кулоя — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. 922 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Мезени — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2003, 2004, 2006. Т. 3–5: Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. 530 с. + 715 с. + 599 с. (Свод русского фольклора).

- Былины Печоры — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1–2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. 772 с. + 783 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудогы — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2013, 2014, 2015, 2016. Т. 16–18, кн. 1–2: Былины Пудогы / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1063 с. + 951 с. + 1295 с. + 883 с. (Свод русского фольклора).
- Костюхин и др. — *Костюхин Е., Новиков Ю., Смирнов Ю.* Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года // Вестник Моск. ун-та. Сер. VI: Филология, журналистика. 1960. № 1. С. 85–87.
- Лемешкин — *Лемешкин И. В.* Человек былинного стиха // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 262–267. (Из истории русской фольклористики; Вып. 10).
- Новиков 1976 — *Новиков Ю. А.* Эпическая традиция Пудожского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1976. 22 с.
- Новиков 1985 — *Новиков Ю. А.* Источник эпического знания — книга // Фольклористический сборник. Вильнюс: Мокслас, 1985. С. 12–31. (Учен. зап. высш. учеб. заведений Литовской ССР; Т. 27 (2)).
- Новиков 1992 — *Новиков Ю. А.* Сказители былин и региональные традиции (на материале севернорусских записей былин): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 42 с.
- Новиков 1995 — *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс: [б. и.], 1995. 214 с.
- Новиков 1997 — *Новиков Ю. А.* Об истоках эпических репертуаров Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева // Рябининские чтения — 95: Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера: Сб. докл. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Киж», 1997. С. 43–50.
- Новиков 2000а — *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 374 с.
- Новиков 2000б — *Новиков Ю. А.* Становление мастера: Былинный репертуар Ивана Терентьевича Фофанова // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99» (20–24 сентября 1999 г.). Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2000. С. 242–251.
- Новиков 2001 — *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб.: Европейский дом, 2001. 222 с.
- Новиков 2003 — *Новиков Ю. А.* Былины из Сборника Кириши Данилова в контексте севернорусской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2003. С. 96–100.

- Новиков 2005 — По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / Изд. подгот. Ю. А. Новиков. СПб.: Тропа Троянова, 2005. 296 с.
- Новиков 2007 — Новиков Ю. А. Об истоках пудожской былинной традиции // Рябининские чтения — 2007: Материалы V Науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижы», 2007. С. 369–372.
- Новиков 2009 — Новиков Ю. А. Динамика эпического канона: Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс: Вильнюс. пед. ун-т, 2009. 515 с.
- Новиков 2011a — Новиков Ю. А. Кижы — столица «Исландии русского эпоса» // Рябининские чтения — 2011: Материалы VI Науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижы», 2011. С. 353–356.
- Новиков 2011b — Новиков Ю. А. «Чужие» миры в былинах // Рябининские чтения — 2011: Материалы VI Науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижы», 2011. С. 357–359.
- Новиков 2015 — Новиков Ю. А. Соотношение коллективного и индивидуального начал в художественном мире сказителя // Рябининские чтения — 2015: Материалы VII Конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижы», 2015. С. 385–389.
- Новиков, Смирнов 1959 — Новиков Ю., Смирнов Ю. Новые записи эпических произведений // Вестник Моск. ун-та. Ист.-филол. сер. 1959. № 3. С. 189–191.
- Новиков, Смирнов 1960 — Новиков Ю., Смирнов Ю. Северные экспедиции кафедры фольклора Московского университета (1956–1959) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.
- Современные методы — Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб.: Свое издательство, 2018. 285 с. (Из истории русской фольклористики; Вып. 10).
- Федоров — Федоров Ф. П. Человек-праздник // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. Mokslinių straipsnių rinkynis* = Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация: Сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора Ю. А. Новикова. Vilnius: Вильнюс. пед. ун-т, 2008. № 6 (1). С. 10–11.
- Meninis tekstas — *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. Mokslinių straipsnių rinkynis* = Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация: Сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора Ю. А. Новикова. Vilnius: Вильнюс. пед. ун-т, 2008. № 6 (1). 263 с.

References

- Abrosimova, D. (2011). 'Jurii Novikov: "V ideale nado zapisyvat' vse". Opyt uchastnika fol'klornoi ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1950-kh godov', *Kizhi (newspaper)*, 10 (83), Nov.
- Astaf'eva, L., Genika, I., Kerbelite, B., Kostyukhin, E., Ozhegova, S., Polishchuk, N., Remezova, E., Smirnov, Yu. (1958). 'V poiskah bylin', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filologicheskaya seriya*, 1, 185–189.

- 'Byliny Kuloya' (2011), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 6, 922 p.
- 'Byliny Mezeni' (2003, 2004, 2006), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 3–5, 530 + 715 + 599 p.
- 'Byliny Pechory' (2001), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 1–2, 772 + 783 p.
- 'Byliny Pudogi' (2013–2016), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 16–18 (1, 2), 1063 + 951 + 1295 + 883 p.
- 'Byliny Zimnego berega Belogo morya' (2018), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 8, 995 p.
- Fedorov, F. P. (2008). 'Chelovek-prazdnik', in: *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. Mokslinių straipsnių rinkynis = Khudozhestvennyi tekst: Vospriyatie. Analiz. Interpretatsiya. Sbornik nauchnykh statei v chest' 70-letiya professora Yu. A. Novikova*. Vilnius: Vil'nyusskii pedagogicheskii universitet, 6 (1), 10–11.
- Kostyukhin, E., Novikov, Yu., Smirnov, Yu. (1960). 'Arkhangel'skaya fol'klornaya ekspeditsiya 1959 goda', *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya VII, Filologiya, zhurnalistika, 1, 85–87.
- Lemeshkin, I. V. (2018). 'Chelovek bylinnogo stikha', in: *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kultury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova* (Iz istorii russkoi fol'kloristiki; Vol. 10). Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 262–267.
- Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija. Mokslinių straipsnių rinkynis = Hudozhestvennyi tekst: Vospriyatie. Analiz. Interpretatsiya. Sbornik nauchnykh statei v chest' 70-letiya professora Yu. A. Novikova* (2008). Vilnius: Vil'nyusskii pedagogicheskii universitet, 6 (1), 263 p.
- Novikov, Yu. A. (1976). *Epicheskaya traditsiya Pudozhskogo kraja: Avtoreferat dissertatsii ... kandidat filologicheskikh nauk*. Minsk: [s. n.], 22 p.
- Novikov, Yu. A. (1985). 'Istochnik epicheskogo znaniya — kniga', in: *Fol'kloristicheskii sbornik* (Uchenye zapiski vysshikh uchebnykh zavedenii Litovskoi SSR; Vol. 27 (2)). Vil'nyus: Mokslas, 12–31.
- Novikov, Yu. A. (1992). *Skaziteli bylin i regional'nye traditsii (na materiale severorusskikh zapisey bylin): Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Saint Petersburg: [s. n.], 42 p.
- Novikov, Yu. A. (1995). *Bylina i kniga: Ukazatel' zavisimykh ot knigi bylinnykh tekstov*. Vil'nyus: [s. n.], 214 p.
- Novikov, Yu. A. (1997). 'Ob istokakh epicheskikh repertuarov T. G. Ryabinina i P. I. Ryabinina-Andreeva', in: *Ryabininskie chteniya — 95: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam izucheniya, sokhraneniya i aktualizatsii narodnoi kultury Russkogo Severa. Sbornik dokladov*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 43–50.
- Novikov, Yu. A. (2000). *Skazitel' i bylinnaya traditsiya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 374 p.
- Novikov, Yu. A. (2000). 'Stanovlenie мастера: Bylinnyi repertuar Ivana Terent'evicha Fofanova', in: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa: Doklady III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ryabininskie chteniya — 99" (20–24 sentyabrya 1999 goda)*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 242–251.

- Novikov, Yu. A. (2001). *Bylina i kniga: Analiticheskii ukazatel' zavisimykh ot knigi i fal'sifitsirovannykh bylinnykh tekstov*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, 222 p.
- Novikov, Yu. A. (2003). 'Byliny iz Sbornika Kirshi Danilova v kontekste severnorusskoi traditsii', in: *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ryabininskie chteniya — 2003"*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 96–100.
- Novikov, Yu. A. (2007). 'Ob istokakh pudozhskoi bylinnoi traditsii', in: *Ryabininskie chteniya — 2007: Materialy V nauchnoi konferentsii po izucheniyu narodnoi kul'tury Russkogo Severa*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 369–372.
- Novikov, Yu. A. (2009). *Dinamika epicheskogo kanona: Iz tekstologicheskikh nablyudenii nad bylinami*. Vil'nyus: Vil'nyusskii pedagogicheskii universitet, 515 p.
- Novikov, Yu. A. (2011). "'Chuzhie" miry v bylinakh', in: *Ryabininskie chteniya — 2011: Materialy VI nauchnoi konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 357–359.
- Novikov, Yu. A. (2011). 'Kizhi — stolitsa "Islandii russkogo eposa"', in: *Ryabininskie chteniya — 2011: Materialy VI nauchnoi konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 353–356.
- Novikov, Yu. A. (2015). 'Sootnoshenie kollektivnogo i individual'nogo nachal v khudozhestvennom mire skazitelya', in: *Ryabininskie chteniya — 2015: Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik "Kizhi", 385–389.
- Novikov, Yu. A., ed. (2005). *Po zavetam stariny: Mifologicheskie skazaniya, zagovory, pover'ya, bytovaya magiya staroobryadtsev Litvy*. Saint Petersburg: Tropa Troyanova, 296 p.
- Novikov, Yu., Smirnov, Yu. (1959). 'Novye zapisi epicheskikh proizvedenii', *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Istoriko-filologicheskaya seriya, 3, 189–191.
- Novikov, Yu., Smirnov, Yu. (1960). 'Severnye ekspeditsii kafedry fol'klora Moskovskogo universiteta (1956–1959)', *Sovetskaya etnografiya*, 4, 162–168.
- Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova* (Iz istorii russkoi fol'kloristiki. Vol. 10) (2018). Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 285 p.

Юрий Новиков — студент МГУ. Нач. 1950-х гг. Фото из архива Й. Зузанека

Ю. И. Смирнов, Ю. А. Новиков —
руководители фольклорных экспедиций
МГУ им. М. В. Ломоносова в 1950–1960-е гг.
Д. Филипповская, 1959 г. Государственный
литературный музей. Ед. хр. 57
(также: Научный архив ФГБУ
«Национальный парк „Кенозерский“»)

Участники фольклорной экспедиции МГУ
им. М. В. Ломоносова в Карелию. 1957 г.
Нижний ряд, слева направо: Б. П. Кербелите,
Л. Астафьева. Верхний ряд, слева направо:
Е. А. Ремезова, Ю. А. Новиков, С. С. Ожегова,
Ю. И. Смирнов. РО ИРЛИ. Р. V. Ед. хр. 59
(также: Научный архив ФГБУ
«Национальный парк „Кенозерский“»).

Фотография получена от А. А. Ивановой

Ю. И. Смирнов (1935–2015), Ю. А. Новиков (1938–2023), в центре — неизвестная. Карелия, 1957 г.
Надпись на обороте: «Юр. И. По дороге на Пильмасозеро, июль 1957 г. III эксп.». Научный архив ФГБУ
«Национальный парк „Кенозерский“». Фотография получена от А. А. Ивановой

Участники фольклорной экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова. Д. Першлахта (Кенозеро), 1962 г. Слева направо: Ю. И. Смирнов, Е. А. Костюхин, Ю. А. Новиков. Научный архив ФГБУ «Национальный парк „Кенозерский“». Фотография получена от А. А. Ивановой

Ю. А. Новиков с коллегами: А. Н. Власовым, Т. С. Каневой, Н. В. Дранниковой. Вильнюс, 2012 г.

Ю. А. Новиков в экспедиции

На конференции «Рябининские чтения». Петрозаводск, сентябрь 2011 г.
Фотография В. П. Кузнецовой

В. П. Кузнецова

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ю. А. НОВИКОВА В КАРЕЛИИ

Резюме

Одна из важных сторон научной деятельности известного исследователя Ю. А. Новикова — его работа в области собирания фольклора. В 1956 г. состоялась его первая экспедиция в Заонежье и другие районы Карелии вместе с группой студентов Московского государственного университета. В 1969 г. Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите обследовали восточную часть Пудожского района Карелии. В статье представлены результаты этой собирательской работы на основе материалов, имеющихся в НА КарНЦ РАН.

Ключевые слова: собирание фольклора, Ю. А. Новиков, Карелия, научный архив

Valentina P. Kuznetsova

YURII ALEXANDROVICH NOVIKOV'S FIELD WORK IN KARELIA

Abstract

Collecting folklore was one of the important scholarly activities of the famous researcher Yurii Alexandrovich Novikov. In 1956, he made his first expedition to Zaonezhie and other regions of Karelia as a member of a group of students of Moscow State University. In 1969, Novikov and B. P. Kerbelite examined the eastern part of the Pudozh region of Karelia. Based on the materials preserved in the Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, this article presents the results of these collecting activities.

Keywords: collecting folklore, Yurii Alexandrovich Novikov, Karelia, scientific archive

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-25-47

© В. П. Кузнецова, 2023

Юрий Александрович Новиков в течение нескольких лет участвовал в экспедициях, проводившихся на Русском Севере. Летом 1956 г., когда он еще учился в МГУ, была организована студенческая экспедиция в Заонежье под руководством заведующей кафедрой устного народного творчества на филологическом факультете МГУ Э. В. Померанцевой (1899–1980). В экспедиции, помимо студентов, участвовала ее ученица Н. И. Савушкина (1929–1993) и аспирант В. М. Гацак (1933–2014).

Основной целью являлось обследование мест, где ранее были записаны эпические песни, поэтому маршруты были проложены «по следам» прошлых экспедиций П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. М. Астаховой с охватом более широких территорий. В составе отряда, кроме студентов филологического факультета Московского университета, были ленинградцы, аспиранты — музыковед Д. Грачева и лингвист О. Свешникова. Перед молодыми исследователями была поставлена задача не только записывать произведения, но и проследить, какие изменения произошли в былевом эпосе, зафиксировать другие жанры фольклора. Студенты получили методические указания: производить сплошное обследование населенного пункта, делать добротные и качественные записи, фиксировать, помимо произведений, и обрядовые комплексы (календарную обрядность, свадьбу, похороны). В фольклорном архиве кафедры устного народного творчества МГУ хранятся тетради собирателей с записями, сделанными в этой экспедиции. В НА КарНЦ РАН имеются копии собранных студентами материалов (Кол. 79)¹. Это четыре объемных тома, всего более 1100 единиц хранения, среди которых записи 13 былин, 39 духовных стихов, 40 баллад, 119 сказок, 466 песен, 29 причитаний и произведений других жанров фольклора. Были обследованы Заонежье, Сегежский район (Выгозерье), а также частично Беломорский район Карелии.

Студенты разделились на группы, собирательская работа производилась во многих случаях под руководством Э. В. Померанцевой и Н. И. Савушкиной, а также аспиранта В. М. Гацака. Молодые исследователи начали свою работу в легендарных местах — в деревнях Кижской волости, где жили когда-то известные сказители. Об этом первом опыте полевой работы Ю. А. Новиков рассказал в 2011 г. сотруднице Музея-заповедника «Кижы» Д. Д. Абросимовой. Исследователь вспоминал, в частности, о том, как вместе с Е. А. Костюхиным он зафиксировал колыбельную песню во время укачивания ребенка [Абросимова]. В тетрадь собирате-

¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. № 79 (далее указываются только номер коллекции и номер единицы хранения).

лей были занесены биографические сведения о А. П. Биканиной, прошедшей в годы оккупации через финский концлагерь и потерявшей в войне мужа и сына.

Ю. А. Новиков чаще всего отправлялся на задание вместе с Е. А. Костюхиным. На Волкостров, расположенный рядом с о. Кижы, они прибыли 10 июля 1956 г. Здесь от нескольких жительниц деревни были зафиксированы песни, частушки, романсы. Удачей для собирателей стала встреча с М. И. Июдиным, мастером по строительству лодок. Он сам был сочинителем стихов, прибауток на колхозные темы, хорошо знал П. И. Рябинина. В репертуар М. И. Июдина входили духовные стихи «Два Лазаря» и «Мучения Егория», песни, усвоенные от деда, а также приговоры свадебного дружки². Ю. А. Новиков говорил, что М. И. Июдин запомнился ему больше других не потому, что он был выдающимся исполнителем, а потому, что от него он впервые в жизни записал духовные стихи. Сюжет «Мучения Егория» стал впоследствии темой его курсовой работы [Новиков, с. 29–30]. В деревне Сенная Губа от А. Т. Шелониковой был зафиксирован значительный репертуар баллад: «Дмитрий и Домна», «Братья разбойники и сестра», «Мать продает своего сына», «Князь, княгиня и старицы», «Батюшко с матушкой ссорились» и духовный стих «Муки Егория»³. Вместе с Н. И. Савушкиной Ю. А. Новиков и Е. А. Костюхин записали свадебные песни: «Чарочка» (величальная), «Не во тереме...», «По сениям было, сенечкам» и другие, довольно полный репертуар обрядовых песен, приуроченных к свадьбе. Как рассказывал сам Юрий Александрович, при записи использовалась следующая методика: «Обычно работали парами. Песенные жанры — просто: один записывает одну строку, второй другую. Хотя бывали иногда накладки: оба пишем вторую строку или оба пишем первую. Сложнее было с прозой. Я пишу и слушаю, и слово, которое я слышу, я напарнику шепчу, и он с этого слова начинает писать. Иногда, когда бывали втроем, тогда третий человек тоже слушал и записывал вот эти стыки. Напряженно работали, с утра до вечера. Пары постоянные, как правило. С нами были и такие „зубры“, как Нина Савушкина, Виктор Михайлович Гацак, уже аспирант последнего года обучения. И вот нас „состегивали“ с кем-то, первокурсников с опытными. И мы потом тоже» [Абросимова].

Вторую часть коллекции 1956 г., собранной Ю. А. Новиковым и Е. А. Костюхиным, составляют записи, произведенные в селах Беломорского района Воренжа, Сумостров, Лапино. В группе собирателей были

² Кол. 79. Ед. хр. 422а–429.

³ Кол. 79. Ед. хр. 433–439.

также Н. И. Савушкина и Л. Быковская. В Воренже зафиксированы песни, баллада «Василий и Софья», в Сумострове и Лапине коллекция пополнилась балладами и духовными стихами «Мучения Егория», «Вознесение», «Умоляла мать родная», «Князь, княгиня и старицы», «Трудник и Пятница» и другими произведениями. Юрий Александрович вспоминал, что былины им в то время встретилось мало, и на то были свои причины. «За былинами охотились, конечно, но их было мало, в силу того что Заонежье после войны было так развоевано — здесь живого места не было. Кого в концлагеря, кого расстреляли, кто снялся и уехал, кто в армии был и не вернулся. Потом тут только записали пару текстов, которые чудом уцелели. Если с записью былин ничего не получается, то записывали сказки и сказочную прозу. За преданиями охотились. Свадебный обряд, заговоры, духовные стихи — они же долгое время были под негласным запретом, вот мы и писали их. Дальше, по убывающей, — песни. Разные: кадрилиные, „Утушку“, хороводные, плясовые, протяжные, лирические, бытовые. Городских романсов почти не записывали — просто даже времени уже не хватало. Конечно, в идеале надо записывать всё. Потому что это репертуарный контекст для исполнителя. И вот в конце частушки пошли, пословицы, загадки» [Новиков, с. 28].

В этой экспедиции был собран богатый фольклорный материал, начинающие исследователи смогли познакомиться с живыми фольклорными традициями, услышать, как исполняются народные произведения. Это была настоящая научная школа, где студенты приобрели ценнейший опыт благодаря своим наставникам. Этот опыт пригодился в последовавших за первой экспедициях, проводившихся на Русском Севере в течение нескольких лет. Юрий Александрович в 1958 г. сам стал руководителем одного из отрядов собирателей, работавших в Пудожском районе, в Каргополье и на Кенозере.

В июне 1969 г. состоялась экспедиция сотрудников Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН в Пудожский район Карелии. Руководителем полевого отряда была А. П. Разумова, в состав отряда вошли Н. А. Криничная, Т. А. Коски, Т. И. Сенькина и студенты Петрозаводской консерватории Т. Таскаева и Л. Кернажицкая. Обследовались г. Пудож и его окрестности, деревни Колодозерского сельсовета Усть-Река, Лахта, Заозерье, Погост, Ершово, Кукасово, деревни Бочиловского сельсовета Кашино и Семеново, расположенные в низовье р. Водлы. Целью экспедиции было изучение современного состояния фольклорной культуры указанных поселений. Фиксировались все жанры, записи производились от возможно большего количества исполнителей. Участники этой экспедиции собрали большой материал: только сказок в коллекции оказалось 44, быличек —

57, 6 духовных стихов, большое количество обрядовых и лирических песен, частушек, детский фольклор и т. д.⁴

В августе того же года обследование Пудожского края было продолжено Ю. А. Новиковым и Б. П. Кербелите, преподавателями Вильнюсского педагогического института. Они работали в деревнях Колодозерского сельсовета, но там, где участники отряда под руководством А. П. Разумовой записи не производили, и в деревнях Кубовского сельсовета, расположенных в среднем течении реки Водлы. Маршрут этой экспедиции пролегал по деревням Чуркина Гора и Костина Гора Колодозерского сельсовета, деревням Салма и Рубцово Кубовского сельсовета. Записи производились на магнитофон и в некоторых случаях от руки — это относится в основном к лингвистическим материалам, производилось также фотографирование исполнителей.

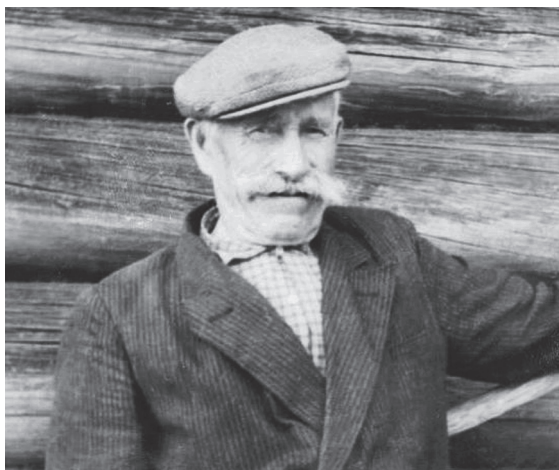
Сохранились три общих тетради, которые собиратели передали в НА КарНЦ РАН, — расшифровки магнитофонных записей, сделанных собирателями во время экспедиции. Расшифровки были присоединены сотрудниками Научного архива к коллекции № 23, к тем материалам, которые были записаны в июне того же года членами полевого отряда под руководством А. П. Разумовой в Пудожском районе. Магнитофонные записи хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН⁵. Тетради пронумерованы самими собирателями. В Научном архиве им были присвоены номера единиц хранения: тетрадь № 1 — Кол. 23. Ед. хр. 516–556, тетрадь № 2 — Кол. 23. Ед. хр. 557–621, тетрадь № 3 — Кол. 23. Ед. хр. 622–653. Эти материалы представляют собой уникальную ценность как по содержанию, так и по методике собирательской работы ученых. К коллекции приложены семь фотографий исполнителей, они находятся в третьей тетради.

В этой экспедиции было зафиксировано много сказок. Житель деревни Чуркина Гора Иван Григорьевич Фомин оказался обладателем целого репертуара, сказки были записаны и от других исполнителей.

Ю. А. Новиков изложил свои наблюдения при записи произведений этого жанра: «Очень было интересно, как у людей, особенно при рассказывании сказки, совсем другой настрой, когда есть аудитория. Когда есть соседи, члены семьи, особенно дети. Тут исполнитель уже на нас и внимания не обращает. Вот перед ним горящие глаза, вот кто-то свои эмоции высказывает. И тексты тогда гораздо более полные. Он тогда уже себе не позволит

⁴ Кол. 23. Ед. хр. 1–515; Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. № 1421–1423 (далее: ФА с указанием номера кассеты).

⁵ ФА. 2762–2766.

Ил. 1. Иван Григорьевич Фомин, д. Чуркина Гора Пудожского р-на Карелии. Фото Ю. А. Новикова. 1969 г.

делать того, что иногда делали сказочники. Волшебная сказка, там повторы: те же самые формулы, те же самые сцены повторяются два-три раза. И исполнители начинают спрессовывать при записи тет-а-тет с собирателем. А когда аудитория более-менее представительная, надо блеснуть мастерством, показать все, на что он способен, — он уже „выдает“ в идеальном варианте.

И надо фиксировать все реплики, ремарки. Не только исполнителя, а вот эти, что аудитория говорит. Потому что это тоже одна из граней жизни, функционирования фольклора. Тогда понятно, для чего он нужен» [Новиков, с. 29].

Присутствие слушателей необходимо не только для сказочника. Как можно судить по дневниковой записи, большой интерес представляли свадебные причитания, или «причёты». Два дня Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите работали с Дарьей Степановной Меньшиковой, семидесятилетней жительницей деревни Костина Гора Колодозерского сельсовета. Исполнение происходило в естественной обстановке, в присутствии большого количества зрителей, вечером их набивалось в тесное помещение до двух десятков человек⁶. Исполнительница смогла вспомнить сначала не больше двух строчек, а потом по просьбе собирателей вспомнила и исполнила «без запинки» целый цикл причитаний невесты, несмотря на полвека, прошедшие со дня ее свадьбы. Д. С. Меньшикова исполнила причитания один-единственный раз в жизни, на своей собственной свадьбе, и потом никогда не причитывала за других, но сохранила в своей памяти причитание на просватанье, причитание невесты в день свадьбы (фрагмент: «Накатилась туча тёмная...»), причитание, когда невеста гостила у крестной матери, причитание сироты, насильно выдаваемой замуж, и причитание невесты на кладбище при посещении могилы отца.

⁶ Кол. 23. Ед. хр. 573.

В этой экспедиции удалось зафиксировать свадебные причитания от трех исполнительниц: помимо Д. С. Меньшиковой, — от Анны Филипповны Абрамовой из д. Салма Кубовского сельсовета и Авдотьи Андреевны Егоровой из д. Рубцово того же сельсовета.

Собиратели писали об А. Ф. Абрамовой, что она выделялась среди своих семидесятилетних сверстниц хорошей памятью, у нее приятный, сильный голос. «Особенно хороши ее свадебные причёты — ясный, четкий мелодический рисунок, отличная дикция, да и качество текстов хорошее. Нашими

Ил. 2. Дарья Степановна Меньшикова, д. Костина Гора Пудожского р-на Карелии. Фото Ю. А. Новикова. 1969 г.

записями репертуар Анны Филипповны, конечно, не исчерпывается, но с ней нам удалось встретиться всего два раза — большая семья требовала внимания»⁷. Действительно, А. Ф. Абрамова исполнила только причитание невесты на просватанье, текст отличный, с соблюдением всех пудожских канонов этого жанра.

Самый полный цикл свадебных причитаний Ю. А. Новиков и Б. П. Кер-

белите записали у А. А. Егоровой. Собиратели охарактеризовали этот жанр как самый ценный в ее фольклорном багаже, с развернутыми «*loci communes*», традиционными повторами, великолепной мелодией. Авдотья Андреевна в годы войны исполняла роль невесты, когда в местном клубе ставили свадьбу. Сама она призналась, что приплакивала за невесту два раза в клубе, «дак народ ревел во всю голову»⁸.

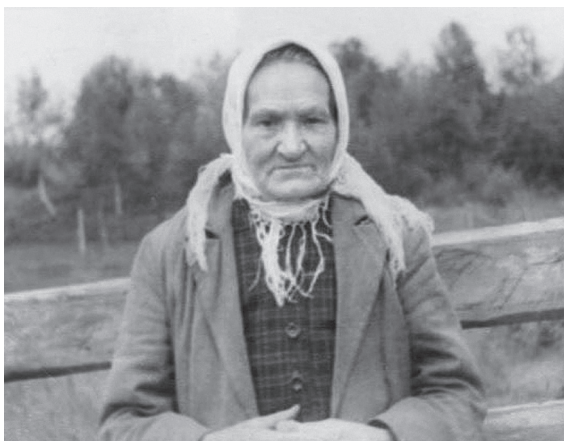
Все произведения свадебной обрядовой поэзии, зафиксированные в этой экспедиции Ю. А. Новиковым и Б. П. Кербелите, являются традиционными для Пудожья, они включают обязательные мотивы, органично входящие в канву обряда. Это, например, традиционный зачин, с которого начала свой плач А. А. Егорова: просьба к Господу и Пресвятой Богородице о благословении начать причитывать.

⁷ Кол. 23. Ед. хр. 614.

⁸ Кол. 23. Ед. хр. 634, 646.

У всех причитальщиц, о которых говорилось выше, присутствует тема «сада», обращенная к мифологическому контексту причитания. «Сад» обозначает свое пространство, свой дом, где проходило девичество, «сад-виноградье» — это и девушки-подруги. Т. А. Бернштам считает, что пространство около стола может осмысляться как «садовое», здесь происходили акты, связанные с девушкой-невестой [Бернштам, с. 58—59]. В Пудожье, как и в других севернорусских причитаниях, говорится о несколько ином расположении «сада»: на лавке под передним окном. Здесь девушка вышивает «волю» золотом, серебром и жемчугом, сюда прилетают «вольные пташки», птицы разных видов [Кузнецова 1993, с. 93—94]. Символика золота, серебра и жемчуга входит в фольклорно-мифологическую систему севернорусских свадебных причитаний, как и многих других жанров устного народного творчества. Среди обязательных мотивов причитаний на просватанье — появление «чужа отецкого сына», то есть жениха. Здесь наблюдаются традиционные повторы, о которых говорил Ю. А. Новиков:

Ил. 3. Авдотья Андреевна Егорова, д. Рубцово Пудожского р-на Карелии. Фото Ю. А. Новикова. 1969 г.

Заходил да цюж отецкой сын
 На мои сени решётцаты,
 Вызывал да цюж отецкой сын
 Моёго родима батюшка,
 Стал у батюшка выпрашивать,
 У жаланного выведывать,
 Нет ли девки на выдávаньи,
 Нет ли воли на продávаньи?..⁹

⁹ Кол. 23. Ед. хр. 634.

«Цюж отецкой сын» последовательно обращается к отцу, матери девушки, сестрам, брату, повторяя одну и ту же формулу-вопрос: нет ли в семье девушки на выданье?

В зафиксированном собирателями причитании на просватанье присутствуют традиционные для Пудожья мотивы: обращение невесты к присутствующим с просьбой расступиться и дать ей пройти по диагонали избы от большого угла к печи; вопрос к печи, кто зажжет свечу для богомолья, и свои же ответы на этот вопрос; упреки отцу в том, что он отдает девушку на чужую сторону.

Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите записали причитания невесты, когда происходили обряды посещения родственников и приглашения их на свадьбу, «приглашения» умерших принять участие в «слезливой свадебке». Кульминационным этапом свадьбы являлось расставание невесты с «волей». К этому этапу относился целый цикл обрядовых причитаний. Собиратели отмечают в своей заметке о работе с А. А. Егоровой, что во время постановки свадьбы в деревенском клубе в 1943 г. она «отправляла волю» брату, который в то время находился в фашистском плену. Персонифицированная «воля» должна была «позвать» брата на «слезливую свадебку» и узнать о его судьбе. Подобные плачи исполнялись на свадьбах в случаях, если кто-либо из родственников находился далеко и не мог приехать. Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите справедливо назвали это причитание «индивидуальным творчеством в рамках традиции»¹⁰:

[Невеста обращается к брату, который попал в плен:]

Полятай, бажона волюшка,
 Ты по пеньям серым заюшком,
 А по кореньям горносталюшком,
 Не задерживайся, волюшка,
 На деревнях за ночлегами,
 А в городах да за постоями,
 Ты лети, бажона волюшка,
 Прямо к брателку родимому,
 Позови, бажона волюшка,
 Моего родного брателка
 На слезливую на свадебку,
 На крепкоё рукобитьице,
 На слезно богомолёнице.

¹⁰ Кол. 23. Ед. хр. 637.

Дак узнай, бажона волюшка,
В каких условиях находится...¹¹

А. А. Егорова, д. Рубцово Кубовского сель-
совета Пудожского района Карелии

В причитании матери, адресованном просватанной дочери, чужая сторона изображается как деструктивная, там нет церковного пения и колокольного звона, то есть нет церкви, дорога покрыта пнями и заросла лесом; у богоданных родителей (свекра и свекрови) очень много маленьких детей, что тоже воспринималось как отрицательное, а не положительное явление. Примечание, зафиксированное собирателями со слов А. А. Егоровой, к этому фрагменту текста: «В Кúбово (прежде небольшая деревня в тридцати километрах от Салмозера, теперь довольно большой посёлок. — *Примеч. собирателей*) выдавала тётка доцёрь, там у богоданных [свекрови и свёкра] было много детей... Тётка Ненила [мать невесты] причитывала, в Кúбово-то церкви не было...»¹² Таким образом, деструктивное изображение чужой стороны было недалеко от реальной картины.

О поэтическом таланте и даре импровизации свидетельствует причитание А. А. Егоровой о родном доме. Такие произведения встречаются редко в фольклорных коллекциях, поэтому стоит привести его полностью.

Плач по родному дому

Текут реценьки-то быстрые
И Онегушко круглистое¹³,
Пароходы ходят быстрые.
Приезжайте-ко, голубушки,
На свою родну сторонушку,
На красное-то летушко.
Дак из озёр рыбки стекаются,
Из лесу птички слетаются
На свою родну сторонушку.
Дак вы, подружки мои милые,
Приезжайте-ко, голубушки,
Моя сестрица ты голубушка,
Да моя бажоная племянница!

---

¹¹ Кол. 23. Ед. хр. 637.

¹² Кол. 23. Ед. хр. 638.

¹³ Авд[отья] Андр[еевна] дважды повторила эту строку, причем во второй раз употребила другой эпитет: «Онегушко шумистое». — *Примеч. Ю. А. Новикова.*

Дак у меня да только беднушки,
Как не будет меня беднушки,
Да к моей высокой гореньке
Зарастёт да путь-дороженька
Частым ельничком, березничком,
Зеленой травой муравушкой.
Дак не узнаете, голубушки,
Нету местица родительского,
Где родительска подвóренка.
Дак зайдите, подружки милые,
Во высокоу мою горенку.
Дак в одном углу пустёшенько,
Дак в другом да холоднёшенько.
На серёдке-то гореньки
Сугроб да снежку белого,
Сугроб да ледку ярого...¹⁴

А. А. Егорова, д. Рубцово Кубовского сельсовета Пудожского района Карелии.

Записали Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите в августе 1969 г.

Собиратели оставили следующее примечание: «Это письмо Авдотьи Андреевны к сестре, написанное в форме плача несколько лет назад. Авдотья Андреевна припомнила его по памяти. Содержание плача тесно связано с судьбой этой женщины»¹⁵. Далее собиратели поясняют, что ее единственная дочь умерла в детском возрасте, и плач обращен к сестре и племяннице, которые живут в Петрозаводске. Она часто ездит к ним, отсюда образ «шумистого Онегушка». Картина запустения родного дома, скорее всего, взята из причитания невесты на могиле отца, в действительности в одной половине дома, где прохудилась крыша, наматает зимой снег. Комментируя причитание, Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите пишут о внутренней силе этой женщины и любви к жизни. «Другая бы на ее месте только вздыхала и охала, а эта немощная, сгорбленная старушка, будто отряхнув с себя четыре десятилетия, поет плясовые песни, частушки, сама пускается в пляс, притопывая большими, не по размеру сапожищами»¹⁶. От этой исполнительницы были

---

¹⁴ Кол. 23. Ед. хр. 639.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

записаны фрагменты свадебных причитаний, когда невеста причитает на могиле матери и когда благодарит крестную мать за угощение, называя ее «божаткой».

Помимо причитаний, А. А. Егорова сообщила несколько свадебных приговоров: это «Тетёрка» («Вот тебе тетёрка, нещипаная, нетеребленная...»), приговор старшего свата, когда выкупают стол («Стол стоит-от на четырёх ногах...»), приговор от лица девушек при выкупе стола («Наши девушки не бедные...»). Из свадебных песен она исполнила так называемые «опевальные» — сатирические короткие песни, высмеивающие свата, тысяцкого, брюзгу (брюдгу — старшую женщину со стороны жениха), а также свадебные песни «За столамы за дубовыма», «Отставала лебедь белая». От разных женщин были зафиксированы рассказы о том, как девушки убежали, договорившись с женихом, тайком от своей семьи, такие случаи называли «свадьбы убёгом».

В коллекции собирателей оказалось несколько преданий: два о литовском кургане, повествующие о том, что в могильнике недалеко от деревни были найдены останки больших людей¹⁷, что деревня Татарская Гора названа так потому, что там «татары воевали». Местные жители считают, что и в могильнике, и в Татарской Горе были захоронения. Предание о церкви на острове Кижы говорит о том, что плотник, после того как срубил эту церковь, бросил в воду топор и теперь никому не разобрать, как она построена. Собиратели отметили, что предание, скорее всего, имеет книжный источник. Зафиксированы также предания о названиях деревень Пенькино на Колоде реке, где в 1936–1937 гг. был лагерь, и о д. Чуркина Гора.

В большом количестве были записаны пословицы и поговорки, их в коллекции всего 177. Ю. А. Новиков считал, что для собирателя это один из самых сложных жанров. В вышеупомянутом интервью он говорил: «Пословицы вообще невозможно записывать: „Бабушка, давай пословицы“. Я в Литве нашел староверку Колесникову, которая записывала сама всё, что знала. Она записала более тридцати тысяч пословиц, поговорок, фразеологизмов. И вот она говорит, что она помнит только одну: „Волка ноги кормят“. Потому что пословица приходит в речевой ситуации. И тогда они летят одна за другой. Загадки тоже хорошо, потому что загадки одна в другую переходят» [Новиков, с. 28].

Значительную часть коллекции составляют песни обрядовые, плясовые, любовные и т. д., романсов всего два — их, видимо, собиратели старались избегать. Среди песен выделяется «кадрэль» — цикл шуточных по содер-

¹⁷ Кол. 23. Ед. хр. 18, 19, 545, 546.

жанию «частых» песен. Д. С. Меньшикова и Е. М. Меньшикова исполнили девять кадрилиных и игровых песен. От разных исполнителей зафиксировано 84 частушки.

О верованиях, связанных с повседневной жизнью местного населения, собиратели записали интересные сведения. Существовали запреты, основанные на древних представлениях. Например, за чаем или обедом нельзя говорить о медведе, «не дай Бог!». На сенокосе нельзя мочить грабли, иначе пойдёт дождь. Нельзя брать «собачью кусаницу», она считается «нехорошей»¹⁸.

Поверье, связанное с пастушеским отпуском, говорит о ряде запретов: пастуху нельзя есть черных ягод, ломать жерди «косой изгороди», иначе зверь может тронуть стадо. Когда коровы «отпущены» пастухом, они не заходят дальше «предписанного» им расстояния. Они пасутся, а пастух в это время может находиться дома. Пастуху нельзя бриться и стричь ногти, пока действует «отпуск». В крестьянских семьях действовал запрет ругаться и говорить: «Леший тебя понеси», — из-за его нарушения человека может «водить» по лесу, пока не будут предприняты меры. Одно из поверий повествует о том, что молодых на свадьбе колдун мог обернуть волками. «Я слыхала, волков убьют, кожу сдерут — а женщина в юбке и в сарафане, а мужчина — в штанах и в жилетке. А убьют волка...»¹⁹ Подобные рассказы неоднократно фиксировались исследователями, например: [Мыльникова, Цинциус, с. 129–130 (примеч.); Иванов, с. 402; Кузнецова 1992, с. 127–128].

Быличек в тетрадах собирателей всего пять. Это повествования о необычных случаях: например, как дух-хозяин бани затянул старика в каменку, или о «чуде», как водяница с черными длинными волосами встала из воды. Другое повествование говорит о том, что люди верили, будто кто-то из односельчан общается с нечистой силой. Так, хозяин леса поведал «знавшемуся» с ним человеку, что родственник не придет с войны домой.

Было зафиксировано несколько легенд: о святом Макарии, почитавшемся местными жителями. Святой шел мимо деревни на Корбозере и попросился жить на Монастырском поле, за деревней Погост. Его не пустили, и он предсказал, что люди будут жить на этой земле без хлеба, а у воды — без рыбы. Так и случилось. Ю. А. Новиков снабдил запись примечанием, поясняющим происхождение этой легенды: «Корбозеро — умирающее озеро, много островов, глубина около полуметра, в жаркое лето трава поднимается над водой почти по всему озеру. Рыбы не много и некрупная. Зёмли тут тоже

¹⁸ Кол. 23. Ед. хр. 522, 529, 531.

¹⁹ Кол. 23. Ед. хр. 564.

бедные, песчаные. Поэтому здесь легенда приобрела этиологический оттенок»²⁰.

Ю. А. Новиков записывал этнографические сведения и фольклор и при случайных встречах, как, например, в гостинице, в разговоре с лесником из поселка Водла: «Отец мой так и умер на Кумбас-озере. Звал к себе — не идёт, ни с пиром, ни с миром не договориться»; «В Петрозаводском народу-то, и такие все нахальные... Говорят, чем нас меньше, тем нам лучше, а чем нас больше, тем нам хуже...»²¹

В самом конце третьей тетради помещены лингвистические записи под заголовком: «Некоторые лексические особенности говора северо-восточной Пудогы». Собиратель отмечал каждого информанта, от которого был записан материал, с полными паспортными данными. Пример:

Фомина Фёкла Гавриловна, 62 г., грамотная, д. Чуркина Гора Колодозерского сельсовета.

Жыт' — [находиться, располагаться].

У м'ин'а ч'исы з'д'эс'а жыв'ут.

Эта в'ир'офка фс'ида з'д'эс'а жив'от?

Содовн'иц'а — [посеянное семя].

Нас'ујала много р'эпк'и // а токо с одной содовн'иц'ы выросло.

Зас'ин'ило — [затянулось тучами].

Задожжыт // гл'ико // фс'о зас'ин'ило кругом.

Образцы местного говора были записаны также от Александры Федоровны Курченко, 46 лет, Александры Андреевны Ушаковой, 73 лет, Евдокии Максимовны Меньшиковой, 64 лет.

В тетради № 3 к коллекции приложены семь фотографий исполнительей — это А. А. Ушакова (д. Салма), Е. А. Егорова (д. Рубцово), Д. С. Меньшикова (д. Татарская Гора), Е. М. Меньшикова и М. П. Меньшикова (д. Татарская Гора) и две фотографии И. Г. Фомина (д. Чуркина Гора).

В самом конце Ю. А. Новиков подвел итог собирательской работе и систематизировал материал по содержанию каждой тетради. Он разделил материал на разделы и жанры, привел статистику произведений по каждому жанру; индексы сюжетов сказок он определил по указателю Аарне — Томпсона.

О фольклорной коллекции, которую Юрий Александрович Новиков собрал вместе с Брониславой Петровной Кербелите, можно сказать, что она

²⁰ Кол. 23. Ед. хр. 523.

²¹ Кол. 23. Ед. хр. 650.

является образцовой по методике полевой работы фольклориста, по высшей квалификации собирателя, который записывал не только сами произведения, но и контекст исполнения, обстоятельства, которые сопутствовали обучению исполнителей и восприятию устного народного творчества, он давал свои обстоятельные комментарии к текстам. Внимательное знакомство исследователей с этой коллекцией явится настоящей школой собирательской работы. Ю. А. Новикову помогали не только опыт, полученный в его первых экспедициях, но и личное трудолюбие, интерес к народному слову и любовь к людям, которые встречались ему на пути. У него всегда был наготове его рабочий инструмент: если не магнитофон, то ручка и блокнот, как учили его преподаватели на первом курсе обучения в Московском государственном университете.

Приложение

Опись Коллекции № 23 НА КарНЦ РАН.

Ед. хр. № 516–654, тетр. III

Материалы экспедиции в Пудожский район Карелии, деревни Колодозерского и Кубовского сельсоветов, 1969 г.

Собиратели Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите

№ ед. хр.	Название или первая строка произведения	Жанр, тема	Исполнители	Место записи
516	Фомина Фекла Гавриловна	Биографический рассказ	Фомина Фекла Гавриловна	д. Чуркина Гора
517	Репка 1960* AA DI	Сказка-анекдот	— " —	— " —
518	Предание о Татарской горе	Предание	— " —	— " —
519	Предание о Литовском кургане	Предание	— " —	— " —
520	Примета, связанная с погодой	Примета	— " —	— " —
521	Примета, связанная с погодой	Примета, связанная с погодой	— " —	— " —
522	Поверье о медведе	Поверье	— " —	— " —
523	Легенда о прп. Макарии	Легенда	— " —	— " —
524	Легенда о воде	Легенда	— " —	— " —
525	Предание о Кижской церкви	Предание	— " —	— " —

526	Поверье о пастушеском отпуске	Поверье	— " —	— " —
527	«Леший тебя понеси!..»	Поверье	— " —	— " —
528	О баенном	Быличка	— " —	— " —
529	Поверье, связанное с хоз. жизнью. О сенокосе	Поверье	— " —	— " —
530	«Садись да хвались...»	Пословицы и поговорки — 32	— " —	— " —
531	Поверье о «собачьей кусанице»	Поверье	Фомина Ф. Г.	д. Чуркина Гора
532	«Бог-то Бог, да сам не будь плох...»	Пословицы — 12	Фомин Борис Иванович	— " —
533	«Ну да, у этой Мани...»	Пословицы — 5	Курченко Александра Федоровна	— " —
534	О том, как Дуня чудо видала (Водяница) О Литовском кургане	Быличка Предание	Танина Мария	— " —
535	«...Не кладай в шкаф...»	Пословицы — 9	Коченина Марина Тарасовна	— " —
536	«Васенька-коток»	Песня плясовая	— " —	— " —
537	«Ленок»	Песня плясовая	— " —	— " —
538	«Я основушку вела, всех соседей собрала...»	Песня плясовая	— " —	— " —
539	«Софронко»	Песня плясовая	— " —	— " —
540	«Не брани, мама, меня...»	Частушки — 5	— " —	— " —
541	«Не комар ли пищит...»	Песня шуточная	— " —	— " —
542	Загадки	Загадки — 5	— " —	— " —
543	Пословицы и поговорки	Пословицы — 10	— " —	— " —
544	О лешем	Поверье	Фомина Агафья Игнатьевна	— " —
545	О Литовском кургане	Предание	— " —	— " —
546	О Татарской горе	Предание	— " —	— " —
546а	О Чуркиной горе	Предание	— " —	— " —

5466	О д. Пенькино на Колоде-реке	Предание	— " —	— " —
547	Пословицы	Пословицы — 2	— " —	— " —
548	Загадки	Загадки — 2	— " —	— " —
549	О Фомине Иване Григорьевиче	Биографический рассказ	Новиков Ю. А., Кербелите Б. П.	д. Чуркина Гора
550	Сказка АТН 315*В)	Сказка волшебная	— " —	— " —
551	Сказка АТН 502)	Сказка волшебная	— " —	— " —
552	Сказка АТН 530)	Сказка волшебная	— " —	— " —
553	«Ехали солдаты со службы домой...»	Солдатская песня	— " —	— " —
554	«Было дело в Ленинграде...»	Переделка авторской песни	— " —	— " —
555	Загадки	Загадки — 4	— " —	— " —
556	Пословицы и поговорки	Пословицы — 4	— " —	— " —
557	Сказка о черте АТН 650А+1045 НО 72+1071+1063+1064+1162 1130)	Сказка	— " —	— " —
558	Сказка о животных АТ71–158)	Сказка	Меньшикова Евдокия Максимова	д. Костина Гора
559	Сказка АТ71–1960* Д1)	Сказка-анекдот	— " —	— " —
560	Сказка АТ71 1960С)	Сказка-анекдот	— " —	— " —
561	Пословицы и поговорки	Пословицы и поговорки — 19	— " —	— " —
562	«Что по нашему бережку...»	Кадрильная песня	— " —	— " —
563	Лучина	Хороводная песня	— " —	— " —
564	Поверье об оборотнях	Поверье	— " —	— " —
565	О черте	Быличка	— " —	— " —

566	Как мужа испортили	Быличка	— " —	— " —
567	Сказка о золотой рыбке АТ71—555)	Сказка волшебная	— " —	— " —
568	О Меньшиковой Марии Петровне	Биографический рассказ	Новиков Ю. А., Кербелите Б. П.	— " —
569	«Ланцы ходили...»	Песня плясовая	Меньшикова М. П.	— " —
570	Частушки	Частушки — 6	— " —	— " —
571	Пословицы и поговорки	Пословицы — 10	— " —	— " —
572	Загадки	Загадки — 3	— " —	— " —
573	О Дарье Степановне Меньшиковой	Биографический рассказ	Новиков Ю. А., Кербелите Б. П.	— " —
574	«Я сидела, красна девушка...»	Свадебное причитание	Меньшикова Д. С.	— " —
575	«Ты скажи, желанна матушка...»	— " —	— " —	— " —
576	«Да накатила туця темная...»	— " —	— " —	— " —
577	«Спасибо крестному божа-тушку...»	— " —	— " —	— " —
578	«Выживают меня, беднушку...»	— " —	— " —	— " —
579	«Вы не вейте, ветры буйные...»	— " —	— " —	— " —
580	«Вот тебе тетерка...»	Свадебный приговор	— " —	— " —
581	«Стол стоит-от на четырех ногах...»	Свадебный приговор	— " —	— " —
582	«...чушка молодая, молодая...»	Свадебная песня	— " —	— " —
583	«Сватушко, сватушко...»	Свадебная песня	— " —	— " —
584	«Да тысяцка неумоя...»	Свадебная песня	— " —	— " —
585	«За столами, за дубовыми...»	Свадебная песня	— " —	— " —
586	«Отставала лебедь белая...»	Свадебная песня	— " —	— " —

587	Сказка АТ 412* СУ811*)	Сказка	— " —	— " —
588	Сказка АТ 902*А*)	Сказка новел- листическая	— " —	— " —
589	О том, как жениться	Притча	— " —	— " —
590	О том, как лесной мужику в лоб щелкнул	Быличка	— " —	— " —
591	О том, как старик поезд оста- новил	Быличка	— " —	— " —
592	Рассказ о свадьбе «убёгом»	Свадебный обряд	Меньшикова Евдокия Мак- симовна	— " —
593	«Не котите-ко котельнички...»	Песня пля- совая	Меньши- кова Е. М., Меньшико- ва Д. С.	— " —
594	«Когда сердце горит...»	Песня пля- совая	— " —	— " —
595	«Ванька не был...»	— " —	— " —	— " —
596	«А я вела, вела корову за рога...»	— " —	— " —	— " —
597	«Уж ты, голубь...»	— " —	— " —	— " —
598	«Уродилась Дуня...»	— " —	— " —	— " —
599	«Я посею лебеду на берегу...»	— " —	— " —	— " —
600	«Что во городе чаревна, чаревна...»	Игровая песня	— " —	— " —
601	«А мы просо сеяли, сеяли...»	Игровая песня	— " —	— " —
602	Частушки	Частушки — 7	— " —	— " —
602a	Поверье	Поверье	— " —	— " —
603	«Вецеронька кругла...»	Прибаутка	— " —	— " —
604	Пословицы и поговорки	Послови- цы — 5	— " —	— " —
605	Сказка АТ—1365 А)	Сказка-анек- дот	Меньшиков Дмитрий Ива- нович	— " —
606	«Согласен работать я в мире...»	Шуточная песня	— " —	— " —
607	Пословица	Пословица	— " —	— " —

608	«Растворила квашонку на донушки...»	Свадебная сатирическая песня	Ушакова Александра Андреевна	д. Салмозеро
609	Пословицы и поговорки	Пословицы — 15	— " —	— " —
610	Частушки	Частушки — 2	— " —	— " —
611	Легенда о Змие	Легенда	— " —	— " —
612	Пословицы и поговорки	Пословицы — 4	Абрамова Настасья Васильевна	— " —
613	Пословицы и поговорки	Пословицы — 2	— " —	— " —
614	«Я чего да порассиделася...»	Свадебное причитание	Абрамова Анна Филипповна	— " —
615	«Ты скажи, кормилец-батюшко...»	— " —	— " —	— " —
616	«За столами за дубовыми...»	Свадебная песня	— " —	— " —
617	«Отставала лебедь белая...»	— " —	— " —	— " —
618	«Василий и Софья» (отрывок)	Баллада	— " —	— " —
619	«Платов» (отрывок)	Историческая песня	— " —	— " —
620	Колядка 1	Аграрная лирика	— " —	— " —
621	Пословицы и поговорки	Пословицы — 23	— " —	— " —
622	Сказка АТ–715А	Сказка	— " —	— " —
623	«Сказка-помазка»	Присказка	— " —	— " —
624	«Летит казак через долину...»	Романс	— " —	— " —
625	«Не по морюшку, морю было синему...»	Песня любовная	— " —	— " —
626	«Заболит головушка, занает сердечушко у милого...»	Песня любовная	Абрамова А. Ф., Аникина А. Г., Ушакова А. А.	— " —
627	«Чужая сторонюшка без ветрушка сушит...»	Семейно-бытовая песня	Абрамова А. Ф.	— " —
628	«Закатилось красно солнышко...»	Песня любовная	Абрамова А. Ф., Егорова А. А.	— " —

629	«День ясный и прекрасный...»	Городской романс	Абрамова А. Ф., Ушакова А. А.	— " —
630	«Ах, лучина, лучина да березовая...»	Песня хороводная	— " —	— " —
631	«Ванька не был, Ванька был, был, был...»	Плясовая песня	— " —	— " —
632	«Когда сердце горит...»	Плясовая песня	— " —	— " —
633	Частушки	Частушки — 33	— " —	— " —
634	«Господи, благослови...»	Причитание свадебное	Егорова Авдотья Андреевна	д. Рубцово
635	«Да где-то есть у меня, у беднушки...»	— " —	— " —	— " —
636	«По сегодняшнему денёчку...»	— " —	— " —	— " —
637	«Полетай, бажона волюшка...»	— " —	— " —	— " —
638	«Ты повыбрала, голубушка...»	— " —	— " —	— " —
639	«Текут реценьки-то быстрые...»	Плач бытовой	— " —	— " —
640	Частушки	Частушки — 22	— " —	— " —
641	«По сегодняшнему денечку...»	Причитание похоронное	— " —	— " —
642	«По сегодняшнему денечку...»	Причитание свадебное	— " —	— " —
643	«Спасибо да благодарствую...»	— " —	— " —	— " —
644	«Спасибо, крестна матушка...» (отрывок)	— " —	— " —	— " —
645	Гадание	Гадание	— " —	— " —
646	Пословицы и поговорки	Пословицы — 6	— " —	— " —
647	Пословицы и поговорки	Пословицы — 3	— " —	— " —
648	Пословицы	Пословицы — 8	— " —	— " —
649	Обряды и поверья, связанные с пастьбой скота	Пастушеские обряды	Назаров Павел Федорович	д. Чуркина Гора
650 — 654	Особенности говора деревень северо-восточной Пудогы	Лингвистический материал	Фомина Ф. Г., Фомин Б. И., Курченко А. Ф. и др.	Деревни Колдозерского и Курбовского сельсоветов

б/н	Фотографии исполнителей — 7	Фотографии	Ушакова А. А., Егорова Е. А., Меньшикова Д. С. и др.	— " —

Архивные материалы

- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Ед. хр. 1–654. Пудожский р-н КАССР, 1969 г. Записи А. П. Разумовой, Н. А. Криничной, Т. А. Коски, Т. И. Сенькиной, студентов Петрозаводской консерватории Л. Кернажицкой, Т. Таскаевой, преподавателей Вильнюсского государственного пединститута Б. П. Кербелите, Ю. А. Новикова.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. Ед. хр. 1–1111. Заонежский, Сегежский и Беломорский р-ны КАССР, 1956 г. Записи Э. В. Померанцевой и студентов МГУ.
- Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассеты № 2762–2766. Записи Б. П. Кербелите и Ю. А. Новикова, произведенные в августе 1969 г. в деревнях Костина Гора и Чуркина Гора Колодозерского сельсовета и в деревнях Салма и Рубцово Кубовского сельсовета Пудожского р-на КАССР.

Литература

- Абросимова — Юрий Новиков: «В идеале надо записывать всё»: Опыт участника фольклорной экспедиции МГУ 1950-х годов / Беседовала Дарья Абросимова // Кижы (газета). Петрозаводск, 2011. № 10 (83). Ноябрь.
- Бернштам — *Бернштам Т. А.* Обряд «расставание с красотой»: (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР: Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1982. Вып. 38. С. 43–66.
- Иванов — *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция индоевропейских текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 5. С. 399–408.
- Кузнецова 1992 — *Кузнецова В. П.* О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежье / Ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1992. С. 117–131.
- Кузнецова 1993 — *Кузнецова В. П.* Причитания в севернорусском свадебном обряде / Ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1993. 180 с.
- Мыльникова, Цинциус — *Мыльникова К., Цинциус В.* Северовеликорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: Изд. комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. С. 2–170.
- Новиков — *Новиков Ю. А.* «В идеале надо записывать всё»: Интервью Д. Д. Абросимовой // Живая старина. 2013. № 3. С. 28–30.

References

- Abrosimova, D. (2011). 'Jurii Novikov: "V ideale nado zapisyvat' vse". Opyt uchastnika fol'klornoj ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1950-kh godov', *Kizhi (newspaper)*, 10 (83), Nov.
- Bernshtam, T. A. (1982). 'Obryad "rasstavanie s krasotoi": (K semantike nekotorykh elementov material'noi kul'tury v vostochnoslavjanskom svadebnom obryade)',

- in: *Pamyatniki kul'tury narodov Evropy i evropeiskoi chasti SSSR: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad: Nauka. Vol. 38, 43–66.
- Ivanov, Vyach. Vs. (1975). 'Rekonstruktsiya indoevropskikh tekstov, otrazhayushchikh kul't volka', *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Sentyabr'–Oktyabr'. Moscow: Nauka. Vol. 34, 5, 399–408.
- Kuznetsova, V. P. (1992). 'O funktsiyakh kolduna v russkom svadebnom obryade Zaonezh'ya', in: Surkhasko, Yu. Yu., Loginov, K. K., eds. *Zaonezh'e*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 117–131.
- Kuznetsova, V. P. (1993). *Prichitaniya v severno-russkom svadebnom obryade*. B. N. Putilov, ed. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN. 180 p.
- Myl'nikova, K., Tsintsius, V. (1926). 'Severovelikorusskaya svad'ba', in: *Materialy po svad'be i semeino-rodovomu stroyu narodov SSSR*. Leningrad: Izdanie komissii po ustroistvu studencheskikh etnograficheskikh ekskursii, 2–170.
- Novikov, Ju. A. (2013). "V ideale nado zapisyvat' vse". Interv'yu D. D. Abrosimovoi, *Zhivaja starina*, 3, 28–30.

А. С. Лызлова

СКАЗКИ В ЗАПИСЯХ Ю. А. НОВИКОВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН¹

Резюме

В фольклорном фонде НА КарНЦ РАН имеются материалы, записанные известным эпосоведом Ю. А. Новиковым. Одна коллекция (№ 23) датируется летом 1969 г. и включает тетради разножанровых текстов, собранных исследователем вместе с супругой, Б. П. Кербелите, в Пудожском районе Карелии. Встречаются здесь и сказки, сообщенные несколькими исполнителями, среди них Ю. А. Новиков особо выделил И. Г. Фомина, о котором вспоминал даже спустя десятилетия. Ни один из текстов не был опубликован в сборнике «Русские народные сказки Пудожского края», подготовленном сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной и изданном в 1982 г. В настоящей статье осуществлена характеристика сказок, записанных Ю. А. Новиковым и снабженных биографическими зарисовками об исполнителях. Ряд текстов впервые вводится в научный оборот. Среди них, к примеру, сказка «Репка», зафиксированная от нескольких исполнителей и представленная разными вариациями. Собирателям удалось сделать также фотографии носителей пудожской фольклорной традиции. Публикация позволяет расширить сведения как о собирательской деятельности Ю. А. Новикова, так и о бытовании сказок на территории Пудожского района Карелии в конце 1960-х гг.

Ключевые слова: Ю. А. Новиков, Пудожье, народные сказки, НА КарНЦ РАН

---

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Карельского научного центра РАН.

Anastasia S. Lyzlova

YURII ALEXANDROVICH NOVIKOV'S RECORDS OF FOLK TALES IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE KARELIAN RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract

The Department of folklore records of the Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences in Petrozavodsk holds materials recorded by Yurii Alexandrovich Novikov, a well-known expert in Russian epic texts. Collection No. 23, which dates from the summer of 1969, includes several notebooks with texts in different genres that Novikov and his wife B. P. Kerbelite collected in several settlements of the Pudozh District of Karelia. Some of the recorded folk tales were narrated by several performers. Of these narrators, Novikov especially appreciated Ivan Grigorievich Fomin, whom he remembered even decades later. Regrettably, none of these texts were published in the collection titled *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraia* (Russian folk tales of the Pudozh land), which was prepared by A. P. Razumova and T. I. Senkina, researchers at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, and which was published in 1982. This article describes the folk tales that Novikov recorded and to which he added biographical notes about the performers. Some of these texts are brought to the attention of scholars for the first time. One of them is the folk tale *Repka* (The Turnip), which was recorded in different variants performed by several performers. The Collection also includes photographs of bearers of the Pudozh folklore tradition, which were taken by the collectors. The publication of these materials expands the knowledge of Novikov's collecting activities and of the circulation of folk tales in the Pudozh District of Karelia in the late 1960s.

Keywords: Yurii Alexandrovich Novikov, Pudozh District, folk tales, Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-48-58

Жизнь Ю. А. Новикова была неразрывно связана с Карелией. На начальном этапе своей научной карьеры он был участником фольклорных экспедиций, проводимых здесь в 1950–1960-х гг. (см. об этом: [Абросимова]), позднее неоднократно приезжал для выступлений на различных конференциях.

В августе 1969 г. Ю. А. Новиков, в то время молодой преподаватель Вильнюсского педагогического института, совершил экспедиционный выезд в Пудожский район Карелии вместе с супругой, Б. П. Кербелите. Собранные материалы хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН; рукописные расшифровки магнитофонных записей вошли в состав Коллекции № 23

русского фольклорного фонда НА КарНЦ РАН (см. об этом подробно в статье В. П. Кузнецовой в настоящем номере журнала). Среди записей есть и ряд сказок, сообщенных пятью пожилыми носителями фольклорной традиции: 79-летним Иваном Григорьевичем Фоминым, 62-летней Феклой Гавриловной Фоминой, 64-летней Евдокией Максимовной Меньшиковой, 70-летней Дарьей Степановной Меньшиковой и 66-летним Дмитрием Ивановичем Меньшиковым.

Наряду с текстами в коллекции представлены биографические зарисовки собирателей об исполнителях, которые позднее вошли в состав издания «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)» [Курец]. Так, Ф. Г. Фомина — «грамотная, 62 лет, д. Чуркина Гора Колодозерского сельсовета. Невысокая сухонькая старушка, местная уроженка. Живет с сыном и невесткой (Фоминым Борисом Ивановичем и Курченко Александрой Федоровной. — А. Л.). Фекла Гавриловна — на редкость добрая, покладистая женщина, за всю свою долгую жизнь она, наверное, ни с кем не повздорила, односельчане, жители соседних деревень отзываются о ней с большим уважением. В своей семье она практически не имеет голоса, хотя на ее плечах, по существу, лежит все домашнее хозяйство. Фольклорный „багаж“ Феклы Гавриловны невелик — несмотря на то, что мы жили с ней под одной крышей около 10 дней, записано от нее не так много. Наибольший интерес представляют ее пословицы и поговорки. Речь этой старушки богата и в другом отношении — разнообразие интонаций, напевность, мелодичность, что-то близкое к музыкальному, а не привычному силовому ударению, придают ей необычность и особую привлекательность» [Курец, с. 301–302]. Ф. Г. Фомина сообщила только одну короткую популярную сказку, относящуюся к сюжетному типу СУС 2044 *Репка* (см. Приложение, № 1); в вытягивании репки в ней участвуют старик, бабка, внучка, Жучка, кошка. Этот набор персонажей в количестве шести людей и животных используется в литературной обработке сюжета, осуществленной А. Н. Толстым в 1940 г. В сказке Ф. Г. Фоминой присутствует одна немаловажная деталь, характерная для сказок, относящихся к особой версии данного сюжетного типа, записанных на территории современной Карелии, — высаживание репы на крыше бани (подробно о таких сказках см. [Лызлова 2020]).

Удивительно, но два разных варианта сказки о репке были записаны Ю. А. Новиковым от Е. М. Меньшиковой. Это «очень милая, опрятная старушка, разговорчивая, бойкая. Родом из деревни Масельга Каргопольского района Архангельской области (примерно в 15–17 км от Тамбичозера). В Костиной Горе живет более сорока лет, сюда и выдали замуж. Муж погиб в 1944 году на фронте, три сына осели по городам, Евдокия Максимовна

живет одна. На зиму каждый год уезжает к сыновьям, скоро, очевидно, на-совсем переберется к ним. Несколько лет назад „болела головой“, многое забыла, но и сейчас представляет немалый интерес для фольклориста — помнит много песен, некоторые сказки (правда, рассказывает их неважно), несколько раз порывалась причитывать, но тексты помнит слабо. Речь ее богата пословицами, поговорками. Грамотная, возраст 64 года» [Курец, с. 177]. Одна из сказок, зафиксированных от исполнительницы, похожа на упомянутый ранее известный всем с детства текст (см. Приложение, № 2). После того как репа вырастает, дед призывает на помощь бабку, внучку, собаку, кошку и мышку. Интересно, что в сказке кличка есть не только у собаки (Жучка), но и у кошки (Машка). Последний факт сближает текст с литературной обработкой К. Д. Ушинского, впервые опубликованной в 1864 г. на страницах учебника «Родное слово», где сообщается, что дед, посадивший репку, не может ее вырвать, потому как она вырастает большой-пребольшой; помогают ему в этом деле несколько персонажей: «Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут — вытащили репку» [Ушинский, с. 45–46]. Учебник несколько раз переиздавался значительными тиражами, распространяясь в самые отдаленные уголки страны и, безусловно, оказал влияние на устную сказочную традицию. Сама же сказка в обработке К. Д. Ушинского «по условиям бытования сразу приобрела фольклорный статус» [Лозовская, с. 62].

Что касается второй версии сказки «Репка», сообщенной Е. М. Меньшиковой, то в ней тоже содержится информация о посеянной на крыше бани репе, но сам текст соотнесен исследователями с другим сюжетным типом — СУС 1960D *Неслыханно большая капуста, огурцы, дыня, горох и т. п.* [Сказки Пудожского края, с. 309]. Он заканчивается смертью старика (см. Приложение, № 3). Разные варианты сказки о репке, таким образом, обозначены в указателе СУС удаленными друг от друга шифрами, в то время как в указателе Аарне — Андреева они имеют один номер с дополнительными символами: 1960D и 1960*DI [Аарне, Андреев, с. 108].

От исполнительницы был записан также сказочный вариант, воспроизводящий пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». В примечании к этому тексту Ю. А. Новиков отмечает, что «это — самая слабая сказка Евдокии Максимовны. Хотя она сама вызвалась рассказать ее, говорила медленно, будто через силу. Сказка удручает многословием, слегка варьированными повторами, которые отнюдь не украшают ее (каждый раз „старче“ забрасывает сети, вытаскивает золотую рыбку, а та упрашивает отпустить ее). Текст Евд. Максимовны явно связан с пушкинской сказкой (см. „у самого

синего моря“, обращение „старче“ и т. д.). Но есть в нем и некоторые „местные элементы“ — старик ловит рыбу на озере, забрасывает сети, а не невод»².

Последняя сказка, записанная от Е. М. Меньшиковой, принадлежит к числу сказок о животных и соотносится с сюжетным типом СУС 158 *Звери в санях у лисы (старушки)*: «старуха едет на быке в лес за дровами; к ней в сани садятся звери, ломается завёртка³; звери пытаются помочь старухе, но неудачно; в ее отсутствие звери съедают быка, кожу набивают мхом» [Сказки Пудожского края, с. 309]. Текст также наполнен диалектными словами и интересными формулами (см. Приложение, № 4).

Одна сказка была записана от Д. С. Меньшиковой. Ей «70 лет, неграмотная, родом с Корбозера, из деревни Погост. Работали мы с ней всего два вечера — Дарья Степановна принимала гостей: около десятка человек — сын, невестка, внуки. У нее хороший вкус и отличная память. Все произведения записывались в естественной обстановке: в слушателях недостатка не было, по вечерам в избенку набивались до двух десятков человек. Среди текстов, записанных от Дарьи Степановны, наибольший интерес представляют свадебные причёты» [Курец, с. 176]. В сообщенной ею новеллистической сказке «жена прядет нитки, собирается с мужем в гости, вместо одежды обвивает его нитками» [Сказки Пудожского края, с. 310].

Вслед за супругой рассказал сказку Д. И. Меньшиков⁴, «66 лет, грамотный. Муж Дарьи Степановны, местный. Ранен во время Великой Отечественной войны, сейчас тяжело болен. Раньше, по словам односельчан, был неплохим рассказчиком. Оба вечера, когда мы работали со старушками, внимательно слушал, порой подсказывал им забытые слова песен. Наконец не удержался и сам рассказал сказку, спел песню»⁵. В подготовленном Т. С. Курец издании [Курец] сведения об этом исполнителе не учтены. В записанной от него сказке-анекдоте (СУС 1365А *Упрямая жена*) «жена делает все наоборот; муж ищет ее труп против течения» [Сказки Пудожского края, с. 310].

В материалах коллекции есть сказки, сообщенные еще одним мужчиной — И. Г. Фоминим, на которого собирателям «в первый же вечер указали как на хорошего сказочника»: односельчанка «Ф. Г. Фомина вспоминала, как Иван Григорьевич лет 30 назад ночи напролет рассказывал сказки —

² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 549–550 (№ 567).

³ *Завёртка* — привязь оглобли к саням [Сказки Пудожского края, с. 360].

⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 591–592 (№ 605).

⁵ Там же. Л. 591 (№ 605).

долгие, интересные» [Курец, с. 300]. Похожие сведения сообщила и жена исполнителя — А. И. Фомина: «Дедко мой раньше рассказывал сказки. На лесовывозки увезут, говорят: „Иван Григорьевич, скажи-ко сказку“. Дак рассказыват целу ночь, до утра. Дак одны слушают, другие спят, кто что делает. А нонь все сказки забыл, перво слово никак не складет» [Там же]. Участники экспедиции охарактеризовали Фомина как великолепного сказочника: «...по всему видно, что сказки свои исполнял десятки раз, так прочно затвердил сказочные формулы» [Там же]. Несмотря на обширный репертуар, собирателям удалось зафиксировать всего четыре текста: три сказки принадлежат к числу волшебных и одна объединяет сюжетный тип волшебного характера с целым рядом сюжетных типов об одураченном черте. Все тексты свидетельствуют о том, что И. Г. Фомин является знатоком так называемой «долгой» сказки, в отличие от других опрошенных здесь собирателями исполнителей. Память о встрече с этим носителем фольклорной традиции Ю. А. Новиков пронес через всю жизнь, вспоминая в 2011 г.: «Потом на Пудогe мы в шестьдесят девятом году нашли великолепного сказочника. Все на него указывали: „Сходите к нему“. Ему уже за девяносто лет было⁶. И мы к нему четыре вечера приходили. И только по одной сказке волшебной записывали за вечер, но такой стройной! Как-то я мимо проходил и хозяйку спрашиваю — а она все вокруг дома крутится: „Чего вы, чего в избу не идете?“ А она говорит: „Иван выгнал“. — „???“ — „Сказку репетирует“. Которую мы сегодня вечером должны от него записывать. Он восстанавливал! Он относился как профессионал к этому, прямо как в театре, когда готовят постановку» [Абросимова].

Среди записанных от И. Г. Фомина сказок есть текст, относящийся к сюжетному типу СУС 502 *Медный лоб*⁷, в котором «царевич освобождает чудесного пленника; тот становится его слугой и помощником; коварный слуга меняется с царевичем платьем; царевич женится, слуга наказан» [Сказки Пудожского края, с. 311] (см. подробно об этой сказке: [Лызлова 2021, с. 48–49]). В НА КарНЦ РАН имеется повторная запись сказки И. Г. Фомина, произведенная в 1977 г. студентами Петрозаводского государственного университета. По какой-то причине эти две записи оказались не соотнесены друг с другом в описи архивных материалов [Сказки Пудожского края, с. 310 и 311]. Возможно, это связано с тем, что место фиксации не совпадает: в 1977 г. встреча с исполнителем состоялась в д. Стешевская, ему было 90 лет.

⁶ В 1969 г. И. Г. Фомину было 79 лет.

⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 479–505 (№ 551).

Сказку о Дие-поповиче⁸ И. Г. Фомин рассказал, когда «зашел разговор о лешем. „Ну, ладно, я про лешего расскажу“ — и начал сказку»⁹. В ней «у попа с попадѣй сын силач, вместо коровы приводит медведя, вместо слуги — лешего; состязается с чертом, хитростью побеждает его. Герой делает железного человека, изгоняет черта» [Сказки Пудожского края, с. 311]. В тексте представлена сложная сюжетная контаминация (СУС 650А *Иван медвежье ушко*, СУС 1045 *Угроза морщить озеро веревкой*, СУС 1072 *Состязание в беге*, СУС 1071 *Состязание в борьбе*, СУС 1063 *Кто дальше бросит дубину*, СУС 1130 *Шляпа (мешок) денег*, СУС 1061 *Кто раскусит камень*, СУС 1162 *Железный человек (котел) и черт*). В сказке о Сивушке-Бурушке¹⁰ (СУС 530 *Сивко-Бурко*) «по наказу отца дурак дежурит на его могиле; в награду получает чудесного коня; с его помощью достает перстень царевны, женится на ней» [Там же]. В сказке о Петре Иванове¹¹ (СУС 566 *Рога*) «солдат получает чудесные предметы (огарок свечи, шашку); женится на царской дочери, она завладевает чудесными предметами; солдат достает чудесные яблоки, от которых вырастают рога, угощает ими царевну; возвращает чудесные предметы, наказывает жену и ее родителей» [Там же].

Несмотря на то что записи сказок в экспедиции 1969 г. были произведены Ю. А. Новиковым всего лишь от пяти пудожских исполнителей, можно констатировать, что жанр в это время все-таки бытовал. В коллекции отражены ситуации, касающиеся существования особой версии сказки о репке и выявления одного крупного сказочника (И. Г. Фомина), от которого, к сожалению, удалось зафиксировать только четыре сказки, отличающихся большим объемом и характеризующихся сохранением сказочной обрядности.

Приложение

К большому сожалению, тексты, записанные Ю. А. Новиковым в 1969 г., не вошли в состав сборника [Сказки Пудожского края]. Здесь публикуются четыре небольшие сказки, три из которых демонстрируют различные версии «Репки»; последняя сказка, принадлежащая к числу сказок о животных, наполнена диалектной лексикой и содержит комментарии собирателя, помещенные в квадратных скобках.

⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 518–530 (№ 557).

⁹ Там же. Л. 530 (№ 557).

¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 505–512 (№ 552).

¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 459–478 (№ 550).

1.

Записано от Ф. Г. Фоминой, д. Чуркина Гора

Посіял старик на баенку репку. Да. Старик ходит да поливát эту репку, поливát репку. Репка выросла большая, крупная. Ну, потом пошли рвать эту репку. Тяне, тяне, потяне, вытащить не мóжо. Дедко кликнул бабку. Да. Бабка пришла, и опять тянут, потянут, вытащить не могут. Бабка кликнула Жучку. Тянут, потянут, вытащить не могут. Кликнула Жучка... Нет, внучка-то бýла впереди, внучка бýла. Потом Жучку, потом кошку кликнули. Тянут, потянут, а вытащить не могут. А само последнее кликнули мышку. Да. Мышка пришла, и репку вытащили. Да¹².

2.

Записано от Е. М. Меньшиковой, д. Костина Гора

Жили-были старик да старуха. Была у них внучка. Посеял дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Стали репку рвать. Дед тяне-потяне, вытянуть не мóжо. Пóзвал бабку. Бабка за дедку, дедка за репку — не вытянут, не мóжут вытянуть.

Пóзвали внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — репку всё не мóжут вытянуть, така большá выросла.

Ну, опять пóзвали Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — не вытянули.

Пóзвали кошку Машку. Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — всё не могут вытащить.

Пóзвали мышку на помощь. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут — вытащили репку, большую-пребольшую¹³.

3.

Записано от Е. М. Меньшиковой, д. Костина Гора

Жили-были старик со старухой. Посіяли они на баенку репку. Репка выросла большая-пребольшая. Нéкак эту репку рвать. Дед сделал листницю. По лисенке стават, стават — всё не мóжо достать.

— Давай, старуха, станём байну роскатывать.

— Что ты, глупой старик, баню роскатим — в чем будем мытьси?

— Ну, как репку достанем? Не достать!

— Надо достать! Да листниця корóтка — ищё надбавь листницю.

---

¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 429 (№ 517).

¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 535–536 (№ 559).

Старик надбавил листницу ищё. Лёпалси-лёпалси, не можб достать.

— Паду, — говорит, — я, убьюсь, а потом ты как станёшь жить? Надо байну роскатывать.

— Не дам, не дам байну. Надо в бани мытьси, а как без бани станёшь?

Опеть согласился листницу добавлять. Опеть наставил листницу. Да вылез, лёпалси-лёпалси, ищё бы немножко да и репку достал. Да как листница-та гукнетси, и старик убилси.

Бабка плацё, прицитат: нигде никого — ни репки да ни дедки. Всё¹⁴.

4.

Записано от Е. М. Меньшиковой, д. Костина Гора

У старухи был-от бык. И вот старушка поехала в лес за дровами. Ехала, ехала, встритился ей волк.

— Бабка, подвези меня!

— Ой, некуды, не возьму!

— Да уж, бабка, возьми!

Ну, взяла:

— Трисни-фирисни, садись на копыл¹⁵, поезжай в монастырь!

Ён сел, и поехали. Ехали, ехали, встритилась лисица.

— Бабушка, подвези меня!

Она опять:

— Не пуцу!

— Бабушка, пусти! Мы тебе пособим дров сиць!

— Ну, а трисни-фирисни, садись на копыл, поезжай в монастырь!

Опеть поехали. Ехали, ехали, заець бежит.

— Бабушка, пусти подъехать!

— У меня много, — говорит, — некуда сить.

— Ну, бабушка, я пособлю тебе дров нарубить.

Этого пустила, опеть так сказала:

— Трисни-фирисни, садись на копыл, поезжай в монастырь!

Поехали. Идет медведь.

— Бабушка, пусти подъехать!

А она и говорит:

— Ой, у меня бык маленькой, плохой, — говорит, — бычок, дак нёкак, — говорит, — не пуцу.

---

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 536–537 (№ 560).

¹⁵ *Копыл* — короткий брусок, вставленный в полозья и служащий опорой кузова саней [Сказки Пудожского края, с. 361].

— Бабушко, мы пособим тебе дров нарубить и всёго...

— А трисни-фирисни, садись на копыл, поезжай в монастырь!

Вот ехали-подъехали, у ей завёртка сорвалась. Кому идти?

— Поди, заюшко, ты сходи!

Заюшко сходил, принес прутик березовой. А она:

— Да цёрт будё с тебя. Принес березовый прутик. Куды с йим? Некуда!

Ницё не будё!

Пóслали опять волка. Волк притащил ольхóву палку, прутик небольшой.

— Не выйде с такой! Тут тонкóй да ольхóвой — не выйде!

— Пóслали опять лисицу. Лисица сходила, принесла опеть хворостину какú-то. Принесла хворостину.

— Ой, беспúтая ты, лисичка-косичка! Ницего ты не малташь [не понимаешь, не разбираешься]. Ишь, фересíну принесла какú [ферёса называется дерево, фересíнку]. Ницё не будё!

А мидвидь:

— Ну, бабка, я пойду схожу, я притяну...

Ушел. Тянё березу — дак лóту [большую], с корнямы...

— Ой, ты, мишка, беспúтой, бестолковой! Ну, как мы будем с ней? Нёкак! Ни от кого замены нет, ни от кого. Везла, везла — не то дров насыць, дак и завёртки некому виць. Давай-ко я пойду. Вы тут посидите — я недолго.

Ну, ходила, ходила — нигде на завёртку вици [ветки, прута] долгой не нашла и, видно, уж далёко приушла-то. Дак приходит, а оны в ту пору быка съили да туда напихали мху, в брюшину-ту, да быка-то поставили, запрягли да всё, будто так и было езжено. Бабка завёртку ввернула, села, как хлыстнё — а ён не шевéлится, еще хлыстне — нет.

— Да что тако?

Сошла да пнула батогом, а ён и пал. Ой, заревела:

— Ой! Ой! Съили быка!

Кожу на плéця да и пошла со слезамы¹⁶.

Литература

Аарне, Андреев — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание РГО, 1929. 120 с.

Абросимова — Юрий Новиков: «В идеале надо записывать всё»: Опыт участника фольклорной экспедиции МГУ 1950-х годов / Беседовала Дарья Абросимова // Кижы (газета). Петрозаводск, 2011. № 10 (83). Ноябрь.

Курец — Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. 405 с.

---

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. Л. 532–535 (№ 558).

- Лозовская — Лозовская Н. В. Некоторые структурные особенности русских народных сказок как отражение этноменталитета // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. С. 61–66.
- Лызлова 2020 — Лызлова А. С. «Репка на баенке»: об одной малоизвестной версии сказки (по материалам Научного архива КарНЦ РАН) // IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.): Сб. науч. ст.: В 3 т. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2020. Т. 3. С. 156–164.
- Лызлова 2021 — Лызлова А. С. Русские сказки Карелии об иномирном помощнике: сюжетный тип СУС 502 «Медный лоб» // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 3. С. 41–52.
- Сказки Пудожского края — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 367 с.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барраг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
- Ушинский — Ушинский К. Д. Родное слово // Ушинский К. Д. Собр. соч. М.; Л.: Акад. ред. наук РСФСР, 1949. Т. 6. 448 с.

References

- Abrosimova, D. (2011). 'Jurii Novikov: "V ideale nado zapisyvat' vse". Opyt uchastnika fol'klornoj ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1950-kh godov', *Kizhi (newspaper)*, 10 (83), Nov., accessed April 25, 2023, <https://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/91/2326.html>.
- Andreev, N. P. (1929). *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne*. Leningrad: Izdanie Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva, 120 p.
- Barag, L. G., Berezovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 438 p.
- Kurets, T. S., ed. (2003). *Nositeli fol'klornykh traditsii (Pudozhskii raion Karelii)*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 405 p.
- Lozovskaya, N. V. (1995). 'Nekotorye strukturnye osobennosti russkikh narodnykh skazok kak otrazhenie etnomenaliteteta', in: *Yazyk i etnicheskii mentalitet*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 61–66.
- Lyzlova, A. S. (2020). "'Repka na baenke": ob odnoi maloizvestnoi versii skazki (po materialam Nauchnogo arkhiva Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk)', in: *IV Vserossiiskii kongress fol'kloristov. Sbornik nauchnykh statei*. 3 Vols. Moscow: Gosudarstvennyi rossiiskii dom narodnogo tvorchestva imeni V. D. Polenova. Vol. 3, 156–164.
- Lyzlova, A. S. (2021). 'Russkie skazki Karelii ob inomirnom pomoshchnike: syuzhetnyi tip SUS 502 "Mednyi lob"', in: *Traditsionnaya kul'tura*. Vol. 22, 3, 41–52.
- Razumova, A. P., Sen'kina, T. I., eds. (1982). *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraja*. Petrozavodsk: Kareliya, 367 p.
- Ushinskii, K. D. (1949). *Sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR. Vol. 6, 45–46.

А. В. Никитина

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КЕНОЗЕРЬЯ: ФАКТОР ЖЕНСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЭПОСА

Резюме

В статье предпринята попытка проанализировать ряд изменений, происходивших с Кенозерской эпической традицией в XIX–XX вв., маркирующих ускоряющийся процесс ее деградации и угасания. Одним из таких изменений следует признать фактор женского исполнения эпоса, усиление и специфические проявления которого четко просматриваются в цифрах фиксации экспедиционной работы, а также в репертуаре. Для анализа были привлечены данные первых собирателей и исследователей эпоса Олонецкой губернии в XIX в. П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга и результаты экспедиций второй половины 20-х и конца 50-х гг. XX в. Существенным подспорьем в исследовании стали материалы подготавливаемого тома былин Кенозерья для Свода русского фольклора и незавершенная статья Ю. А. Новикова об эпической традиции Кенозерского края. Полученные результаты показали двойственный характер женского исполнения эпоса — с одной стороны, он способствует поддержанию и сохранению традиции, с другой — содействует ее упадку и отмиранию.

Ключевые слова: Кенозеро, эпическая традиция, женское сказительство, былина

Alla V. Nikitina

THE EPIC TRADITION OF THE KENOZERO REGION: THE FACTOR OF FEMALE PERFORMANCE

Abstract

This paper attempts to analyze the changes in the Kenozero epic tradition that marked the acceleration of its degradation and of its disappearance in the 19th and 20th centuries. One of these changes was the increasing female involvement in the performance of the epos (*byliny*). The female performance of the *byliny* and its specific attributes are reflected in the

© А. В. Никитина, 2023

field data and in the repertoire. In this study, I analyze the materials that were obtained by P. N. Rybnikov and A. F. Gilferding, who were the first to collect and study the folklore of the Olonez region in the 19th century. I also use the materials that were gathered in expeditions undertaken in the early 1920's and in the late 1950's and the texts that are included in the volume of the Kenozero *byliny* of the *Svod russkogo folklora* (Code of Russian folklore) series, which is presently awaiting publication. I also discuss Yurii Novikov's unpublished paper on the epic tradition of the Kenozero region. The results of this study demonstrate the ambivalent impact of female performance on the preservation of the Kenozero epic tradition: although the tradition is maintained, it shows signs of decline.

Keywords: Kenozero, epic tradition, female narrator, bylina

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-59-75

Весной 2021 г. Ю. А. Новиков передал для тома былин Кенозерья (серия «Свод русского фольклора») статью об эпической традиции края¹, вернее, ее рабочую версию — в сопроводительной записке об отправляемом тексте говорилось как о заготовке, предполагались дополнения и правка. Внимание привлекает концепция статьи: с одной стороны, создается впечатление диалога с «первооткрывателем» кенозерской традиции А. Ф. Гильфердингом², с другой стороны, очевидна сфокусированность проводимого анализа на репертуаре, в первую очередь на его сюжетной стороне. Это не может не вызывать интерес, поскольку именно Гильфердинг ввел принцип рассмотрения традиции, основываясь не на версиях и вариантах сюжета, а на личности сказителя и его исполнительском мастерстве.

Но если Ю. А. Новиков ведет диалог с А. Ф. Гильфердингом, то последний, в свою очередь, собеседует с П. Н. Рыбниковым. Хорошо известные слова Гильфердинга о Кенозере как об «оазисе», где «в настоящее время цветет эпическая поэзия» и «воздух... еще пропитан духом эпической поэзии» [Гильфердинг, с. XVIII, XX], — это возражение на обобщение Рыбникова об угасании эпической традиции в регионе: «У большинства сказителей вряд ли найдутся наследники, и через 20–30 лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих...» [Рыбников, с. СII]. Гильфердинг не опровергает мнение П. Н. Рыбникова по Олонецкому краю в целом, но вычленяет северо-восточную группу — Выгозеро, Водлозеро, Кенозеро и Мошу, — указывая на жизнеспособность там эпоса и обозначая факторы, которые могли бы продлить его активное существование. «Это вполне спра-

¹ Статья так и называется: «Эпическая традиция Кенозерского края», дата пересылки по электронной почте — 21.04.2021.

² В первую очередь имеется в виду обращение к известной статье А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» [Гильфердинг, с. VII–XLVIII].

ведливо, — пишет Гильфердинг, — относительно той местности, с которою г. Рыбников лично ознакомился, именно побережья Онежского озера; здесь, действительно, эпическая поэзия близка к вымиранию³ (...) Но совершенно другое дело дальше к северу и востоку (...) нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч и может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа» [Гильфердинг, с. XVIII, XXI].

Почти век спустя Ю. И. Смирнов, соратник Ю. А. Новикова в экспедициях 1957—1960 гг. по местам записей и Рыбникова, и Гильфердинга, в каком-то смысле примирит обоих, сделав вывод: «...за исключением некоторых районов Русского Севера... эпос перестал быть продуктивным явлением еще в XIX веке. Больше того, процессы его трансформации были уже необратимыми, т. е. они стали процессами его отмирания и исчезновения» [Смирнов 1974, с. 79].

Особый интерес представляет пример, который приводит А. Ф. Гильфердинг в качестве аргумента, «что поэзия не только не умирает, а даже ищет себе новых предметов», — исполнение Матреной Гр. Меньшиковой сербской народной песни «Йово и Мара», распетой ею «таким же складом, как былины». На вопрос: «От кого ты этой старинке научилась?» — собиратель услышал в ответ: «Да от стариков наших слыхала, отец и другие старики певали». Гильфердинг делает вывод: «Этот ответ показывал, что певица уже не отличала Иовы и Мары от других „старин“, которые она заимствовала от родителей» [Гильфердинг, с. XIX]. Пример впечатляющий, так как запись была сделана «с пения» — сказительница адаптировала чужой текст к родной традиции, «не делая различия между этой песнью и настоящими былинами». Причем «предлинный» текст сербской песни был воспринят на слух⁴ — Меньшикова неграмотная, кто-то (ее отец или сын) прочитал ей опубликованный в «Пчеле» в переводе Щербины текст [Гильфердинг, с. XIX]. Здесь можно усматривать как подтверждение живой и активной традиции (свобода творческого отношения), так и признак ее

³ В другом месте статьи А. Ф. Гильфердинг поясняет: «Сравнительно с Водлозером и Кенозером берега Онежского озера, соединенного водным путем с Петербургом, суть места, гораздо более открытые влияниям, убивающим эпическую поэзию в народе, и потому неудивительно, что здесь она уже представляет признаки вымирания...» [Гильфердинг, с. XXI].

⁴ Восприятие на слух («понять с голоса») — факт, подчеркивающий изустный характер передачи и бытования традиции; элемент «книжности» в Кенозерье очень мал, что подтверждает замечание А. Ф. Гильфердинга: «...почти все наши рапсоды неграмотные. Я встретил только пятерых грамотных между 70-ю певцами и певицами былин (на Кенозере он указывает только одного — Ивана Кропачева. — А. Н.)...» [Гильфердинг, с. XVI].

угасания, поскольку «старинка» про Йово и Мару была и распета, и пропета собирателю женщиной, сама же песня явно относится к балладному типу⁵.

Существенным в этой связи видится мнение В. И. Чичерова, который отмечал в кенозерском эпическом репертуаре преобладание мотивов бытовой новеллы, повышенное внимание сказителей к семейным отношениям и личным переживаниям героев, что, как он считал, отразилось на «менее активном (в Кенозерье по сравнению с Заонежьем. — А. Н.) звучании героических былин» [Чичеров, с. 6]; он полагал, что «пути былевой традиции на Кенозере — пути изменений древнего эпоса и развития песен-баллад» [Чичеров, с. 4].

Здесь самое время вернуться к полемике А. Ф. Гильфердинга с П. Н. Рыбниковым о состоянии эпической традиции Олонецкого края, в частности, к оценке явления, отмеченного как еще один фактор деградации эпоса, — речь идет о женском репертуаре⁶, о так называемых «бабьих старинах» и их специфике. Интересен контекст, в котором проявился указанный фактор: в «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников точного места жительства «молодицы из Кижской губы» не назвал, указал лишь, что попал в Кижскую губу по пути из дер. Боярщина, куда ездил для встречи со сказителем Щеголенком: «...Леонтий⁷ завез меня к своему знакомому, „у которого-де невестка кое-что малтает“. Мы пристали к берегу и зашли в избу. И большак-свекор, и муж, его сын, предложили, по просьбе моего путевого проводника, молодой женщине спеть старину. Певица как будто застыдилась и сначала отнекивалась от пения; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мне о Домне Александровне, Гришке Расстрижке и Чуриле. Тут я в первый раз узнал, что у женщин есть свои „бабьи старины“, которые поются

⁵ Ю. А. Новиков ошибочно обозначает эту песню как историческую; в статье он упоминает, что «невероятная история» имела продолжение — в 1957 г. студенты МГУ записали «Йово и Мару» в дер. Гольяницы на Водлозере (что, в общем-то, символично); правда, затем полевая рукопись, так и оставшись нерасшифрованной, была утрачена.

⁶ Из «последовательного хода поездок и записей» Рыбникова видно, что в мае — июне 1860 г. в обследуемой части региона (Кизи, Пудога, Кенозеро, Усть-Моша, Каргополь) мужское исполнение являлось нормой и естественно превалировало. Записи от женщин малочисленны (в Кижях четыре певицы, на Пудогe — одна), и мужскому исполнению они не составляли альтернативы; на Кенозере женское исполнение эпоса не зафиксировано. Сам факт женского исполнения былинного эпоса, который в значительной степени здесь просто принимался, но не отслеживался специально, — маркер одного из направлений деградации традиции; за увеличением доли исполнительниц неизбежно следовало постепенное смещение акцентов и в репертуаре, и в исполнении.

⁷ Леонтий Богданов, местный крестьянин, сам сказитель, ставший в 1860 г. по воле случая добровольным помощником П. Н. Рыбникова в его поисках исполнителей эпоса, устраивавший встречи с ними и возивший его на эти встречи.

ими с особенною любовию, а мужчинами не так-то охотно...»⁸ [Рыбников, с. LXXXII].

Размышляя над этим, А. Ф. Гильфердинг пишет: «К числу (...) признаков (вымирания эпической поэзии. — А. Н.) я отношу и замеченное г. Рыбниковым явление, что у женщин есть как бы особые любимые былины. Пример Кенозера показывает, что это не есть явление общее⁹. В самом Прионежском крае любимые былины женщин про Ставра, Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но зато редкая из женщин знает былины более, так сказать, серьезные, как то: про Илью Муромца, про Садко, про Вольгу и т. д. Мне кажется, что и здесь один и тот же круг былин был некогда, как на Кенозере, общим достоянием и мужчин и женщин; по мере же утраты вкуса к эпической поэзии последние перестали петь всё то, что не представляло для них особенного интереса, и таким образом сохранили в памяти только пикантные былины про Ставра, Чурилушку, Хотёнку Блудова и т. п.» [Гильфердинг, с. XXI—XXII].

Судя по всему, именно на репертуаре¹⁰ наиболее заметно отражаются происходившие с эпической традицией Кенозерья трансформации. Данные почти за вековой период — от поездок П. Н. Рыбникова в 1860 г. до

---

⁸ От этой исполнительницы были записаны былина «Смерть Чурилы», распространенная на Русском Севере баллада «Митрий Васильич и Домна Александровна» и историческая песня «Гришка-Расстрижка». Поясняя происхождение термина «бабьи старины», П. Н. Рыбников иллюстрирует отношение мужчины-сказителя к таким былинам и дает известный их перечень: «Никифор Прохоров (собиратель определяет его как хорошего певца. — А. Н.) из Купецкой волости Пудожского уезда, обозвав приключения Ивана Годинова бабьей стариною, начал мне сказывать про этого богатыря (...) после особенного упрашивания. К числу таких бабьих старин принадлежат былины о Чуриле и Катерине Микуличне, о Дмитрии Васильевиче и Домне Александровне, о князе Михайле, о Хотене, Иванушке Годинове и Кострюке» [Рыбников, с. LXXXII]; однако ранее Рыбников упоминает об исполнении ему Тр. Гр. Рябининым, причем при первой встрече и во время поста, и про Хотена Блудовича, и про Ивана Годиновича [Рыбников, с. LXXVI].

⁹ Перед тем Гильфердинг вновь указывает северо-восточный ареал, и Кенозеро в частности, как место, где «былевая поэзия живет»: «Крестьяне и крестьянки, поющие былины, насчитываются здесь десятками; поют былины и старый и малый; вы здесь услышите один и тот же вариант от пяти-шести человек, мужчин и женщин, которые живут в разных деревнях; в то же время вы встретите трех братьев, которые живут в одном доме и из которых каждый знает свои особенные былины; вы встретите семейство, в котором и муж и жена охотники петь былины и поют разные. Женщины здесь воспевают тех же богатырей, как и мужчины, специальный же „бабий“ богатырь Прионежья, Ставер, которого хитрая жена выручает от князя Владимира, вовсе неизвестен кенозеркам» [Гильфердинг, с. XVIII—XIX].

¹⁰ Сюжетный состав, в котором, как указывал Ю. А. Новиков, прежде всего проявляется специфика локальной традиции [Новиков, с. 110], здесь по понятным причинам оставляем в стороне, ограничимся только обозначением жанра; в связи с этим упомянем, что, помимо новеллистических былин, Ю. А. Новиков относил к женскому репертуару также баллады, скоморошины и небылицы [Новиков, с. 162].

экспедиций МГУ 1956—1960 гг. (в фокусе — женское сказительство, репертуар и его состояние) показывают следующее.

1. По записям П. Н. Рыбникова (май — июнь 1860 г.) женское исполнение эпоса по Олонецкому краю (условно, так как записи выборочные) зафиксировано только в Кижях (4) и на Пудогге (1), на Кенозере — нет; от указанных пяти женщин записаны 11 текстов: семь былин (причем три из них в прозаическом пересказе плюс одна неполная и одна дефектная; две определяются как «бабьи»), одна историческая песня, одна баллада, один духовный стих (в прозе) и одна скоморошина (?).

2. В кенозерских записях А. Ф. Гильфердинга (восемь дней в августе 1871 г.)¹¹ шесть сказительниц, среди которых И. Д. Калитина (в сборнике «Онежских былин» представлена сразу за И. П. Сивцевым и П. А. Воиновым), уже упоминавшаяся М. Г. Меньшикова и А. В. Георгиевская; их репертуар — 21 эпическая песня: 10 полнокровных былин (три из них можно отнести к «бабьим»), четыре исторические песни, четыре баллады, две скоморошины и одна «старинка»¹².

3. По данным экспедиций 1926—1928 гг. «по следам Рыбникова и Гильфердинга» (ГАХН, Б. М. и Ю. М. Соколовы, В. И. Чичеров), исполнительниц-кенозерок четырнадцать, в их числе А. Т. Артемьева (от нее одной записаны десять былин и одна скоморошина); репертуар представлен 30 записями: 22 былины, две скоморошины, три старины, две баллады.

Результаты экспедиций 1920-х гг., по мнению В. И. Чичерова, ясно показывают, что за минувшие 60 лет «эпическая традиция Кенозерья пришла в явный упадок»: часть репертуара утеряна, его целостной картины нет и уже не будет; существенно возрос процент деформированных, дефектных текстов (с указывающими на забывание лакунами и сокращениями, конта-

¹¹ Согласно «Дневнику путешественника», А. Ф. Гильфердинг записывал на Кенозере 10–17 августа [Гильфердинг, с. VII]. Стоит при этом иметь в виду уже совершенный им на тот момент переход на качественно новый уровень техники сбора, обработки и предъявления материала: запись с напевного исполнения (с почти уникальной точностью), с фиксации частиц и междометий, с вниманием к ритмике стиха, с регистрацией, по возможности, индивидуальных особенностей исполнения; введение паспортизации (сведения об исполнителе, время и место записи) и организация материала по исполнителям.

¹² Говоря о различиях в репертуаре мужчин и женщин, Ю. А. Новиков приводит следующие цифры: «В Олонецком крае Гильфердинг записал от мужчин 260 текстов, героические былины составили 51 %, новеллистические — 30 %, произведения других жанров — 19 %. От женщин записаны 46 текстов, на долю героических былин приходится 26 % (вдвое меньше), новеллистических — 37 %, произведений других жанров — 37 % (вдвое больше). С угасанием традиции главными хранителями эпического знания становились женщины, что не могло не сказаться на жанровом составе собранных материалов» [Новиков, с. 162].

минациями); очевидна размытость жанровых разграничений — более 75 % записей составляют новеллистические былины и былины-баллады [Чичеров, с. 6, 35] — последнее напрямую связано с увеличением доли женского исполнительства.

4. Экспедиционные материалы Ю. И. Смирнова и Ю. А. Новикова (МГУ, 1956—1960 гг.) дают 16 исполнительниц и 25 записанных от них эпических текстов, из которых (при методе сплошной записи) 22 былины, две старины, одна скоморошина.

Оценивая состояние традиции, Ю. И. Смирнов не без горечи писал: «...на Кенозере (Архангельская обл.) мы работали в течение четырех экспедиций. В результате была обследована вся восточная часть Карелии и западная часть Архангельской обл. Итоги говорят сами за себя. Так, по нашим подсчетам с Ю. А. Новиковым, экспедициями было записано в 1956—59 гг.: полных былин — 39, былин, представляющих собой начало текста, — 17, былин в отрывках — 16, прозаических пересказов — 113. Состояние баллад оказалось лучшим: из 236 текстов 216 были полными. Состояние эпической традиции резко менялось в худшую сторону буквально у нас на глазах. В 1962 г. собиратели МГУ записали: полных былин — 9, былин в отрывках — 5, прозаических пересказов — 35, полных баллад — 69, баллад в отрывках — 41, баллад в пересказах — 6. Трансформация русских эпических песен стала абсолютно необратимой...» [Смирнов 1974, с. 80].

В сущности, объединенные оценки Ю. И. Смирнова и В. И. Чичерова могут считаться итоговыми по всей приведенной статистике. К сожалению, рамки статьи не позволяют представить скрытые за цифрами уровень мастерства и индивидуальность исполнительниц или специфику репертуара.

Отчасти это может продемонстрировать малый фрагмент проводимого Ю. А. Новиковым анализа в статье об эпической традиции Кенозерья. Исследователь определяет общую картину кенозерского эпического репертуара как неоднозначную, и не только потому, что регион поражает насыщенностью записей старин и едва ли не лидирует по сюжетам на Русском Севере, но прежде всего из-за его ярко выраженной специфики. Здесь, как указывает Ю. А. Новиков, были зафиксированы: уникальные варианты эпической песни «Братья Дородовичи» (зап. от А. Д. Костина и Ф. В. Патрикеева); один из двух олонецких текстов «Старины о большом быке» (зап. от В. И. Максимова); отсутствующая в других регионах Русского Севера былина «Добрыня и Скимен-зверь» (зап. от И. Д. Калитиной, позже — от ее сына, И. М. Калитина); не имеющая аналогов оригинальная версия «Камского побоища» (зап. от А. Т. Артемьевой, позже — от ее сына, И. П. Артемьева); кроме того, Кенозеро — основной ареал бытования «Чурилы и князя» (былины

«бабьей», но представленной почти сплошь в мужском исполнении). При этом, подчеркивает исследователь, по качеству варианты кенозерцев превосходят варианты из других регионов.

Специфику женского сказительства Ю. А. Новиков затрагивает лишь косвенно, анализируя репертуар и исполнительское мастерство четырех певиц — М. Г. Меньшиковой, И. Д. Калитиной, А. Т. Артемьевой и А. Ножкиной. И если видеть в работе экспедиций конца 1920-х гг. фиксирование условной «точки невозврата» кенозерской традиции, интерес из указанных четырех представляет творчество Авдотьи Тимофеевны Артемьевой, которое позволяет судить о происходившей трансформации. Рассматривая наиболее важную его часть¹³, Юрий Александрович обозначает некоторые из маркеров, но только некоторые, поскольку задачи подготавливаемой статьи были иные и работа осталась незавершенной. Исходя из этого, мы сочли возможным привлечь к обозначенным Новиковым позициям мнение В. И. Чичерова, участника тех экспедиций, знавшего и творчество сказительницы, и специфику и состояние кенозерской традиции.

А. Т. Артемьеву определяли как «замечательную по памятливости и образности языка сказительницу»¹⁴, талантливую ученицу И. П. Сивцева (Поромского)¹⁵. «Почти все сказители 20-х гг., — указывает В. И. Чичеров, — механически повторяли запомнившиеся им варианты. Единственный человек из них, характеризующийся в большей или в меньшей мере творческим подходом к воспринятому наследию, — Авдотья Тимофеевна Артемьева из Першлахты...» [Чичеров, с. 32]. Однако Ю. А. Новиков обращает внимание на далеко не всегда высокое качество текстов Артемьевой — очевидна тенденция к сокращению, встречаются пропуски деталей и исключение эпизодов, составляющих специфику традиции Кенозера, возможны разного рода отклонения, замены, смещение акцентов и т. д. Так, например, он указывает, что в былине «Три поездки Ильи Муромца»¹⁶ певица ограничивается двумя

¹³ В. И. Чичеров указывает 19 былин Артемьевой, Ю. А. Новиков анализирует семь былин и одну историческую песню, т. е. менее половины записанных от нее текстов.

¹⁴ [Соколов, Чичеров, с. 54–55]. На первой же встрече (экспедиция 1927 г.) она называет собирателям 25 известных ей былин и стихов; но назвать и пропеть — не одно и то же: Новиков отмечает, что из былины «Добрыня и Маринка» Артемьева смогла припомнить только первые 39 стихов.

¹⁵ Шесть из восьми былин Артемьевой, как указывает Новиков, совпадают в сюжетном плане с вариантами лучших представителей «сивцевской школы», а пять близки по содержанию и стилю. О И. П. Сивцеве (Поромском) и связываемой с ним сказительской традицией Кенозерья см.: [Мелютин].

¹⁶ Былина поздняя, уже в контаминации («Три дороги Ильи Муромца» + «Илья и разбойники») она была принесена на Кенозеро переселенцами с реки Онеги и бытовала главным образом

первыми поездками, заключая повествование словами: «*А третью дорожку, где богатому быть, забыла. Да и не знала!*» [Соколов, Чичеров, с. 759]. Примечательно, что описавший ситуацию В. И. Чичеров при этом подчеркивает, что вариант Артемьевой точно сохраняет сивцевский текст, отклонения же незначительны, так как «оставляют почти неизменной словесную ткань текста Поромского, допуская в отдельных случаях пополнения формулы, замену одних слов другими, иногда выпадение эпизода» [Чичеров, с. 20–21].

В «Дюке Степановиче» Артемьева также выпускает эпизод популярный и, как подчеркивает Ю. А. Новиков, для кенозерской версии характерный — встречу героя с Ильей Муромцем. В. И. Чичеров добавляет к этому сокращение и обытовление еще одного эпизода и делает неутешительный вывод: «Артемьева вообще сводит на нет элементы богатырского состязания, имеющие место в этой былине; так, весь эпизод скакания на конях через Пучай-реку у нее занимает всего 17 стихов (у Поромского он изложен в 38 стихах). Заметно уменьшение внимания к элементам героической былины и возрастание роли деталей новеллистического характера» [Чичеров, с. 34]. Он отмечает также мелкую, но существенную деталь, о которой Новиков не говорит, — сказительница заменяет Чурилу Алешей Поповичем: «Видимо, это произошло по связи с былиной о „Добрыне и Алеше“. И в той и в другой былине есть много общего в роли антагониста героя, в его самохвальстве, неудачливой самонадеянности. (...) В редакции Артемьевой Алеша Попович во многом лишен качеств богатыря. Недаром он (на месте Чурилы. — А. Н.) — приближенный Владимира и живет в княжеском Киеве, о котором идет нехорошая молва: „Во Киеве живут мужики лукавыи...“» [Чичеров, с. 34].

И в варианте «Чурилы и Катерины» Артемьевой есть отклонения от сивцевского текста. Ю. А. Новиков указывает на снижение драматичности финала былины (у Сивцева Катерина, узнав, что Чурила убит, бросается на ножи, а у Артемьевой «Бермя сын Васильевич» казнит любовников), на мелкие упрощения (игра «в шашечки», а не «в шахматы»), на сокращения описаний (смерть Чурилы, женитьба Бермяты на девке-чернавке). В. И. Чичеров здесь, с одной стороны, Артемьеву оправдывает: «Отклонения ее былины от варианта Поромского имеют характер отступлений, которые может допустить каждый сказитель при повторных исполнениях»; с другой стороны, он обозначает главное — «Тенденция к сокращению тек-

---

у их потомков, каковыми надо считать Сивцевых и состоявшую с ними в родстве А. Т. Артемьеву [Смирнов 2011, с. 369, 372].

ста вообще характерна для Артемьевой. При этом подчеркиваются бытовые элементы, наблюдается тяготение к форме баллады» [Чичеров, с. 33, 34]. Более того, он полагает, что, «восприняв традицию», Артемьева расширила репертуар сивцевской школы, причем сделала это «не за счет героических воинских сюжетов, а по преимуществу путем добавления новелл и баллад»¹⁷ [Чичеров, с. 32].

Краткий артемьевский вариант былины о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича¹⁸, по мнению Ю. А. Новикова, изобилует прозаизмами (ст. 39–45, 60–61, 83–90 и др.) и, как он считает, не относится к кенозерско-мошенской версии сюжета, которую культивировали Сивцев (Поромский) и его преемники. Основанием для такого вывода, скорее всего, стали необычное начало и снятие элементов богатрства в традиционном исполнении версии. В. И. Чичеров отмечает оба отклонения, причем второе определяет как тенденцию «к превращению былины в бытовое повествование»: «Здесь совершенно изменено характерное кенозерское начало былины о пире у князя Владимира, на котором решают послать Добрыню навстречу нахвальщику. Артемьева начинает свою былину мотивом, заимствованным из „Ивана Годиновича“. Добрыня говорит о дочери Николы Зиновьева, на которой просит разрешения жениться. Только уже после этого говорится о посылке Добрыни в поле. О посылке его сказано в трех строках (...) Эпизод встречи с Бабой-Ягой, бой с ней, роль Ильи как «вестника», его помощь Добрыне в бое с врагом — словом, все элементы воинской героики — в варианте Артемьевой исчезли» [Чичеров, с. 34].

Иное объяснение нетрадиционного начала артемьевского варианта «Добрыни и Алеши» дает Ю. И. Смирнов. Он предположил, что Артемьева использовала некое местное новообразование, повествующее о женитьбе Добрыни на Катерине, дочери Николы Зиновьева¹⁹. «Нельзя сказать, — считает Ю. И. Смирнов, — что она сама придумала новообразование, но не существует и прямых сведений о том, что новообразование создано кем-то

¹⁷ Ю. А. Новиков отметил, что значительную часть репертуара Артемьевой составляют варианты произведений, примыкающих к былинному жанру, и прежде всего баллады — из 19 записанных от нее «старин» семь принадлежат к жанру баллады; но он не отмечает, что такое замещение отразило общее состояние былевой поэзии на Кенозере в 1920-х гг. (напомним, что 75 % всех записей там в 1927 г. составили новеллистические былины и былины-баллады), являлось частью процесса исчезновения былинного эпоса.

¹⁸ Былина «Добрыня и Алеша» была на Кенозере популярна, но бытовала только в виде контаминации, что, как считал Ю. И. Смирнов, было свидетельством ее позднего эволюционирования [Смирнов 2011, с. 369].

¹⁹ Исходя из имени и фамилии «тестя» Добрыни, Ю. И. Смирнов предполагает здесь след «какой-то новгородской былины» [Смирнов 2011, с. 368–369].

еще. В новообразовании дочь Николы несколько раз названа Катериной, но стоило певице перейти к традиционному наказу Добрыни перед отъездом, как она традиционно же назвала жену героя Настасьей Микуличной. Певица явно знала две версии былины „Добрыня и Алеша“. Она принялась пропевать одну версию, пропела ее начало — о женитьбе Добрыни — и, быть может, незаметно для самой себя стала воспроизводить другую версию. Так, видимо, произошла у нее несостыкованность начала и последующего повествования...» [Смирнов 2011, с. 368].

Две былины Артемьевой Ю. А. Новиков определяет как не принадлежащие кенозерскому репертуару — «Дунай-сват» и «Чудь белоглазая» («Камское побоище»).

Артемьевский «Дунай», по мнению Юрия Александровича, совпадает по содержанию с пудожским новообразованием «Непра и Дон» (с заменой имен главных героев в финальной сцене «Дуная») [Былины Пудог, № 329–336]. Дело в том, что на Кенозере былина «Женитьба князя Владимира (Дунай-сват)» фиксировалась редко и в купированном виде — обычно как самостоятельное произведение исполнялась первая часть сюжета²⁰; Артемьева же, как указывает Чичеров, пела только вторую часть былины — о состязании в стрельбе Дуная и Настасьи (в ее варианте — Марьи Микуличны). Существование такого локального варианта подтверждает и Ю. И. Смирнов: «Вместо традиционного текста (...) на Кенозере бытовала иная, параллельная форма „Дунай и его жена“, притом в виде самостоятельного произведения» [Смирнов 2011, с. 367–368].

Вторую былинку — «Чудь белоглазая» — Ю. А. Новиков отметил особо, говоря об уникальном наследии кенозерской эпической традиции. Былина редкая, на Кенозере зафиксирована лишь раз²¹; Новиковым ее название указывается как «Камское побоище» по аналогии с принятым обозначением сюжета о гибели русских богатырей²². Генетически версия Артемьевой

²⁰ См. «Дунай» (№ 272), зап. от И. А. Гурьбина [Гильфердинг, стб. 1214–1215].

²¹ Былина записывалась на Кенозере дважды: в 1927 г. от А. Т. Артемьевой [Соколов, Чичеров, № 215] и в 1958 г. от ее сына, Ивана Петровича Артемьева (АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 13. Ед. хр. 104. Л. 0594, зап. Ю. Новиков и Т. Ярембаш). По мнению Новикова, И. П. Артемьев кардинально переработал материнский вариант: нет ни географической приуроченности, ни библейских имен; «Захарьевичей» и др. заменили Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович; место «чуди белоглазой» заняла «сила небесная». В его варианте чувствуется влияние хрестоматийной записи старины о гибели богатырей, сделанной поэтом Л. Меем в Сибири в середине XIX в.

²² Ю. И. Смирнов источником артемьевской «Чуди» называет многосоставные произведения типа «Камское (Мамаево / Маево) побоище», которые записывали в восточной части Русского Севера [Смирнов 2011, с. 365].

связана с севернорусскими преданиями о чуди и не является индивидуальной новацией кого-то из местных сказителей, сюжет был им известен²³.

В основу кенозерской модификации сюжета традиционно положен рассказ о том, как из-за хвастовства богатырей восстали из мертвых убитые враги. Однако в деталях повествования, считает Ю. А. Новиков, текст Артемьевой во многом оригинален:

— события происходят в «Ерусóлиме» во времена библейского царя «Солóмана Давыдовица»;

— богатыри «Захарьивици», «Макарьивици» и «Яковлевици» ни в одной другой эпической песне не встречаются, но «чудь белоглазая... долгозубая... долгополая» известна из преданий южных районов бывших Олонецкой и Архангельской губерний и нередко фигурирует в севернорусских былинах как этнический противник богатырей;

— удивителен финал: вражеские воины оживают по слову «Матери Пресвятой Богородицы», богатыри же погибают, «подколовшись» на собственные копья.

Тем более неожиданной представляется оценка, данная В. И. Чичеровым: «Былина „Чудь белоглазая“, — говорит он, — уникальна, связана с духовными стихами и выпадает из репертуара Артемьевой. Сохранность ее не вполне удовлетворительна — например, смят конец былины. Дефектность текста указывает на случайность его в репертуаре сказительницы, на забвение ею этой ценной былины» [Чичеров, с. 32].

Наконец, артемьевский вариант исторической песни «Авдотья Рязаночка» хоть и относится к традиционному сивцевскому репертуару, но, по мнению Ю. А. Новикова, тоже имеет дефект: решение Бахмы Турецкого отпустить плененных родных героини ничем не мотивировано, т. е. утрачивается едва ли не ключевой смысловой элемент сюжета.

* * *

Подведем итоги. Есть все основания считать роль женской составляющей в кенозерском сказительстве двоякой: с одной стороны, женское исполнение эпоса способствовало поддержанию традиции (сохранению репертуара и исполнительской школы), с другой — способствовало ее отмиранию. Ю. А. Новиков указывал: «С угасанием традиции главными хранителями эпического знания становились женщины», — и добавлял, что это «не могло не сказаться на жанровом составе» [Новиков, с. 162].

²³ В одном из писем к П. А. Бессонову П. Н. Рыбников сетовал на тщетность попыток получить запись старины, «рассказывающей о борьбе корел и чуди с русскими».

Сказывалось, разумеется, не только на жанровом составе, и маркеры происходящих изменений попадают уже в середине XIX в.²⁴, т. е. с начала фиксации женского сказительства. Утверждение А. Ф. Гильфердинга, что женщины пели наравне с мужчинами и что особых различий в репертуаре не было, корректируется различной приуроченностью мужского и женского исполнения эпоса: мужчины в основном исполняли старины, занимаясь производственной деятельностью (лов рыбы, плетение сетей и т. п.); женщины же пели эпос во время постов и великих праздников, когда другие жанры были под запретом [Петров, с. 15–16]. Тот же А. Ф. Гильфердинг делает со слов сказительницы А. В. Георгиевской следующую запись: «Выучилась былинам от крестьянина — „швеца“ из Масельги ⟨...⟩ который по зимам живал для портняжных работ в доме ее отца. ⟨...⟩ причина, подавшая ей повод усвоить себе былины, состояла в том, что ее отец, отличавшийся особенно суровостью характера, запрещал своим дочерям петь хороводные и другие веселые песни, которые он называл греховодными, и заставлял их петь божественные стихи. Вместе с такими стихами она от скуки выучилась и былинам» [Гильфердинг, стб. 1226]. И приуроченность исполнения, и обозначенная мотивация к освоению былин предполагают различия, причем как в жанровом составе и репертуаре, так и в самом отношении к былинам и их исполнению.

1. В женском сказительстве, подтверждая отмеченную дуальность, есть стремление к сохранению репертуарного «ядра» традиции — поддержание набора былин, понимаемых как кенозерские. Ю. А. Новиков разбирает таковой, указывая блоками:

а) уникальные былинные сюжеты Кенозерья; но только два из пяти обозначенных сюжетов представляют женскую редакцию и исходно записаны в женском исполнении («Добрыня и Скимен-зверь» И. Д. Калитиной и «Камское побоище» А. Т. Артемьевой), и только два из пяти имеют отношение к былинной героике («Братья Дородовичи» и все то же «Камское побоище»), остальные, по рыбниковскому определению, — «бабьи» старины;

б) наиболее популярные у кенозерцев сюжеты — «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец и голи кабацкие», но в женском исполнении они редко попадают в чистом виде и целиком, чаще в контаминациях и купированными (как, например, вариант А. Т. Артемьевой), а элементы богатырской героики, как правило, оказываются сняты; это относится и к былинам общим для региона в целом — «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Маринка», «Дюк Степанович»: кенозерки исполняли их подкорректированными,

²⁴ Предположение, что «уже первичные собиратели имели дело с отмирающей былинной традицией» [Новиков, с. 163], распространяется и на Кенозерье.

с усилением новеллистических элементов и изъятием героических (например, бой с Бабой-Ягой в «Добрыне и Алеше»);

в) былины, оказавшиеся вне интересов кенозерских сказительниц, но являющиеся лидерами активного бытования в других районах Онежского региона, — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Исцеление Ильи», «Илья и Калин»; они часто исполнялись в контаминации и, что важно, имели ярко выраженный героический компонент. Отсутствие интереса не означает, что этих былин в Кенозерье и окрестностях не знали, подобно не зафиксированным там «Ставрु Гоудиновичу», «Садко», «Добрыне и Василии Казимировичу», «Соловью Будимировичу», «Сухману» и «Михайле Потыку»²⁵ (только один из указанных может быть отнесен к сюжетам героическим).

Здесь стоит иметь в виду, что уже в 60-х гг. XIX в. эпическая традиция региона не была продуктивной и что обозначенный репертуарный набор в немалой степени условен — записи и Рыбникова, и Гильфердинга являлись, по сути, выборочными, к тому же у собирателей был вполне объяснимый настрой на фиксацию «полнокровных» текстов. Поэтому прав Ю. И. Смирнов, говоря, что представить реальную картину эпического репертуара Кенозера невозможно, равно как и судить о происходивших здесь движениях или утратах [Смирнов 1974, с. 79–80].

2. Специфика женского исполнения эпоса проявилась в ощутимой статичности, снижении творческого потенциала, что В. И. Чичеров, характеризуя состояние кенозерской традиции конца 1920-х гг., обозначил как «механическое повторение» — с точностью, насколько позволяет память, и в меру способностей воспроизведение «понятых» от мастеров образцов. Так, например, А. Ф. Гильфердинг, записывавший от Ирины Андреевой, указал, что та «слыхала былины от стариков и поет некоторые из них, впрочем, довольно нескладно. (...) она пела еще общеизвестную женщинам старину про двух любовников и весьма плохой пересказ того самого варианта былины про молодца и реку Смородину, который поет Лядков²⁶» [Гильфердинг, стб. 1262]; по сообщению собирателей (экспедиция 1958 г.), Анна Макаровна Артемьева, правнучка И. П. Сивцева, «к стихам относится серьезно и бережно, подчеркивает, что от себя ничего не прибавляет»²⁷.

²⁵ У А. Ф. Гильфердинга, например, указывается, что певица Марья Семеновна Лоскутова выучилась былинам «от своего отца, который (...) пел очень много и между прочим знал большую былинку про Михайлу Потыка, ею забытую» [Гильфердинг, стб. 1239].

²⁶ Лядков — прозвище Ивана Михайловича Кропачева, сказителя из д. Мамоново, от которого записывали П. Н. Рыбников в 1861–1862 гг. и А. Ф. Гильфердинг в 1871 г.

²⁷ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 6. Ед. хр. 62. Л. 0240–0241, зап. Ю. И. Смирновым 25–27 июля 1958 г., д. Першлахта; помета: «Все записанное называла стихами». Здесь и далее вы-

3. Очевидно стремление к поддержанию «сивцевской школы», в том числе через перенимание традиции по семейно-родовому принципу, — исполнительницы, будучи родственницами или ученицами И. П. Сивцева или его преемников, в свою очередь, передают родственникам и детям. Преобладает передача по женской линии — дочерям, племянницам, невесткам, внучкам (сыновья И. Д. Калитиной и А. Т. Артемьевой в этом смысле исключение), хотя зафиксированы и случаи передачи от тетки племяннику, от жены мужу (или жене от мужа, а тот «понял» от отца) и т. д.

4. То, что женское сказительство свидетельствовало об угасании традиции и способствовало этому, в частности, через перенаправление акцентов, подтверждают:

а) корректировка репертуара по интересам — отбирается то, что востребовано, популярно, приводя к превалированию новеллистических и лирических мотивов, к забвению былинного эпоса. Так, Павла Константиновна Старицына сообщила собирателям: *«Про богатырей — те стихи, конечно, поинтересней были. <...> Я не пою стихов. Если бы вы не спросили, я бы не вспомнила. Отошли стихи в сторону: старые люди вывелись, старое стали забывать...»*²⁸;

б) корректировка, что называется, по возможностям — и здесь вопрос: насколько сложно для певицы вытянуть и держать мужское ритмическое оформление былинного стиха (распев)?²⁹ Так, на записи в 1927 г. Настасья Феоктистовна Капустина петь былины согласилась не сразу, говоря: *«...не спеть старинок-то мне, не спеть»* [Соколов, Чичеров, с. 851]; и, записывая Настасью Степановну Абрамову, собиратели указали: *«...былины сейчас не поет, на просьбы <...> долго отказывалась, боясь спутать текст,*

держки из экспедиционных записей с воспоминаниями и высказываниями кенозерских сказительниц приводятся по материалам подготавливаемого к печати тома 19 («Былины Кенозера») Свода русского фольклора.

²⁸ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 5. Ед. хр. 16. Л. 0138–0139, зап. Ю. И. Смирновым 1 янв. 1958 г., д. Першлахта; помета собирателя: «Стихами П. К. называет и былины, и былины-баллады, и духовные стихи».

²⁹ Примечателен в этой связи упомянутый А. Ю. Кастровым опыт экспедиционной записи (ИРЛИ, Кенозеро, 1988 г.) от Григория Дмитриевича Сивцева, исполнителя в возрасте и уже нездорового (ум. в 1990 г.), — петь, не прерываясь, ему было тяжело, и память подводила; в перерывах, пока Г. Д. переводил дух, ему подсказывала жена, М. А. Сивцева, но при этом сама она петь так и не решилась. Фактически так же повела себя и другая местная исполнительница — Анна Федоровна Сивцева, предложив собирателям прозаический пересказ интересующей их былины, и только заключительную часть она пропела [Кастров, с. 360, 359], при том что Анна Федоровна — правнучка И. П. Сивцева и «одна из талантливейших сказительниц династии». О династии Сивцевых, включая информацию о Г. Д. и А. Ф. Сивцевых, см.: [Мелютин, с. 138, 142, 144].

по ее выражению, „с голосу сбить“. Начиная петь, сказала: „Потом наведу голос; голос разбежится...“» [Соколов, Чичеров, с. 868];

в) переход на прозаический пересказ, отказ от напевного исполнения из страха не вспомнить, спутать, «перевернуть» — об этом есть свидетельства в записях XIX в. (А. Ф. Гильфердинг, например, сообщает о Матрене Гр. Меньшиковой: «Про Садка купца богатого она рассказывает словами, изредка переходя к стихотворному складу...» [Гильфердинг, стб. 1233]) и в записях конца 50-х гг. XX в. — сказительница Акулина Ивановна Матюгова напела начала четырех былин, но на настойчивые просьбы досказать былину «Три поездки Ильи Муромца» отказалась: «*Наврү как, да!*»³⁰ Как заметила собирателям Агафья Александровна Артемьева, слышавшая, по ее собственному признанию, много песен и стихов, но запомнившая очень мало, «*нужды не было вспоминать. (...) Не в такой жизни люди теперь живут, из-за того и не помнят большие старины*»³¹.

Литература

- Былины Пудоги — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2015. Т. 18, кн. 1: Былины Пудоги / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1295 с. (Свод русского фольклора).
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. LVI с., 1336 стб.
- Кастров — Кастров А. Ю. Кенозерские эпические напевы: Материалы и комментарии // Русский фольклор. СПб.: Наука, 1995. Т. 28. С. 349–361.
- Мелютинина — Мелютинина М. Н. Родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) как ценный источник для изучения эпического наследия Кенозерья // Кенозерские чтения — 2015: Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек: Сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. / [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]; Отв. ред. Е. Ф. Шатковская, сост. М. Н. Мелютинина. Архангельск: ООО «Партнер НП», 2016. С. 138–150.
- Новиков — Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Петров — Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит; Редкая птица, 2017. 280 с.
- Рыбников — Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М.: Сотрудник школ, 1909. Т. 1. С. LX–CII.

³⁰ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 6. Ед. хр. 27–29. Л. 0162, зап. Ю. И. Смирновым 25–27 июля 1958 г., д. Першлахта.

³¹ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1959. П. 3. Тетр. 16. Ед. хр. 40. Л. 3258–3259, зап. Б. Исадченко, Н. Фоминой 2 авг. 1959 г., д. Тарасово Архангельской обл. (уроженка д. Рыпусово на Кенозере).

- Смирнов 1974 — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974. 264 с.
- Смирнов 2011 — Смирнов Ю. И. Состав былинной традиции Кенозера // Кенозерские чтения — 2009: Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: Сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. / [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГУ «Нац. парк Кенозерский»]; Отв. ред. Е. Ф. Шатковская, сост. М. Н. Мелютина. Архангельск: ООО «Партнер НП», 2011. С. 346–374.
- Соколов, Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова; подгот. текстов, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1948. 937 с.
- Чичеров — Чичеров В. И. Былины на Кенозере / Науч. ред., сост. В. П. Аникин [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2015. 44 с.

References

- 'Byliny Pudogi' (2015), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 18, 1, 1295 p.
- Chicherov, V. I. (2015). *Byliny na Kenozere*. Severodvinsk: Partner NP, 44 p.
- Gilferding, A. F., ed. (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gilferdingom letom 1871 goda*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, LVI p., 1336 col.
- Kastrov, A. Yu. (1995). 'Kenozerskie epicheskie napevy. Materialy i kommentarii', in: *Russkii fol'klor*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 28. Vol. 28, 349–361.
- Melyutina, M. N. (2016). 'Rodoslovnaya skazitelskoi dinastii Sivtseykh (Poromskikh) kak tsenniy istochnik dlya izucheniya epicheskogo naslediya Kenozer'ya', in: Ye. F. Shatkovskaya, M. N. Melyutina, eds., *Kenozerskie chteniya — 2015: Zapovedannoe Kenozer'ye: priroda, kultura, chelovek: Sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangelsk: Partner NP, 138–150.
- Novikov, Yu. A. (2000). *Skazitel' i bylinnaya traditsiya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 376 p.
- Petrov, N. V. (2017). *Russkii epos: gerai i syuzhety*. Moscow: Neolit; Redkaya ptitsa, 280 p.
- Rybnikov, P. N. (1909). 'Zametka sobiratelya', in: A. Ye. Gruzinskii, ed., *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym*. 3 Vols. Moscow: Sotrudnik shkol. Vol. 1, LX–CII.
- Smirnov, Yu. I. (1974). *Slavyanskie epicheskie traditsii: Problemy evolyutsii*. Moscow: Nauka, 264 p.
- Smirnov, Yu. I. (2011). 'Sostav bylinnoi traditsii Kenozera', in: Ye. F. Shatkovskaya, M. N. Melyutina, eds., *Kenozerskiye chteniya — 2009: Etnokulturnyi landschaft Kenozer'ya: mezhdistsiplinarnoe issledovanie na peresechenii estestvennykh i gumanitarnykh nauk: sbornik materialov IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangelsk: Partner NP, 346–374.
- Sokolov, Yu. M., Chicherov, V. I., eds. (1948). *Onezhskie byliny*. Moscow: Izdatel'stvo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya, 937 p.

А. И. Васкул, С. А. Жадовская

КАК ЖИВУТ БЫЛИНЫ:
ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО СКАЗИТЕЛЬСКОГО РОДА
НА Р. МОШЕ

Резюме

Статья основана на материалах, записанных экспедицией МГУ в бассейне р. Моши (Архангельская область) в 1959 г. с участием Ю. А. Новикова. Имеющиеся записи, сопоставленные с текстами, зафиксированными А. Ф. Гильфердингом в этом же регионе, позволяют проследить историю рода былинных сказителей на протяжении почти 100 лет. Текстологический анализ былин, в разное время записанных от представителей одной семьи, показывает генетическую связь и близость на сюжетно-композиционном и формульном уровнях и выявляет некоторые механизмы передачи устной традиции внутри семьи.

Ключевые слова: былины, Моша, Архангельская область, сказительский род, эпическая традиция, А. Ф. Гильфердинг, Ю. А. Новиков, история фольклористики

Anastasiya I. Vaskul, Svetlana A. Zhadovskaya

HOW EPICS LIVE: THE HISTORY OF A FAMILY
OF EPICS PERFORMERS FROM THE MOSHA RIVER AREA

Abstract

The article is based on materials that were recorded by Yurii Alexandrovich Novikov and other members of the 1959 Moscow State University expedition in the area of the Mosh River basin in the Arkhangelsk region. A comparison of these materials with the texts that Aleksandr Fedorovich Gilferding recorded in the same region in the last third of the 19th century allowed us to trace the history of a family of epics performers over a period of almost a hundred years. The textual analysis of recorded *byliny* recited by representatives of the same family at different times shows the genetic continuity of these texts and their

closeness at the plot, composition, and formula levels. It also reveals some mechanisms underlying the transmission of oral tradition within the family.

Keywords: bylina, Mosha River, Arkhangelsk region, family of epics performers, epic tradition, Aleksandr Fedorovich Gilferding, Alexander Hilferding, Yurii Alexandrovich Novikov, history of folklore

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-76-98

В Архиве кабинета фольклора МГУ хранится несколько десятков тетрадей с записями из Архангельской области и Карельской АССР, сделанными с участием студента и аспиранта Ю. А. Новикова. Целью регулярных экспедиций кафедры фольклора МГУ начиная с 1956 г. являлось сплошное обследование мест, где ранее был зафиксирован эпос, а также соседних регионов. «Фольклористы МГУ, — писали позже сами участники экспедиций, — не пренебрегали ни единым упоминанием о былинах, учитывая даже самые незначительные отрывки былин и самые скупые их пересказы, чтобы не только зафиксировать весь запас былевого эпоса на Севере, но и выяснить пути его эволюции» [Новиков, Смирнов, с. 165]. Материалы конца 1950-х — начала 1960-х гг. содержат фольклорные тексты разных жанров (эпические произведения и их пересказы, сказки, песни, заговоры, малые жанры), а также интереснейшие наблюдения о жизни и укладе советской деревни, о различных судьбах жителей Русского Севера. В начале октября 1959 г. студенты Ю. А. Новиков и С. С. Ожегова побывали в деревнях в районе р. Моши.

Моша — правый приток р. Онеги, берущий начало в Большом Мошинском (*устар.* Большом Мошенском) озере. Населенные пункты, находящиеся в ее бассейне, в XIX — начале XX в. входили в состав Каргопольского уезда Олонецкой губернии, а в конце 1950-х гг. — в Плесецкий и Няндомский районы Архангельской области.

Известно, что эпическая традиция в бассейне р. Моши представлена небольшим количеством текстов. Уже А. Ф. Гильфердинг, сделавший в этом регионе первые записи эпоса, отмечал, что здесь «слишком мало остатков эпической поэзии, чтобы можно было судить о ее характере. Былины там, по большей части, перешли в прозаические рассказы в виде сказок, и на Моше остался только один замечательный певец былин (Швецов)» [Гильфердинг, с. 63]. В 1871 г. А. Ф. Гильфердингом было записано девять былин от четырех исполнителей (Н. М. Швецов, А. С. Юрьев, А. Ф. Макушкин, П. С. Малыгин); второй половиной 1870-х гг. датируется запись былины в Мошенском приходе учителем А. Грозовым (от Ф. С. Савиной); в 1903 г. А. В. Марковым

практически случайно были сделаны записи двух былин на фонограф (совместное исполнение С. Е. Гаврилова и А. Е. Стахивой); в 1959 г. Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой зафиксированы три текста от А. Г. Вавиловой и «воспоминание о традиции» — концевая формула былины о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича — от ее родной сестры Т. Г. Пинаевой.

Названные тексты образовали специальный раздел, посвященный традиции Мошинского региона, в т. 20 Свода русского фольклора (серия «Былины»), который подготовлен к изданию сотрудниками Пушкинского Дома Т. Г. Ивановой, Ю. И. Марченко и другими, в том числе авторами настоящей статьи. В подготовке сюжетных комментариев для разделов по эпическим традициям Моши и Каргополья в 2010-х гг. принял активное участие и Ю. А. Новиков.

Благодаря тому что участники экспедиции МГУ тщательно фиксировали не только тексты, но и контекст их бытования и составляли подробные «портреты» исполнителей, мы знаем, что сестры А. Г. Вавилова и Т. Г. Пинаева, жительницы д. Большая Орьма Лимского сельсовета, являлись прямыми потомками (правнучками) сказителя Николая Михайловича Швецова — собеседника А. Ф. Гильфердинга. Таким образом, на Моше удалось записать эпические тексты от представителей одного сказительского рода.

А. Ф. Гильфердинг предварил свои записи биографическими сведениями об исполнителе:

«**Швецов Николай Михайлович**, крестьянин дер. Орьмы Лимского прихода (соседнего с Мошенским), 65 лет, грамотный. Его дед, Леонтий Игнатьевич, славился как знаток былин; занимаясь преимущественно рыболовством на р. Моше, он брал с собою внука, который тут и наслышался от него былин, потому что дед во время рыбной ловли почти всегда певал. Сам Швецов мало занимается рыболовством, а более „крестьянствует“, по зимам же обыкновенно ездит к Белому морю, в Сороку, покупать там сельдей, которые доставляет для продажи в Вельск, Верховажье и Вологду. Он один из самых зажиточных крестьян в его местности. Один из его сыновей, по словам Швецова, перенял почти все былины, которые он знает» [Онежские былины, с. 541].

Приведем теперь фрагменты из полевого дневника Ю. А. Новикова и С. С. Ожеговой, касающиеся биографических данных исполнительниц середины XX в.:

«**Пинаева Татьяна Григорьевна**, 63 года, неграмотная.

Правнучка довольно значительного мастера былин — Николая Михайловича Швецова, от которого в 1871 году записывал былины А. Ф. Гильфердинг. Сама былин не поет и никогда не пела, но рассказать бы, конечно,

могла. Однако нас отправила к сестре Авдотье Григорьевне. Зато рассказала прекрасные сказки. Татьяна Григорьевна родом из Малой Орьмы, а замуж вышла сюда. Староверка, поэтому живет по строгим законам: не допускает, чтобы в избе пили водку, курили; сама не пьет чай, обходясь только кипятком, и, конечно, традиционное: „У нас из ковшика водицьку не пьют“. К соседям, по-моему, вообще не ходит, да и у нее бывают нечасто. Нам потом так и объясняли, когда мы сменили квартиру: „К Татьяне заходить боялись“. И в то же время Татьяна Григорьевна рассказала нам больше других, и рассказала с несомненным мастерством. Весь сказочный репертуар Т(атьяна) Гр(игорьевна) переняла от своей матери — Настасьи Васильевны. А дедушко — Василий Николаевич Швецов, видимо, и был тем самым сыном Ник(олая) Мих(айловича) Швецова, который, по словам А. Ф. Гильфердинга, перенял почти все былины. Татьяне Григорьевне знакомы имена Ильи Муромца, Алеши Поповича, Добрыни, Чурилушки Семиплёнковича, т. к. об этих богатырях пела ее мать. Знакомо ей имя и Хотена Блудовича (Хотеня Збудовица), хотя мать ее этой былины не знала. Песни Т(атьяна) Гр(игорьевна) знает хорошо, и неплохие песни, действительно старинные, но петь уже не может — дыхания не хватает»¹.

Из этих сведений можно, помимо прочего, определить место жительства Н. М. Швецова и его потомков. Деревень под названием Орьма в рассматриваемой местности две, и в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг не записал, в какой из них проживал его собеседник. Судя по тому, что Т. Г. Пинаева первоначально жила в д. Малая Орьма, можно предположить, что и ее прадед и следующие поколения жили там же.

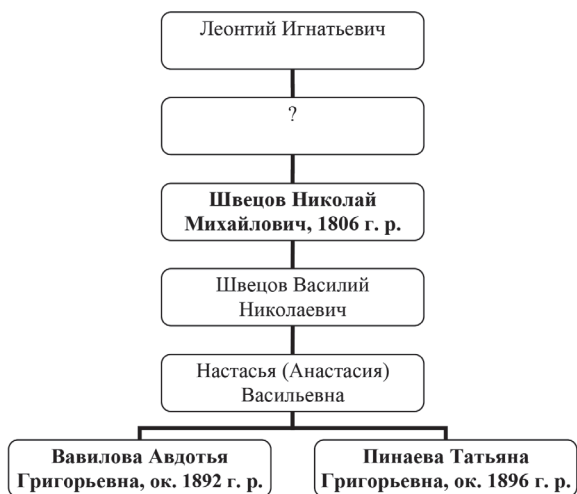
«Вавилова Авдотья Григорьевна, 67 лет, грамотн(ая).

Авдотья Григорьевна, как и ее сестра Татьяна Григорьевна, староверка и даже была в Орьме негласным „попом“ староверов. Это накладывает отпечаток на поведение человека. Многолетняя замкнутая жизнь выработала какое-то отчуждение от людей, стремление к одиночеству. Даже четырехлетняя жизнь в г. Иваново, неоднократные поездки в Москву мало изменили эти стороны ее бытия. И несмотря на то что А(вдотья) Гр(игорьевна) знает много сказок-бывальщин и любит их рассказывать (свидетельства односельчан), нам не удалось их добиться. Важную роль здесь сыграло, конечно, сознание „греховности“ рассказывания сказок. Но „старины“ А(вдотья) Гр(игорьевна) рассказала все, какие знала. Переняла от матери — Настасьи Васильевны, внучки Н. М. Швецова (Гильфердинг, № 304—312). Мать пела только эти три былины и некоторые духовные стихи. Умерла она около 20 лет назад.

¹ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5103—5104.

А(вдотья) Гр(игорьевна) былин никогда не пела, но раньше умела рассказывать „складно“, теперь во многих местах забыла стихи былин и передает только содержание. Старины рассказывать любит, от нее слышали рассказ про Илью буквально прошлой зимой. Любопытно, что богатырскую сказку про Еруслана Лазаревича тоже считает „стихом“, стариной и рассказывает не в сказочном стиле, т. е. с богатой обрядностью и стремлением к эпичности, а в стиле современных пересказов былин (не сказка с былинными героями). Ее „Ярославль Лазаревич“ — это очень сжатая передача сюжета, и только сюжета»².

Представим схематично родословную семьи Швецовых, выявленную из этих сведений:

Если от Н. М. Швецова А. Ф. Гильфердинг записал шесть былин³, то его старшей правнучке, Авдотье Григорьевне Вавиловой, были известны три старины из репертуара прадеда (перечислим в порядке записывания): «Три поездки Ильи Муромца»⁴, «Чурила и Катерина»⁵ и «Добрыня и Алеша»⁶.

Временной диапазон между записями А. Ф. Гильфердинга и собирателей МГУ — 88 лет. Тексты Швецова записаны традиционным былинным стихом. В текстах Вавиловой былинный стих сохранился не полностью, повсе-

² АКФ МГУ. ФЭ-03: 5209–5210.

³ «Илья Муромец и Калин-царь», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Алеша», «Иван Годинович», «Хотен Блудович», «Смерть Чурилы».

⁴ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5179–5186.

⁵ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5186–5189.

⁶ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5189–5198.

местно встречаются прозаические вставки, однако ритмическая организация присутствует (хотя и в разной степени) во всех трех текстах. В наибольшей сохранности былинный стих находится в тексте о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича.

Далее сопоставим последовательно записи от прадеда и правнучки на уровне композиции и словесных формул.

Содержательная сторона в былине «**Добрыня и Алеша**», исполненной А. Г. Вавиловой, очень близка к тексту Н. М. Швецова — выдержаны практически все сюжетные коллизии: пир у князя Владимира, сообщение об угрозе Невежи, выбор Ильей Муромцем поединщика⁷, диалог Добрыни с матерью, наказ Добрыни жене, обман и принуждение жены Добрыни к замужеству, сообщение Ильи Муромца Добрыне о предстоящей свадьбе, описание пути Добрыни в Киев, узнавание героя матерью, сборы Добрыни на свадьбу, свадьба и эпизод с перстнем, наказание Алеши Поповича. Из элементов сюжета, присутствующих у Швецова, в записи Вавиловой отсутствуют довольно пространный зачин с темой, по определению Т. Г. Ивановой, «панорамы Руси» [Иванова], описание пребывания Добрыни на заставе и конечный фрагмент, описывающий возвращение Добрыни с женой к матери. Интересно, что традиционной былинной формулы, представленной Швецовым в стихах: «*Поехал Добрынюшка во чисто полё. / Стоял на заставы на крепкия*», — у Вавиловой нет. Однако именно с этого исполнительница начала свой текст: «*Добрыня Микитиць издел на заставы на крепкие*». Затем, видимо припомнив, что сюжет начинается по-другому, А. Г. Вавилова заметила: «Наперво-то было...» — и стала сказывать о пире у князя Владимира. Далее *застава крепкая* возникает в ее тексте еще раз: «*Ну, дак он заотправлялся на заставу на крепкую*». Не сохранила исполнительница и скоморошью концовку варианта своего прадеда («*А мы ведь Добрыню в старинах поём, / Ах, дудай-дудай, больше вперед не знай*»).

В остальном варианты Швецова и Вавиловой чрезвычайно близки, что позволяет считать обоснованным их генетическое родство не только в связи с родственными отношениями исполнителей, но и с текстологической точки зрения. Близость их вариантов проявляется и в таких общих оригинальных деталях: жена Добрыни названа Авдотьей Микуличной, исполнители описали бой Добрыни с Невежей⁸, а мать Добрыни узнает сына по «бороздинке»: «*На белом лице была баруздинка*» (Швецов) — «*На правой-то*

⁷ В записи от А. Г. Вавиловой Добрыня назван племянником Ильи Муромца. Это, возможно, показывает устойчивость представления о том, что Добрыня Никитич является «младшим» богатырем.

⁸ В записях А. Ф. Гильфердинга имя Невежи не осмыслено как имя собственное.

	<i>Не ходи ты за Алёшу Поповича, Алёша Попович мне-ка крестный брат, А крестный-от брат паче рбдного».</i>	
О свадьбе Авдотьи и Алеши Поповича	<i>В пятницу было рукобѣтьиче, В субботу было у них сватовство, В воскресенье-то у них буде свадебка.</i>	<i>В пятницу-то у их было сватовство, В субботу — рукобѣтьце (так!), А в воскресенье у них уж свадьба.</i>
Путь Добрыни в Кнев	<i>Скачет конь по вёрсты по мерныя, Ископыт по ямы по репныя.</i>	<i>Конь скацѣ по вёрсты по мерные, Изкопыт повылетат по ямы по репные.</i>

Таким образом, при сличении текстов мы наблюдаем стабильность, устойчивость сюжета. Ю. А. Новиков отмечал близость мошинской редакции сюжета к тексту В. А. Суханова, крестьянина-столяра из деревни Пилмас-остров на Пудогге, который утверждал, что «выучился былинам от слепого старика из деревни Волковой Быковской волости в Каргопольском уезде» [Онежские былины, с. 117]. «Оригинальная редакция сюжета, к которой относится текст В. Суханова, зафиксирована на большой территории — от Пилмасозера на западе (неподалеку от Водлозера) и д. Орьяма на востоке (в районе Мошенского озера). Для нее характерна поразительная стабильность вариантов: разделенные во времени и пространстве, они практически не испытали воздействия других модификаций былины, бытовавших в тех же регионах» [Былины Пудогги, 16, с. 998].

К традиционной формуле, завершающей этот сюжет: «*Всякий на свете женится, / А не всякому жонитьба удавается*», — Авдотья Григорьевна добавила: «Так оно и было. Олёше Поповичу не издалось на чужой бабы жониться». Отметим, что эту формулу воспроизвела и ее сестра Татьяна Григорьевна, используя ее как мораль к повести «Про Фрола Скобеича»¹⁰. Отметим, что в мошинской традиции такая концовка встречается и в былинах на сюжет «Добрыня и Маринка» — в записи от Феклы Степановны Савиной (зап. учителем Александром Громовым в Мошенском приходе во второй половине 1870-х гг. и прислана в Русское географическое общество

¹⁰ «*Всяк на свити (говорил Олёша Поповиць) жонитсе, да не всякому жонитьба удава-итсе*» (АКФ МГУ. ФЭ-03: 5057). В белой тетрадке собиратели записали этот фрагмент отдельно, сопроводив комментарием: «Т(атьяна) Гр(игорьевна) слышала былину от своей матери, но нас отослала к сестре Авдотье Григорьевне (...) После этой записи Т(атьяна) Гр(игорьевна) не видела смысла в новой. Этот отрывок использовала как мораль к сказке „Про Фрола Скобеича“».

в составе материалов К. М. Петрова¹¹) и в совместной записи от С. Е. Гаврилова и А. Е. Стахиевой (зап. А. В. Марковым в с. Шалакуша в 1903 г.).

Сюжет «**Три поездки Ильи Муромца**», по мнению эпосоведов, является сравнительно поздним образованием, не оригинален по содержанию, зачастую тексты разных исполнителей содержат стандартные сюжетные коллизии, в них «преобладают типовые детали и формулы, известные по другим эпическим песням» [Былины Пудоги, 17, с. 901].

При сравнении композиции текстов Швецова и Вавиловой видно, что вариант последней в большей степени тяготеет к текстам сводного типа: исполнительница включила в него развернутые сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Былина Вавиловой открывается полноценным, хотя и прозаическим, пересказом сюжета об исцелении богатыря. Известно, что в поздних текстах прослеживается тенденция к объединению песен об Илье Муромце в одно произведение сводного типа, которое почти всегда начинается с рассказа об исцелении: без него, по выражению Ю. А. Новикова, «эпическая биография героя получится неполной» [Былины Пудоги, 17, с. 807]. Текст Вавиловой в этом смысле не стал исключением.

У обоих исполнителей присутствуют такие эпизоды, как выбор пути (при этом у Швецова герой останавливается перед *бел камнем*, а у его правнучки — перед *столбом*), сражение и победа на первой дорожке, «где убиту быть», встреча с *прекрасной королевицной* — на второй дорожке, «где женату быть». Третьей же дорожки — «где богату быть» — в тексте Швецова нет (в конце текста помета Гильфердинга: «Дальше не знает»), а у Вавиловой сохранилось воспоминание о ней в редуцированном виде: «*И третью дорожку расцистил, где богату быть*». По наблюдению Ю. А. Новикова, «собираателям редко удавалось записывать полноценные тексты этой былины; чаще всего сказители испытывали затруднения с третьей частью сюжета — поездкой героя в ту дорогу, „где богату быть“» [Былины Кулоя, с. 619].

Важным различием двух текстов является то, что у Швецова Илья Муромец на первой дороге сражается с разбойниками («*Наехал стаметников-разбойников / Немало число — сорок тысячей*»), у Вавиловой же этот фрагмент заменен довольно подробным описанием боя героя с Соловьем-разбойником.

Как и в рассмотренном выше сюжете о Добрыне и Алеше, в вариантах «Трех поездок» от Швецова и Вавиловой совпадают словесные формулы.

¹¹ См.: [Пашков, с. 364; Лойтер, с. 103].

	Н. М. Швецов	А. Г. Вавилова
Выбор пути	«А в дорожку-ту ехать — богату быть, В другую-то ехать — женату быть, А во третью ехать — убиту быть». А тут ведь как стар пороздумался, Да в которую дорожку будет ехать: «На что мне-ка, старому, богачество? Я сам-то умру, живот останется, Животом-то владеть будет некому. А почто мне старому жениться? А жениться мне — не нажитися, Худой-то мне взять — не захочется, А хорошая-то взять — так чужа корысть. Поеду в ту дорожку, где убиту быть, А убитому быть и замучену, А души-то со телом быть разлүченной».	«...В первую дорожку ехать, дак убиту быть, а в другую дорожку ехать — жонату быть, а в тре- тью дорожку ехать, так богату быть». Илеюшко тут пораз- думалси, в какую дорожку ехать. «На что мне, старому, богачество? Сам помру, живот останется, Животом владеть будет некому. Пошто, — говорит, — старому жениться? Стару взять — самому увясть, А молодая взять, дак чужа корысть. Поеду, — говорит, — в ту до- рожку, где убиту быть, Где убиту быть, замучену, Душой с телом быть розлүченной».
Дорога, «где женату быть»	Идет ведь толпа красных деvушок. Выходила тут прекрасна королевщица, Брала ево за руки за белыя, За те ли за перстни злаченя, Повели ево в высоки новы теремы... <...> А видит Илеюшка Муромец, Он видит, что кроватка фальшивая, Фальшивая кроватка, подломная. Ухватил как он прекрасну королевщину, Да он бросил на кроватку тисовую На ту ли на перину пуховую, Да и в тот час кроватка подломиласе, Упала она во погребы глубокия. <...> Весучия замочки он на руку берет, Подворотенки ногами выпинывал, Отворял он воротца широкия, Побралось там ведь много князей да бояр, Много сильних могучих богатырей. <...> Проклинают всё прекрасну королевщину...	...Настречю ему идёт два полка красных деvушок, и идет тут прекрасна королевщица, здоро- вается с Ильём Муровичем, бере его за белы руки, повела в свои высоки терема. <...> А Илеюшка видит, что у ней кроватушка фальшивая. Кроватушка фальшивая да подломистая. <...> Он фатил эту прекрасну короле- вищну да посередки и двинул на кроватку. У ей пуховики роздви- нулись, упала прекрасна короле- вищна во глубокий погреб. <...> Висучие замоцьки на руцьки брал, Подворотенки ногамы выкидывал. Пошло оттуль там много князей-бояров, Много сильных могучих богатырей. <...> Проклинают прекрасну королевщину.

Отметим, что у Вавиловой, в отличие от Швецова, присутствует описание погребя «королевицны»:

*В глубину погреб — сорока сажон,
В ширину погреб — двадцать пять.*

(...) По лисвинкам на кажной сажени замки висячие, двири железные да замки навишаны.

В конце былины Вавиловой встречается воспоминание о сюжете «Илья Муромец и разбойники»: *«Он потом издил по той-то дорожке, тут уж я забыла. Розбойники там жил(и), тех всех избил».*

Далее рассмотрим былины на сюжет «**Чурила и Катерина**» (обе они записаны под названием «Смерть Чурилы»).

Сопоставление вариантов от Швецова и Вавиловой показывает, что сюжетная канва в целом остается без изменений: действие происходит на Благовещение (в других традициях — в Петров день, на Воздвижение), былина начинается с характеристики наряда Чурилы, затем описан уход Бермяты в церковь, приход Чурилы к его жене Катерине и их игра в шахматы, сообщение девки-служанки Бермяте об измене жены, возвращение Бермяты домой, диалог Бермяты и Катерины, смерть Чурилы и Катерины. В текстах обоих исполнителей присутствуют такие оригинальные подробности, необязательные в других традициях, как игра Чурилы и Катерины в шахматы и самоубийство Катерины. При этом текст Вавиловой менее насыщен подробностями, некоторые эпизоды редуцированы. Например, всего одним предложением описана игра Катерины и Чурилы в шахматы (*«Играли да поиграли, пьяны напились да пьяны были»*), усеченно и прозаически передана смерть Чурилы (*«Потом он долго не мешкал, саблю схватил да голову срубил Цюрилку Плёнковицю. Она с той тоски взяла булатный нож да на калидор вышла. Да с той тоски подкололась сама»*). Поскольку Вавилова, по-видимому, забыла окончание былины (в конце она переходит только на пересказ), то в ее исполнении отсутствуют свадьба Бермяты и девки-служанки, нет и устойчивой у Швецова концовки: *«А мы ведь Чурила в старинах поём. / Ах дудай-дудай, больше вперед не знай».*

Примечательно, что в варианте Вавиловой появляется вставной эпизод — наказ матери из былины «Добрыня и Маринка»:

*Матушка-то ему наказывала:
«Ходи-гуляй, Чурилошко, по городу по Киеву,
А не ходи-ко ты в заулки Маринкины да Катеринкины.
Там живут курвы-отравщицы,
Отравщицы да зеленщицы,*

Травят-морят сильных могущих богатырев». Он и зашел в Катеринкин-от заулк.

Несмотря на то что сюжет «Добрыня и Маринка» не был записан от представителей этого сказительского рода, можно предполагать, что Вавиловой эта былина была знакома, причем в ее памяти сохранились традиционные для мошинской модификации сюжета формулы «курва-отравщица», «отравщица да зеленщица». Напомним, что на Моше этот сюжет был зафиксирован трижды в конце XIX — начале XX в.

Текстологический анализ показывает совпадение характерных словесных формул у Швецова и Вавиловой и в этом сюжете.

	Н. М. Швецов	А. Г. Вавилова
Описание наряда Чурилы	<i>На ножках сапожки — зелён сафьян, Зелена сафьяну турецкаво, Мудрово покрою немецкаво, Крепково шитья ярославскаво; Около носочка — ячико катить, Под пяту Чурилу соловей пролетит.</i>	<i>Сапожки-то на ножках были, Под носок-то хоть ячико кати, А под пяток-то хоть соловей лети, Крепкого шитья да ярославского, Славного покрою немецкого.</i>
Игра в шахматы	<i>Буде ты меня поиграешь, с меня сто рублей, А как я тебя поиграю, тебя Бог простит.</i>	<i>...Ты на меня наиграешь, Дак с меня сто рублей, А я на тебя наиграю, Дак тебя Бог простит.</i>
Девка-служанка намеревается рассказать Бермяте об измене	<i>А девка ведь ходит, служанка евд, Ходит она девка, стучит да ворчит: «Я пойду к Бермяты, накучю да намучю».</i>	<i>Девка всё по горнице ходит, стучит да бречит. «Пойду старому Бермяты накучу да намучу».</i>
Приход Бермяты домой	<i>Как раз он побрякал — да нет никого, Другой раз побрякал — да нет же никого, Третьей раз побрякал попуце тово — Высокие тёремы пошаталисе, Маковки со тёремов попадали...</i>	<i>Раз колонулся — ницего не цють, Два колонулся — никого не слыхать, А третий раз попуце колонулся — Все высоки терема пошатилися, Сверху маковки покатилися.</i>
Диалог Бермяты и Катерины	<i>Выходила Катерина дочь Микулична... <...> «Что ты, Катерина, не убрна идёшь?» <...> Проговорит Катерина дочь Микулична:</i>	<i>Потом вышла Катерина доць Микулична. «Что ты, Катерина, не умойная да не уборная?» — «Я, — говорит, — сегодня угорела. Голова болит». А он зашёл: «Что, — говорит, — у тебя за гости? Эту, — говорит, —</i>

<i>«Гой еси Бермята сын Васильевич! Угорела я севодня, голова болит...» (...) Пошел он в высоки новы теремы, Увидел на стопке шапочку Чурилкуву: «Эту я ведь шапку на Чуриле видёл». Проговорит Катерина дочь Микулична: «Гой еси Бермята сын Васильевич! У моево родимово у брателка С Чурилом ведь платьицом помёнянось, А добрыми ко́нями побра́танось».</i>	<i>шапоцьку я видел на Чурилушке». — «Это, — говорит, — моих братиццев, у них поменянось, конями побратанось».</i>

Итак, в текстах на сюжет «Чурила и Катерина», записанных от прадеда и правнучки, прослеживаются некоторые сюжетные изменения. В тексте Вавиловой при сохранности основных эпизодов отмечается редуцирование в описаниях, зафиксировано меньше подробностей действий, имеется вставной фрагмент из другого сюжета.

Таким образом, можно утверждать, что в роде Швецовых существовала устойчивая традиция сказывать былины, сохранившаяся как минимум на протяжении шести поколений: из записей А. Ф. Гильфердинга мы знаем, что дед Н. М. Швецова, Леонтий Игнатьевич, и сын, Василий Николаевич, знали былины, а из биографии А. Г. Вавиловой известно, что она усвоила былины от матери, Настасьи Васильевны. Интересно, что, кроме рассмотренных былин, Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой был записан от этой исполнительницы также пространный прозаический пересказ повести о Еруслане Лазаревиче (под названием «Про Ярославля Лазаревича»), стилистика которого, как заметили собиратели, близка былинной, а не сказочной. Кроме того, в сохранившихся записях собирателей от Вавиловой записана загадка о ткацком стане.

Былины А. Г. Вавиловой невелики по объему, при этом в двух (из трех), как мы показали, имеются вкрапления из других сюжетов (наказ матери из «Добрыни и Маринки» в «Чуриле и Катерине», контаминация «Исцеления Ильи Муромца», «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» и «Трех поездок Ильи Муромца»).

Несмотря на отсутствие записанных текстов — посредников между двумя поколениями, генетическая связь рассмотренных нами вариантов былин Н. М. Швецова и А. Г. Вавиловой очевидна, и она прослеживается на сюжетно-композиционном и словесном уровнях, демонстрируя устойчивость

традиции внутри одного рода. Следует заметить, что Авдотья Григорьевна Вавилова, судя по всему, не просто механически воспроизводила слышанное в семейной обстановке, но и была способна творчески интерпретировать (хотя и не развивать) эпическую традицию. Есть вероятность, что, поскольку исполнительница была грамотной, она могла иметь и другие источники знания былин, однако свидетельств этому нет.

В ее былинах по большей части не сохранился былинный стих, но во многих фрагментах сохранилась ритмическая организация текста. В записях нет указаний собирателей, проговаривались эти фрагменты или пелись, поэтому оценить исполнительское умение Вавиловой в полной мере сегодня невозможно.

В репертуаре ее родной сестры, Татьяны Григорьевны Пинаевой, былины не зафиксированы, но был записан подробный прозаический пересказ духовного стиха «Алексей, человек Божий» («Про Олексиюшка, Божьёго цёловека»¹²), баллада «Князь Роман жену губил»¹³, а также пересказ «Повести о Фроле Скобееве», несколько сказок, песни, поговорки, присловья и др. Несмотря на то что она не пела былин, семейная память об эпической традиции отразилась в других жанрах в ее исполнении. Так, кроме упомянутой уже формулы из былины о Добрыне и Алеше, в ее пересказе стиха об Алексее, человеке Божиим встречаем: «*Прошло у их пированьё да столованьё*»¹⁴.

Исходя из вышеизложенного, констатируем, что в роде Швецовых почти в течение столетия (а согласно биографическим сведениям, и дольше) существовала эпическая традиция, подтверждая тем самым высказывание Ю. А. Новикова: «В районах с земледельческим уклоном (Прионежье, Выгозеро, Кенозерско-Каргопольский край, Моша, Пинега) самые благоприятные условия для этого (усвоения эпических песен. — А. В., С. Ж.) — в семье, в родном селении, где люди постоянно общаются друг с другом, где варианты разных исполнителей обычно близки по композиции и стилю» [Новиков, с. 145–146].

¹² АКФ МГУ. ФЭ-03: 5023–5030.

¹³ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5048–5049.

¹⁴ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5025.

Ниже публикуются тексты былин, записанные Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой, участниками экспедиции МГУ, в октябре 1959 г. в д. Большая Орьма Лимского сельсовета Няндомского района Архангельской области от А. Г. Вавиловой¹⁵. Записи представляют собой беловые тетради. При публикации текстов сохранена орфография оригинала, учтены мелкие правки собирателей. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами, комментарии исполнительницы взяты в скобки и выделены курсивом. Названия сюжетов даны в соответствии с принятыми в Своде русского фольклора.

Добрыня и Алеша

Добрыня Микитиць издил на заставы на крепкие. (*Наперво-то было:*)

У князя у Владимира

Столованьице-пированьице, почестен пир.

Все на пиру напивались да наедались, да весело сидели. А князь-то Владимир затужился-запечалился. Говорит:

«Пособите мне думушку думати,

Кого отправить на заставу на крепкую?

Надо на заставы стоять ровно шесть годов

Биться с Невежою¹⁶ в чистом поле.

У Невежи есть крилатый конь

Летает эта Невежа по поднёбесье.

(*Тоже уж, видно, был, как ероплан построен.*)

И тут-то Мурович нисколько не задумался, вышел из-за заднего столика:

«А вот мы пошлём моего племянника Добрыню Никитича на заставу, дело надёжное». Добрыню и стали отправлять.

А Добрыня только поженился, живе с молодушкой. Пошел домой не весел, не радостен. Пришёл к кормилице к матушке и говорит:

«Пошто ты меня, мать, такого спородила?

Смелостью — не смелого,

Силою — не сильного,

Красотою — не красивого».

---

¹⁵ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5179–5198.

¹⁶ Имя Невежи в рукописи написано со строчной буквы в первых двух случаях.

Мать и отвечает:

«Ой ты, Добрыня Никитинець,
Я, — говорит, — тебя своим умом да разумом
спородила бы.

Силой в деду Максимильяна Денисовича,
А смелостью-то в деду Илью Муровича,
А красотой в Осифа Прекрасного,
А кудрями-то в царица Кудрияница.
Дак такого бы тебя, молодца, спородила».

Ну, дак он заотправлялся на заставу на крепкую.

«Принеси, — говорит, — мне, матушка,
Платице сподорожное,
Да принеси шолыгу подорожную,
Надо биться с Невежей во что-нибудь.
У Невежи есть крылатой конь,
Летает Невежа по поднёбесью».

А своей жонушке наказывает:

«Пождёшь ты времяцько-поры шесть годов,
Не придёт ни письма, ни грамотки —
Ты потом хоть вдовой живи,
Хоть взамуж пойди.

А за того за Алёшу за Поповича не ходи.

Мне, — говорит, — Алёша Попович крестный брат,
Крестный брат паче рóдного».

Уехал Добрыня на заставу. Ну, вот прошло времяцька шесть годов.

Не пришло ни письмо, ни грамотко,
Никакое прямое чёлобитьцо.

А потом на Авдотьи Микулицьны Олёша Попович засватался.

Но идти-то ей не хочется,
Но князь Владимир объегорил,
Он стал сватать-оманывать:

«Видел, Добрыня убит лежит.
Вчера поездил с утра до вечера:
Головой лежит в ополонь-траву,
Ногами лежит в цяст ракивов куст».

Ну, вот захоходили Авдотьюшку взамуж за Олёшу за Поповича.

В пятницу-то у их было сватовство,
В субботу рукобитьце *(так!)*.

А в воскресенье у них уж свадьба. А Илье Муровичу это не верится. Он оседлал своего добра коня и поехал в чистое поле Добрынюшку проповедывать¹⁷.

Взял он шолыгу подорожную,
Стал коня ошарашивать.
Конь скоцё по вёрсты по мерные
Изкопыть повылетат по ямы по репные.
Доехал до циста поля,
Видит, шатер роскрыт лежит.

Коня привязал, зашёл в этот шатёр, а тут Добрыня Микитиць отдыхает. Как исхитрился, у этого Невежи крылья сожёт да убил, победил. Он стал здороваться: «Здорово, — говорит, — любезный племянничек». — «Здравствуй, дорогой дядюшка».

«Твоя-то Авдотья Микулицьна взамуж пошла
За того-то за Олёшу за Поповича.
Вот тебе, Добрыня, вестоцька не радостная.
И князь её обневолил.
Авдотью выгораживае:
Идти ей не хочется».

Добрыня Микитиць долго с дедюшкой не разговаривал, оседлал своего добра коня да брал тоже шолыгу подорожную, да начал коня ошарашивать.

Конь скацё по вёрсты по мерные.
Изкопыть летит по ямы по репные.
Приехал домой к кормилице-матушке.

Колонулся, она вышла, отложила от ворот и не узнала. Стала спрашивать:

«Чей ты, добрый молодец?
Коей земли да коей орды?»

А он говорит: «Матушка, напой, накорми, а потом расспроси». Она посадила за стол, стала кормить и опознала: на правой-то щоки была бароздовинка. И узнала, кто приехал. И стала опять обсказывать: «Вот тебе, Добрыня Микитенець, весть нерадостна: твоя-то Авдотья Микулицьна взамуж пошла, за того-то за Олёшу за Поповича. Идти-то ей не хочется. (*Тож ея выгораживае.*) А приневолил князь Владимир идти».

Он говорит:

«Неси-ко мне платьницё скоморошную.
Неси, — говорит, — гуслица самопелые,

---

¹⁷ Вероятно, ошибка при переписывании, надо: *попроведывать*.

Неси шолыгу подорожную.
Я пойду на Авдотьину свадьбу».

А у их у князя у Владимира столованье ведётся в полатах, к венцу похода дак. Он приходит.

Поклон дёржит на все цётые стороны,
На все стороны цётые поклоняется,
А Авдотье Микульцьне на особинку.
Никто тому не пытается,
А Авдотья доць Микулицьна сдогадается.
Князю Владимиру игра поглянулася.
«Надо, — говорит, — игрока посадить за стол.
Вот тебе место возле меня,
А другое тебе место супротив меня садись,
А третьё тебе место — куды хошь садись».

(*На волю даваё.*) Он нашёл место против Овдотьи Микулицьны. Сел на скамейку, невеста налила ему чару зелена вина и поднесла с поклончиком. Он взял из вина вино, да с руки своей перстень опустил в царку, которым с ий обручилсе, и обратно подал ей царку с вином и приговорил таково слово:

«Пить до дна, так видать добра,
А не пить до дна, так не видать добра».

Она приняла царку зелена вина, выпила, перстень выкатила. Взяла перстень, положила на руку, да через стол к нему, к Добрыне Никитичу, скоцила. Проговорила таково слово:

«Не тот мне-ко люб,
Кто возле меня сидит.
А тот мне люб,
Кто супротив меня сидит».

Да через стол и перескоцила.

А Добрыня долго не разговаривал, фатил Олёшу Поповича за желты кудри да бросил на печку на кирпичну, начал шолыгой охорашивать жониха, пошло тут Олёше уханье да оханье. И проговори́л Олёше таково слово:

«Всякий на свете женится,
А не всякому жонитьба удавается».

Так оно и было. Олёше Поповичу не издалось на чужой бабы жониться.

Три поездки Ильи Муромца

Илья Мурович сын Ивановиць, не ходил никуды, сидня сидел ровно тридцать лет. В селе-то было Карачееве, во городе Киеве. У князя Ивана Тимофеевича был Илья Мурович, сидня сидел, не владел ни руки, ни ноги.

Тридцать лет сполнилось. Родители ушли полосы в поле чистить, пахать, а к нему пришли калики перехожие. «Илеюшко, — говоря, — нам создай-ко милостинки». — «Не могу стать: не владею ни ручки, ни ножки». Они потом говоря: «Протяни праву-то ручку». Ручку протянул — ручка завладела, другую протянул — другая завладела. «Ноженьку-то праву протяни». Протянул — ножка завладела. Другую протянул — другая завладела. Дал им хлибця.

Потом спросили, говоря: «А Илеюшко, принеси-ко нам кваску напиться». Илеюшко сходил, кваску начедил чашку. «Выпей-ко сам, — говоря, — наперво, Илеюшка». Илеюшко квасу чашку выпил. Они у него потом спросили: «Какую ты в себе силушку поимел?» — «А, — говорит, — как бы кольцо в сырой земли матушке, всю бы поворотил». Они посмотрели, говорят:

«Надо отбавить силушки половиночку, нынь порато много». Отбавили силушки половиночку. Да их и не стало. Ушли от него калики.

Он пошёл в полюшко к родителям. Мать встречает, смотрит, говорит: «Там как вроде наш Илеюшко идёт». Отец говорит: «Где нашему Илеюшке хаживать, как тридцать лет с места не саживал!» Потом Илеюшка пришёл к ним. Деревинку какую зафатит — да со всем корнем и выдернет, полосу скоро разроботали.

Потом стал у отца коня просить. «Поеду, — говорит, — в Киев-град из сила». Расстояние-то тут было порядочное. Ехал по дорожке по пути, на дорожке столб стоит, подпись подписана, в какую дорожку идти-ехать: в первую дорожку ехать — дак убиту быть, а в другую дорожку ехать — жонату быть, а в третью дорожку ехать — так богату быть. Илеюшко тут пораздумалси, в какую дорожку ехать:

«На что мне, старому, богатство?
Сам помру, живот останется,
Животом владеть будет некому.
Пошто, — говорит, — старому жениться?
Стару взять — самому увать,
А молодая взять — дак чужа корысть.

Поеду, — говорит, — в ту дорожку, где убиту быть.

Где убиту быть, замучену,
Душой с телом быть розлученой.

Поеду, — говорит, — по той дорожке, где убиту быть».

А ехал по пути да по дорожке, а тут Соловей-разбойник жил, в дубу сидел, людей свистом убивал. Свистнё Соловей — дак человек убитой. Свистнул Соловей — конь на колени упал. Он коня изругал:

«Ой, конь, травяной мешок,
Не видел ты, конь, да бабья поперду,
Не слышал ты соловьиного посвисту».

Потом он натягивал свой тугой лук, натягивал стрелу каленую в Соловья-разбойника. Прямо в правый глаз стрельнул. Вот Соловей скатился к стременам, к стременам к коню привязали. Он повез его в Киев-град.

Привёз к князю Владимиру, тут все насобирались князья-боера, посмотреть Соловья, да надоть послушать, как он свистал. Тут он приказал Соловью: «Свистни, — говорит, — хоть не во весь свист, а в полсвиста». Князя с княгиней своей шапкой прикрыл. Соловей рыкнул — все князья-боера упали, валилесе. «Ну вот, — говорит, — хорошо свистнул». Вызнял его выше головы да бросил óземь, Соловья убил. Тут пораспрощался с князьями-боерами. «Поеду, — говорит, — в тут дорожку, где жонату быть». Тут росчистил дорожку, по которой тридцать лет не бывано. Подпись поднавливал.

Поехал по той дорожке, где жонату быть. Ехал по пути да по дорожке, настречу ему идёт два полка красных девушек и идет тут прекрасна королевицна, здороваётся с Ильём Муровичем, бере его за белы руки, повела в свои высоки терема. Напоила-накормила его хлебом, угостила сладкой водкой. Потом надо отдыхать. «Ложись-ко, — говорит, — отдохни на кроватку».

А Илеюшка видит, что у ней кроватушка фальшивая, кроватушка фальшивая да подломистая. «Ложись-ко ты наперьво, а я на край с тобой». Она не ложится. Он фатил эту прекрасну королевицну да посередки и двинул на кроватку. У ей пуховики роздвинулись, упала прекрасна королевецна во глубок погреб.

Выкопан у ей под кроваткой погрёб,
В глубину погреб — сорока сажон,
В ширину погреб — двадцать пять.

Он пошёл проведывать, что там у ей в погребе есть. По лисвинкам на каждой сажени замки висячие, двири железные да замки навишаны.

Висучие замоцьки на руцьки брал,
Подворотенки ногамы выкидывал.
Пошло оттуль там много князей-бояров,
Много сильных могуцих богатырей.
Все спасают Илью Муровича,
Проклинают прекрасну королевицну.

Потом стали они её отграивать. Выкопали ей ясны оци, да посадили на добра коня, да отправили её в цисто поле женихов встречать.

Он поехал, опять на столбе подпись поднавливал: «Росцистил, — говорит, — путь-дорожку, где жонату быть, тридцать годов езжали жонихи, назад не верталися».

Он потом издил по той-то дорожке, тут уж я забыла. Розбойники там жил(и), тех всех избил. И третью дорожку расцистил, где богату быть.

Чурила и Катерина

Во городе во Киеве
Ходил-гулял Чурилко сын Плёнковиц
Обрядной, нарядной был, хороший порато.
Сапожки-то на ножках были:
Под носок-то хоть яичко кати,
А под пяток-то хоть соловей лети,
Крепкого шитья да ярославского,
Славного покрою немецкого.
Мамушка-то ему наказывала:
«Ходи-гуляй, Чурилошко, по городу по Киеву,
А не ходи-ко ты в заулки Маринкины да Катеринкины.
Там живут курвы-отравщицы,
Отравщицы да зеленщицы,
Травят-морят сильных могущих богатырев».

Он и зашёл в Катеринкин-от заулок. Она увидела его да окном его запустила. Тут дело было в Благовещенску заутрену. Хозяин был старый Бермята, ушёл к Благовещенской заутрене. Тут была девка-служанка. Она ёго созвала в те свои высоки хоромы, окошком выздынула и говорит:

«Давай в шашки играть,
Ты на меня наиграешь,
Дак с меня сто рублей,
А я на тебя наиграю,
Дак тебя Бог простит».

Играли да поиграли, пьяны напились да пьяны были. Девка всё по горнице ходит, стучит да бренчит: «Пойду, старому Бермяты накучу да намучу». Пошла туды в церковь:

«Батюшко, поди домой.
Старой Бермята, у тебя, — говорит,
Гость гостит на дому.
Много гостит да много пакостит».

Вот Бермята идёт домой, а ворота закрыты у жоны.
Раз колонулся — ницего не цють,

Два колонулся — никого не слышать,
А третий раз попуще колонулся:
Все высоки терема пошатилися,
Сверху маковки покаталися.

Потом вышла Катерина доць Микулицьна. «Что ты, Катерина, не умой-ная да не уборная?» — «Я, — говорит, — сегодня угорела. Голова болит». А он зашёл: «Что, — говорит, — у тебя за гости? Эту, — говорит, — шапоцьку я видел на Чурилушке». — «Это, — говорит, — моих братищев; у них поменянось, конями побратанось». — «Эти сапожки на Чурилушке видел». Она опять ему лгёт: «С моими братьями поминянось».

Потом он долго не мешкал, саблю схватил да голову срубил Цюрилку Плёнковицю. Она с той тоски взяла булатный нож да на калидор вышла. Да с той тоски подкололась сама.

Литература

- Былины Кулоя — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. 922 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудог, 16 — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. Т. 16: Былины Пудог / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1063 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудог, 17 — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2014. Т. 17: Былины Пудог / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 951 с. (Свод русского фольклора).
- Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Неожские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. С. 29–83.
- Иванова — *Иванова Т. Г.* Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: Сб. ст. к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности чл.-кор. РАН Николая Николаевича Скатова. СПб.: Росток, 2017. С. 45–70.
- Костюхин, Новиков, Смирнов — *Костюхин Е. А., Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Филология, журналистика. 1960. № 1. С. 85–87.
- Лойтер — *Лойтер С. М.* Петров Константин Михайлович // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь. XVIII–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 4: П — Софронов А. В. С. 101–104.
- Новиков — *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Новиков, Смирнов — *Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского университета (1956–1959 гг.) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.

- Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. 671 с.
- Пашков — Пашков А. М. К. М. Петров — исследователь Вытегорского края // Вытегра: Краевед. альм. Вологда: Русь, 1997. Вып. 1. С. 351–374.

References

- 'Byliny Kuloya' (2011), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 6, 922 p.
- 'Byliny Pudogi' (2013, 2014), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 16, 1063 p.; Vol. 17, 951 p.
- Gil'ferding, A. F. (1949). 'Olonetskaya guberniya i ee narodnye rapsody', in: *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*. 3 Vols. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1, 29–83.
- Ivanova, T. G. (2017). 'Tema "panorama Rusi" v russkikh bylinakh', in: *Russkaya klassika: Sbornik statei k 85-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoi deyatel'nosti chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Nikolaya Nikolaevicha Skatova*. Saint Petersburg: Rostok, 45–70.
- Kostyukhin, E. A., Novikov, Yu. A., Smirnov, Yu. I. (1960). 'Arkhangel'skaya fol'klornaya ekspeditsiya 1959 goda', *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya VII, Filologiya, zhurnalistika, 1, 85–87.
- Loiter, S. M. (2019). 'Petrov Konstantin Mikhailovich', in: *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar', XVIII–XIX veka*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4: P — Sofronov A. V., 101–104.
- Novikov, Yu. A. (2000). *Skazitel' i bylinnaya traditsiya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 376 p.
- Novikov, Yu. A., Smirnov, Yu. I. (1960). 'Severnye ekspeditsii kafedry fol'klora Moskovskogo universiteta (1956–1959 gody)', *Sovetskaya etnografiya*, 4, 162–168.
- Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* (1951). 3 Vols. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3, 671 p.
- Pashkov, A. M. (1997). 'K. M. Petrov — issledovatel' Vytegor'skogo kraja', *Vytegra: Kraevedcheskii al'manakh*. Vologda: Rus'. Vol. 1, 351–374.

М. В. Рейли

ОЧАГИ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА УРАЛЕ

Резюме

Статья посвящена обзору эпической традиции Приуралья в ее зарождении и развитии. Особое внимание уделяется самому раннему известному нам источнику эпических текстов на территории России — Сборнику Кирши Данилова — жемчужине уральского эпоса. Исследуется влияние Сборника Кирши Данилова на былинную традицию региона в целом, упоминаются основные собиратели и исполнители, посвятившие себя изучению эпического наследия на уральских территориях, а также основные сюжеты, встретившиеся в процессе работы в архивах и в публикациях исследователей-фольклористов XIX–XX вв. Проведено сравнение сюжетного состава былин из Сборника Кирши Данилова и более поздних записей и публикаций, обозначена специфика их сюжетного состава.

Ключевые слова: фольклористика, эпос, былины, Кирша Данилов, Приуралье

Marina V. Reilly

CENTERS OF THE EPIC TRADITION IN THE URALS

Abstract

This article considers the origin and development of the epic tradition in the Urals region. Special attention is paid to the earliest known source of our knowledge of Russian epic texts — the book *Drevnie rossiiske stikhotvoreniia, sobrannnye Kirshei Danilovym* (Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov), which was published in Moscow in 1804. The article examines the influence of this collection of texts on the epic tradition of the Urals region. It names the main performers and collectors who gathered and studied the epics of that area. The article also provides a list of the main plots of the epic texts that were found in archive materials and publications that were made by folklore researchers in the 19th and

20th centuries. The study compares and defines specific features of plots of epic texts from the collection of Kirsha Danilov and plots of texts that were recorded and published later.

Keywords: folklore studies, epic, bylina, Kirsha Danilov, the Urals

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-99-111

В эпической традиции Уральского региона первенство правомерно отдается Сборнику Кириши Данилова — первому собранию былин, исторических песен и лирики, не только доносящему до нас народно-поэтическую традицию XVIII столетия и единство текстов, но и сохранившему уникальный репертуар одного певца. Повторим знаковые слова В. Г. Белинского об авторитетности «Древних российских стихотворений, собранных Киришею Даниловым», произнесенные им в 1840 г.: «Это книга драгоценная, истинная сокровищница величайших богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если всё родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце» [Белинский, с. 381].

Представ перед читателем в донаполеоновской Москве 1804 г., напечатанная по рукописи, предоставленной библиофилом Андреем Федоровичем Якубовичем (1776–1842), на четыре года позже печатного обнародования «Слова о полку Игореве», книга «Древние русские стихотворения» сопутствует всему движению новой отечественной культуры, скрепляя настоящее и будущее с прошлым, которое никуда не исчезает, если спасены заветные рукописания старины. А. Ф. Якубович посвящает ее «Действительному тайному советнику, Государственного совета члену, сенатору, главному директору почт, министру Департамента уделов и кавалеру Дмитрию Прокофьевичу Трошинскому» [Кириша Данилов 1804, с. 9] с поэтическими словами:

В трудах уединен, средь шума в тишине,
С вниманьем обрати свой кроткий взор ко мне,
Любитель древностей, о Муж, достойно чтимый!
Прими сей дар, тебе усердьем приносимый —
И ежели найдешь когда свободный час,
Славенской Музы сей простой услыши глас!

[Кириша Данилов 1804, с. 11]

В 1818 г. появляется книга «Древние русские стихотворения, собранные Киришею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева» [Кириша Данилов

1818]. Это издание К. Ф. Калайдовича на весь XIX век останется важнейшим посредником между русским народным эпосом и русской литературой. Вплоть до появления сборников «Песни, собранные П. В. Киреевским» [Киреевский] и «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» [Рыбников], то есть до начала 1860-х гг., оно пребудет единственной книгой, по которой представители русской художественной словесности смогут знакомиться с русским былинным эпосом, старшими историческими песнями в их подлинности и богатстве.

К. Ф. Калайдович, знаток русской древней книжности, в том числе летописания, начитанный в новой литературе, опиравшейся на народную поэзию, знаток европейских изданий фольклора — английских и немецких, сразу увидел, что рукопись представляет собой сплав произведений народного происхождения. Характер основного — архаического — разряда текстов позволил Калайдовичу более широко развернуть осторожную гипотезу Якубовича об авторе Сборника как «собирателе древних стихотворений», предположительно считавшимся человеком «первых десятилетий XVIII века» [Кирша Данилов 1818, с. VII—VIII].

Подлинное «начало» помещенных в антологию «стихотворений», по мнению нового издателя, скрывалось «во временах отдаленных». Нет, автор книги «не первый сложил» песни, и ныне поющиеся «с большим или меньшим различием». Он всего лишь «переделал» иные из «древнейших остатков народных песен», рассказывая «по-своему» то, что узнал из сих «остатков» или «сказок» [Кирша Данилов 1818, с. IV].

«Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» были включены Калайдовичем в обширный контекст издревле обитавших в народной среде и поныне слышимых в ней традиционных «стихотворений»: они расценивались ученым как часть фонда дописьменно возникших и веками бесписьменно живущих песен, сказок. Их специфика раскрывалась через установление родства с аналогами из простонародного репертуара [см.: Кирша Данилов 1818, с. VIII—IX].

Для Калайдовича было очевидно, что древность исконного «пиитического» слога в песнях собрания Кирши Данилова соперничала со стариной «Слова о полку Игореве» [Кирша Данилов 1818, с. XXIV].

«Древние российские стихотворения» служили компактным введением в историю Руси и малой поэтической энциклопедией русских нравов — книгой, способной показать русский быт во всем его многообразии и неоднозначности, где добро и зло существуют в неизбежном взаимодействии и целостности, призванной воспитывать патриотическую мораль и культивировать добрые традиции, защищать справедливость.

В былинах богатырских можно было узнать почти всех персонажей, окружавших стольнокиевского князя Владимира, несших службу по обороне родной земли. Кроме того, читатель имел возможность прочесть и пропеть четыре новгородских сюжета о Садко и Василии Буслаевиче.

Уже в XX в. книга переживет целый ряд переизданий. Один из основных вопросов, занимающих исследователей, — это социальная и этническая принадлежность автора-составителя сборника. Сегодня принято считать, что он был одним из рабочих на Нижнетагильском заводе урало-сибирского горнозаводчика Акинфия Никитича Демидова (1678—1745), расположенном в нынешней Свердловской области (Алапаевск, Екатеринбург).

Что касается этнической принадлежности, то филолог и историк Калайдович отмечал в сборнике некоторые особенности языка, типичные для простонародного лексикона Иркутска и Екатеринбурга. По свидетельству алтайского народоведа Степана Ивановича Гуляева (1805—1888), он слышал в разных местах «горного округа» песни-варианты к «поэмам Данилова», имеющие с ними «величайшее сходство по стихам и содержанию». И еще о том, что эти «поэмы» имеют вероятное происхождение «на северо-востоке нашего отечества» (то есть на стыке Архангельской губернии с Уралом), «откуда перенесены многие из них и в Западную Сибирь» [Гуляев, с. 55].

С 1922 г. работал над докторской диссертацией о Сборнике Кириши Данилова пермский профессор П. С. Богословский (1890—1966), в начале Великой Отечественной войны создавший монографию, фундаментально мотивировавшую уральскую концепцию возникновения классического собрания русского фольклора. Богословский воспринимал Урал как «богатейшее гнездо эпической былинной традиции», сложившееся в силу скрещения переселенческих, торговых, экономических путей с европейского Русского Севера и из Поволжья в глубинную Сибирь и обратно. Убеждение П. С. Богословского подкреплялось и своеобразием Сборника Кириши Данилова, и стиливыми связями материалов книги с записями богатырского и исторического эпоса, где ощутимы то западные влияния — Архангельской губернии, Олонецкого края, Печоры, то восточные — Алтая, Енисея, даже Индигирки. В Сборнике Богословский видел единение русского северного сказительства и многогранного скоморошьего профессионального искусства, еще живого столетие назад по окраинам России даже после тотального преследования скоморохов московской духовной и светской властью Романовых [Богословский, с. 87].

Свой вклад в изучение этого сборника и биографии его составителя внесли и исследователи XX в.: екатеринбургский историк-археограф

В. И. Байдин [Байдин], петербургские филологи-фольклористы Б. Н. Путилов [Путилов], А. П. Евгеньева [Евгеньева] и А. А. Горелов [Горелов 1962; 1963] и др.

Казалось бы, на эпической традиции Урала и, по крайней мере, приграничных ему районов Западной Сибири должен был существенно отразиться репертуар Сборника Кирши Данилова, но этого не случилось. Именно Сборник Кирши Данилова остается главной жемчужиной уральского эпоса. Из 30 былинных сюжетов, зафиксированных у Кирши Данилова, шестнадцать встречается только в самом Сборнике, не получив распространения или утратив свою актуальность с течением времени. В остальном, как ни странно, на территории Урала тексты былин и их пересказов представлены отдельными редкими публикациями в относительно старых сборниках песен и немногочисленных архивных записях и аудиозаписях.

Из ранних записей 11 текстов на девять сюжетов подарило нам издание «Сборник Уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина [Мякушин], писателя и историка, автора работ по истории уральского казачества из Оренбургской губ.:

«Добрыня чудь покори!» (большой незавершенный фрагмент, который существенно отличается от варианта Кирши: появляются географические названия — поле Куликово, Белоозеро, мотив «избавления от грехов» и др., которых нет в Сборнике Данилова);

«Добрыня и Маринка» (два неполных текста, которые очевидно отличаются от варианта Сборника);

«Илья Муромец на Соколе-корабле» (два варианта);

«Илья Муромец (казак) и разбойники» (неполный вариант, сохраняя основную сюжетную канву, в то же время имеет ряд отличий в деталях: имя Ильи Муромца нигде не упоминается (речь идет о некоем «казаке»), появляется мотив камня на распутье и т. д. Вряд ли прототипом послужил текст Кирши);

«Дюк Степанович» (краткий вариант сюжета, происхождение которого также вряд ли имеет отношение к Сборнику Кирши Данилова);

«Илья Муромец на Соколе-корабле», «Устиман-зверь», «Харко», «Индрик-зверь», «Сыр-матёрый дуб» — пять сюжетов, которые в Сборнике Кирши не встречаются. Все они — перепечатки из уральских изданий середины XIX века.

Еще один фрагмент текста на сюжет «Ставр Гоудинович» добавило нам издание конца XIX века А. и В. Железновых «Песни уральских казаков» [Железновы]. Здесь также завязка совпадает со Сборником Кирши только сюжетно, но по содержанию сильно отличается.

Предположительно, все эти тексты записаны в Оренбургской губ., как и поздние записи из книги Т. И. Калужниковой «Песни уральских казаков» [Калужникова]: «Илья Муромец на Соколе-корабле» (зап. Б. Б. Пышкиным в 1958 г. в пос. Круглоозерный Зеленовского р-на); два фрагмента на сюжет «Добрыня и Маринка» (зап. Б. Б. Пышкиным в 1970 г. в пос. Бударино Чапаевского р-на и Н. М. Щербановым в 1982 г. в г. Уральске (от Г. С. Жидкова, 1893 г.р.)).

Нам удалось ознакомиться с беловыми рукописями былин Петра Алексеевича Городцова (записи 1906–1908 гг.) из фонда ТОКМ, опубликованными впоследствии В. Я. Темплингом в книге «Были и небылицы Тавдинского края» [Городцов, т. 1]. В своих комментариях В. Я. Темплинг пишет, что основной корпус записей сделан П. А. Городцовым в деревнях северной и северо-западной части Тюменского уезда Тобольской губернии (по современному территориально-административному делению — Ярковском и Нижнетавдинском районах Тюменской области), в крае, который сам собиратель обозначил как Тавдинский [Городцов, т. 3, с. 190]. Тексты былин здесь печатаются по рукописям. Сохранен авторский порядок текстов, жанровые определения, данные П. А. Городцовым, указаны в подзаголовках, сведения об исполнителе, месте и времени записи приведены в конце каждого текста, авторские примечания даются постранично.

Однако опубликованные тексты не совпадают буквально с рукописными. Определенно можно судить о том, что П. А. Городцов делал записи не «с голоса», а по памяти, и тексты подвергались его редакторской правке уже в процессе воспроизведения. В рукописях достаточно обширный пласт диалектной лексики сохранен автором без изменения, точно воссозданы сказочные формулы «посказителей» [Городцов, т. 3, с. 191].

В данном издании содержится «былина-сказка» «Илья Муромец» (ТОКМ. КП 5088/222. Л. 41–50 об.)¹, записанная в д. Артамоновой Тюменского уезда в 1907 г. от Луки Леонтьевича Заякина, представляющая собой прозаическую контаминацию девяти былинных сюжетов, усвоенных из героического эпоса: 1) *Илья Муромец*: Исцеление Ильи + Илья и разбойники + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище (*Объедан*); 2) *Алеша Попович* побеждает Тугарина Змеевича (*бабу Горынку*); 3) *Добрыня Никитич* (*Никита Добрынич* у П. А. Городцова) на свадьбе своей жены; 4) *Илья и Святогор* (в записи П. А. Городцова *Егор Святогор*); 5) *О том, как перевелись богатыри на Руси*; 6) *Богатырь и тяга земная* («сумочка переметная»). Кроме того, в сборнике находятся два текста на сюжет

¹ КП — Книга поступлений.

популярной в народной среде исторической песни «Кострюк», исполняемой зачастую (например, Марфой Крюковой) как скоморошина. В уральской традиции это «Коструля Лукич» (ТОКМ. КП 5089/223. Л. 42–43) с ремаркой П. А. Городцова: «Посказитель Осип Мерк. Заякин сообщил, что эту старинку старики любили петь...» [Городцов, т. 1, с. 19], а также «Коструля Голицын» (ТОКМ. КП 5089/223. Л. 43–44) с соответствующим примечанием собирателя: «Былина записана со слов сказителя Федора Ларионовича Созонова...» [Городцов, т. 1, с. 21]. Оба текста представляют собой лишь фрагменты, непосредственно связанные с боем «Кострули».

Очевидно, что и здесь связь со Сборником Кириши Данилова также отсутствует.

Статья Г. Н. Мехнецовой «Следы былинного эпоса» [Мехнецова] знакомит нас еще с одним очагом эпической традиции и еще с одним собирателем, студентом Пермского государственного университета Курбан Гали Сулеймановым, который производил записи фольклора в Пермском крае в 1948–1949 гг. Ему удалось в 1948 г. зафиксировать текст на сюжет «Святогор и Илья Муромец» в селе Трбеля Юго-Осокинского (ныне Кунгурского) района от Колпакова Александра Ивановича, 22 лет, который перенял ее от *захожего старичка* [Мехнецова, с. 44]. Текст основан на контаминации двух былинных сюжетов: «Святогор и тяга земная» и «Святогор и Илья Муромец», — которые у Кириши Данилова отсутствуют. В целом пересказ выдержан в сказочной стилистике; вместе с тем в тексте встречаются ритмически организованные фрагменты — реликты напевной формы («не сдвинется, не шелохнется» и др.).

Г. И. Сулейманову удалось получить также прямое свидетельство о напевном исполнении («в пении стихами») эпической скоморошины «Терентий-гость». По свидетельству автора статьи, былинные тексты с данным сюжетом были зафиксированы как в Сборнике Кириши Данилова, так и на Пинеге (два текста), в Пудожье, Каргополье, Симбирской губернии [Мехнецова, с. 44].

Кроме того, в 1949 г. в д. Логиново Соликамского р-на Пермского края Сулеймановым был записан цепевидный пересказ целого цикла сюжетов об Илье Муромце (Исцеление Ильи Муромца + Три поездки Ильи Муромца + Илья Муромец и Соловей-разбойник + Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром + Илья Муромец и Калин-царь), раскрывающих биографию богатыря от момента его рождения до смерти, из которых у Кириши Данилова встречаются в традиционной былинной форме только два: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь». В прозаическом пересказе былины были обнаружены фрагменты стихотворной

формы, проявляющиеся в виде ритмически организованных фрагментов текста 10–11-слового объема с двумя-тремя ударениями [Мехнецова, с. 49]. К уже перечисленным добавляется эпизод, описывающий столкновение Ильи Муромца с Борисом Королевичем, который, по предположению Г. Н. Мехнецовой, восходит к былинному сюжету «Илья Муромец и Сокольник» («Бой Ильи Муромца с сыном»). Ссылаясь на А. И. Лященко [Лященко, с. 44–45], она отмечает, что имя Борис является наиболее распространенным именем (после прозвищ Сокольник и Подсокольник) для сына Ильи Муромца.

С. Н. Логинов, сам будучи сказителем, «проводил различие между сказкой («бабьей утехой») и повествованием об Илье Муромце, характеризуя последнее как „быль“ или „побывальщину“» [Мехнецова, с. 49]. Ремарки, возникающие по ходу повествования («Ето былъ вѣдь. Колды Влодимер царсвовау, кнезь такой»), и его концовки, как «личное свидетельство» сказителя («Я видел его слитого из камню...») [Мехнецова, с. 50], подтверждают веру исполнителя в реальность описываемых в былине событий.

Самые поздние по времени записи прозаических пересказов былин в этом регионе были сделаны в совместной экспедиции Пермского университета и Пермского областного краеведческого музея 1997 г. под руководством А. В. Черных и опубликованы в 2004 г. в сказочном сборнике, переизданном в 2020 г. [Черных]. Записи были сделаны в с. Шарынино Ординского района Пермской области от Любови Яковлевны Мелкозёровой (1910 г. р.). Сюда вошли тексты на сюжеты «Исцеление Ильи Муромца», «Святогор и Илья Муромец», «Добрыня и Змей», «Неудавшаяся женитьба Алёши Поповича», «Ставр Годинович».

Еще один источник информации — публикация В. В. Блажеса «Эпический сюжет 650 С* в современных записях» [Блажес]. Исследователь отмечает, что пересказы былин и сказки на былинные сюжеты бытовали и встречаются в репертуаре рассказчиков до сих пор, хотя настоящих эпических сказителей не обнаружено.

В публикации приводятся три прозаические записи былинного сюжета 650 С*, сделанные в Свердловской области.

1. Запись 1970 г., сделанная в д. Тормоли Тавдинского р-на от Алексея Ивановича Танготина (1896 г. р.), которая представляет собой переложение былины про Соловья-разбойника, сохранившее элементы былинной стилистики: «крикни-свистни вполголоса», «силушки полным-полно».

2. Запись 1971 г. в с. Ленское Туринского р-на от Федора Трофимовича Шестакова (1897 г. р.) «сказки о Муромце», слышанной им «в детстве от местного старика» [Блажес, с. 151], которая является контаминацией

былинных сюжетов: «Исцеление Ильи Муромца» + «Бой Ильи Муромца с Идолищем» + «Илья Муромец и Святогор».

3. Запись 1972 г. в с. Туринская Слобода Слободо-Туринского района от Анны Анастасовны Пахомовой (1903 г. р.) «сказки», представляющей собой пересказ былинных сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» + «Илья Муромец и Святогор» с включением дополнительных сказочных мотивов.

Еще один собиратель, оставивший заметный след в уральской фольклористике, — Михаил Григорьевич Екимов (1947–1999), известный курганский фольклорист-этнограф, популяризатор народной культуры. Его материалы хранятся в фонотеке Централизованного фольклорно-этнографического фонда Курганского областного дома народного творчества, где удалось обнаружить несколько аудиозаписей текстов былин, сделанных М. Г. Екимовым в Курганской области в 1980 г., которые впоследствии были опубликованы другим фольклористом-этнографом, Леонидом Алексеевичем Саверским (1940–2020) [Русский дом]. Это тексты былин: «Блословляй, Божей хозяин, старину сказать», «Богатыри на заставе» (с. Романовское Белозерского р-на, зап. от Речкиной Ксении Кузьмовны, 1902 г. р.); «Добрыня, сын Никитич», «Добрыня и Змей»² (с. Игнашина Куртамышского р-на, зап. от Арины Степановны Яковлевой, 1900 г. р. Исполнительница говорит, что запомнила из книжки, когда ей было лет 13–14. Название книги не помнит. «У нас тятя, покойна головушка, любил сказки-те. Так у ево книжки всё были эки-те. А где-то и возъмёшь, почитаешь...»).

Два текста представляют собой прозаические пересказы былин: «Илля» («Исцеление Ильи Муромца» + «Илья и Соловей-разбойник» + «Богатыри на заставе»³), «Святогор примеряет гроб» (с. Боровлянское Притобольского р-на, зап. от Якова Васильевича Васильева, 1904 г. р. (слышал «от своего отца»)⁴).

Одна из былин, «Илья и татарин», записанная М. Г. Екимовым в 1982 г. (повторная запись) в с. Романовском Курганской обл. от Ксении Кузьминичны Речкиной, содержится в известном издании Ю. И. Смирнова и Т. С. Шенгалинской [РЭПС, № 237].

Таким образом, на данный момент, если говорить о сюжетном составе (не о количестве текстов), наиболее полно былинная эпическая традиция Приуралья оказалась представлена в Горнозаводском округе (Нижний Тагил) Екатеринбургской губ. благодаря исключительно Сборнику Кирши

² Фольклорные фонозаписи. Коллекция М. Г. Ефимова (далее — ФФКЕ). № 1969. Близок к варианту: [Гильфердинг, № 5].

³ ФФКЕ. № 1631.

⁴ ФФКЕ. № 1632.

Данилова — 30 былинных сюжетов; 15 сюжетов приходится на долю Тюменского уезда Тобольской губ. (Тавдинский р-н — 10; Туринский р-н — 5); 13 обнаружено в Пермском крае (Соликамский р-н — 6; Кунгурский р-н — 2; Ординский р-н — 5); столько же (13) — в Оренбургской губ.; 8 — в Курганской обл.

При этом следует напомнить, что часть записанных текстов существует в форме контаминации, цепевидного пересказа былинных сюжетов, и около трети сюжетов приходится именно на такие пересказы.

Кроме того, в результате сравнения текстов выяснилось, что если и существует какая-либо связь уральской эпической (былинной) традиции с текстами, представленными в Сборнике Кирши Данилова, то она весьма опосредованна (так, например, лексический состав имеет ряд специфических диалектных или связанных непосредственно с горным и литейным делом черт). Это говорит, скорее всего, о том, что сюжетный каркас сборника формировался на базе общесибирского материала. Вероятно, следует согласиться с утверждением В. В. Блажеса о том, что «эпических певцов на Урале не было, видимо, уже в конце XIX в.», учитывая тот факт, что А. Марков, собиратель эпической поэзии, приезжавший на Урал в начале XX в., чтобы записать былины, «не смог найти ни одного сказителя» [Блажес, с. 150].

Литература

- Байдин — *Байдин В. И.* К биографии Кирши Данилова: О месте и времени составления сборника «Древние российские стихотворения» // V Уральские археографические чтения: Тез. докл. науч. конф. 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург: [б. и.], 1998. С. 3–10.
- Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. / Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4: Статьи и рецензии, 1840–1841 / Текст подгот. и коммент. сост. Л. Н. Назарова. 675 с.
- Блажес — *Блажес В. В.* Эпический сюжет 650 С* в современных записях // Фольклор Урала. Свердловск: [Уральский гос. ун-т], 1982. Вып. 6: Фольклор городов и поселков. С. 150–154.
- Богословский — *Богословский П. С.* Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница // Пермский краеведческий сборник. Пермь: [б. и.], 1928. Вып. 4. С. 1–116.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. Т. 1. LXVI с. +1335 стб.
- Горелов 1962 — *Горелов А. А.* Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 7. С. 293–312.
- Горелов 1963 — *Горелов А. А.* Цена реалии: (Сборник Кирши Данилова — народная книга середины XVIII века) // Русская литература. 1963. № 3. С. 167–169.

- Городцов — *Городцов П. А.* Были и небылицы Тавдинского края: В 3 т. / Под ред. В. Я. Темплинга. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1: Сказки. 367 с.; Т. 2: Сказки. 447 с.; Т. 3: Живописный эпос, детские сказки, легенды, были, народная медицина, заговоры. 223 с. (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»).
- Гуляев — *Гуляев С. И.* О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. 1839. Т. 3, № 5. Отд. 8. Смес. С. 53–72.
- Евгеньева — *Евгеньева А. П.* Рукопись Сборника Кирши Данилова и некоторые ее особенности // Сборник Кирши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 414–424. (Лит. памятники).
- Железновы — Песни уральских казаков / Записали Александра и Владимир Железновы. СПб.: Тип. Г. Г. Шклявера, 1899. 140 с.
- Калужникова — Песни уральских казаков / Запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. 236 с. (Традиционная народная культура Урала).
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: Тип. А. Семена, 1860–1874. Т. 1–10.
- Кирша Данилов 1804 — Древние русские стихотворения. М.: Тип. С. Селивановского, 1804. 344 с.
- Кирша Данилов 1818 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. XXXVI, 425 с.
- Лященко — *Лященко А. И.* Былины о бое Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1923 годы. Л.: [б. и.], 1925. С. 36–68. (Памятники древней письменности и искусства; Т. 190).
- Мехнецова — *Мехнецова Г. Н.* Следы былинного эпоса: Записи Г. И. Сулейманова в Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21, вып. 4. С. 41–53.
- Мякушин — Сборник Уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. 162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. XVIII, 289 с.
- Путилов — *Путилов Б. Н.* Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Сборник Кирши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 361–404. (Лит. памятники).
- Русский дом — Русский дом: Русские легенды, мифы, эпические баллады, духовные стихи, старинные и современные сказки, басни, говоры, диалектные и фразеологические словари, пословицы и поговорки, присказки (конец XIX — вторая половина XX — начало XXI века) в рассказах старожилов Зауралья / Авт.-сост. Л. А. Саверский. Курган: [б. и.], 2018. Ч. 2. 480 с.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861–1867. Ч. 1–4.
- РЭПС — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; [Т. 3]).

Черных — Русские народные сказки Пермского края в записях конца XX — начала XXI в. / Под общ. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2020. 240 с. (1-е изд.: Русские народные сказки Пермского края / Сост. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 280 с.).

References

- Baidin, V. I. (1998). 'K biografii Kirshi Danilova: O meste i vremeni sostavleniya Sbornika "Drevnie rossiiskie stikhovoreniya"', in: *V Ural'skie arkhograficheskie chteniya: Tezisy dokladov nauchnoi konferencii 14–16 oktyabrya 1998 goda*. Ekaterinburg: [s. n.], 3–10.
- Belinskii, V. G. (1998). *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 Vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 4, *Stat'i i retsenzii, 1840–1841*, 675 p.
- Blazhes, V. V. (1982). 'Epicheskii syuzhet 650 S* v sovremennykh zapisyakh', *Fol'klor Urala*. Sverdlovsk: [Ural'skii gosudarstvennyi universitet]. Vol. 6, *Fol'klor gorodov i poselkov*, 150–154.
- Bogoslovskii, P. S. (1928). 'Pesnya ob Usakh iz Sbornika Kirshi Danilova i Kamskaya vol'nitsa', *Permskii kraevedcheskii sbornik*, 4, 1–116.
- Chernykh, A. V., ed. (2020). *Russkie narodnye skazki Permskogo kraya v zapisyakh kontsa XX — nachala XXI veka*. Saint Petersburg: Mamatov, 240 p.
- Drevnie rossiiskie stikhovoreniya, sobrannye Kirshey Danilovym i vtorichno izdannye, s pribavleniem 35 pesen i skazok, dosel' neizvestnykh, i not dlya napeva* (1818). Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, XXXVI+425 p.
- Drevnie russkie stikhovoreniya* (1804). Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 344 p.
- Evgen'eva, A. P. (1977). 'Rukopis' Sbornika Kirshi Danilova i nekotorye ee osobennosti', in: A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov, eds., *Sbornik Kirshi Danilova. Drevnie rossiiskie stikhovoreniya, sobrannye Kirshei Danilovym*. Moscow: Nauka, 414–424.
- Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds. (1977). *Drevnie rossiiskie stikhovoreniya, sobrannye Kirshei Danilovym*. (Literaturnye pamyatniki). Moscow: Nauka, 488 p.
- Gil'ferding, A. F. (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 1., LXVI p.+1335 col.
- Gorelov, A. A. (1962). 'Kem byl avtor sbornika "Drevnie rossiiskie stikhovoreniya"', in: *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Moscow, Leningrad: Nauka. Vol. 7, 293–312.
- Gorelov, A. A. (1963). 'Tsena realii (Sbornik Kirshi Danilova — narodnaya kniga serediny XVIII veka)', *Russkaya literatura*, 3, 167–169.
- Gorodtsov, P. A. (2000). *Byli i nebylitsy Tavdinskogo kraya*. 3 Vols. Tyumen': Idatel'stvo Yu. Mandriki. 367 + 447 + 223 p.
- Gulyaev, S. I. (1839). 'O sibirskikh krugovykh pesnyakh', *Otechestvennye zapiski*, Vol. 3, 5, Otd. 8 'Smes', 53–72.
- Kaluzhnikova, T. I. (1998). *Pesni ural'skikh kazakov*. (Traditsionnaya narodnaya kul'tura Urala). Ekaterinburg: Sfera, 236 p.
- Kireevskii, P. V. (1860–1874). *Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim*. Moscow: Tipografiya A. Semena. Vols. 1–10.
- Lyashchenko, A. I. (1925). 'Byliny o boe Il'i Muromtsa s synom', in: *Kratkii otchet o deyatel'nosti Obshchestva drevnei pis'mennosti i iskusstva za 1917–1923 gody*. (Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva. Vol. 190). Leningrad: [s. n.], 36–68.

- Mekhnetsova, G. N. (2020). 'Sledy bylinnogo eposa: zapisi G. I. Suleimanova v Prikam'e', *Traditsionnaya kultura*, Vol. 21, 4, 41–53.
- Myakushin, N. G., ed. (1890). *Sbornik Ural'skikh kazach'ikh pesen. Sobral i izdal N. G. Myakushin. 162 pesni i 18 stikhotvorenii Ural'skogo i drugikh kazach'ikh voisk*. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, XVIII, 289 p.
- Putilov, B. N. (1977). 'Sbornik Kirshi Danilova i ego mesto v russkoi fol'kloristike', in: A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov, eds., *Sbornik Kirshi Danilova. Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshei Danilovym*. (Literaturnye pamyatniki). Moscow: Nauka, 361–404.
- Rybnikov, P. N. (1861–1867). *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym. Narodnye byliny, stariny i pobyl'al'shchiny*. Moscow: Tipografiya A. Semena. Vols. 1–4.
- Saverskii, L. A., ed. (2018). *Russkii dom: russkie legendy, mify, epicheskie ballady, dukhovnye stikhi, starinnye i sovremennye skazki, basni, govory, dialektnye i frazeologicheskie slovari, poslovitsy i pogovorki, priskazki (konets XIX — vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka) v rasskazakh starozhilov Zaural'ya*. Kurgan: [s. n.]. Vol. 2, 480 p.
- Smirnov, Yu. I., Shentalinskaya, T. S., eds. (1991). *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka). Novosibirsk: Nauka, 499 p.
- Zheleznov, A., V. (1899). *Pesni ural'skikh kazakov. Zapisali Aleksandra i Vladimir Zheleznovy*. Saint Peterburg: Tipografiya G. G. Shklyavera, 140 p.

Е. И. Якубовская

ЗАГАДКА НАПЕВОВ СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА: КОНЦЕПЦИЯ В. В. КОРГУЗАЛОВА

Резюме

Сборник Кирши Данилова, созданный в XVIII в., — первое крупное фольклорное собрание, включившее в себя наиболее полный на тот период корпус эпических произведений, а также песни других жанров. Уникальность рукописи, сохранившей репертуар одного сказителя — носителя традиции, состоит в том, что она представляет собой совокупную фиксацию текстов и напевов. Вместе с тем мелодии и тексты даны раздельно: ноты записаны без подтекстовки, а вслед за ними — соответствующий текст, без разделения на стихи. Сотрудник Фонограммархива Пушкинского Дома В. В. Коргузалов в 1960–1990-х гг. разрабатывает научный подход к рукописному источнику, позволяющий читать и исполнять репертуар Сборника в современной транскрипции.

Ключевые слова: Кирша Данилов, рукопись, напевы былин, В. В. Коргузалов, нотная запись и живое звучание

Elena I. Yakubovskaya

THE PROBLEM OF TUNES IN THE COLLECTION OF KIRSHA DANILOV: VSEVOLOD KORGUZALOV'S APPROACH TO THE MANUSCRIPT

Abstract

The manuscript known as *Sbornik Kirshi Danilova* (Collection of Kirsha Danilov), which was compiled in the 18th century and published at the beginning of the 19th century under the title *Drevnie rossiiske stikhotvoreniia, sobrannye Kirshei Danilovym* (Ancient Russian poems

collected by Kirsha Danilov), is the first large collection of Russian folklore. It includes the most complete corpus of epic texts for that time, as well as songs of other genres. The manuscript preserved the repertoire of one performer, a bearer of the tradition, and it is unique because it presents both texts and tunes. The problem, however, is that the manuscript presents melodies and texts separately: the text does not accompany the corresponding notes but is written after the tune and is not divided into verses. The article describes the scholarly approach to this problem, which was developed and applied by Vsevolod Korguzalov, an employee of the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg, in the 1960s–1990s. This approach permits the reading and the performance of the repertoire of the manuscript in modern transcription.

Keywords: Kirsha Danilov, manuscript, melodies of epics, Vsevolod Vladimirovich Korguzalov, musical notation and live sound

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-112-129

Сборник Кирши Данилова — первое крупное собрание русского фольклора, отразившее богатый разножанровый репертуар одного сказителя — носителя традиции. Уникальность рукописи еще и в том, что она представляет собой совокупную фиксацию текстов и напевов (71 текст с напевами). В самой первой публикации Сборника [Древние русские стихотворения 1804] ноты отсутствовали; правда, два напева были опубликованы: [Журнал отечественной музыки на 1806 год, вып. 1, № 1 («Соловей Будимирович»); вып. 3, № 1 («Первая поездка в Киев Ильи Муромца»)]. Второе издание [Древние российские стихотворения 1818] вышло уже с мелодиями песен. Однако для современного читателя корректное прочтение поэтического текста и распев его с помощью приложенных нот является настоящей загадкой, серьезной научной и творческой задачей.

На пути решения этой задачи, которая стояла и решалась попутно с проблемой раскрытия тайны личности Кирши Данилова и истории создания Сборника, успешно потрудились многие отечественные ученые, прежде всего историки и фольклористы, среди которых нужно особо выделить два имени: многолетнего заведующего Отделом русского фольклора Пушкинского Дома А. А. Горелова, который, можно сказать, посвятил свою жизнь Кирше Данилову и его Сборнику, и уральского историка В. И. Байдина, неутомимого биографа Кирши. Но было бы несправедливо, если бы рядом с этими двумя именами мы не упомянули еще одно — имя Ю. А. Новикова. Исследования этого ученого, посвященные творчеству «последнего скomorоха» [Байдин 2001], приближают нас к пониманию того, как зафиксированные старательным пером на бумаге более 250 лет тому назад «истории Кирилы

Даниловича» [Горелов 2011b, с. 157]¹, петые «на голосу»² для уральских заводчиков Демидовых, могли звучать и жить живой жизнью произведений устной традиции, — а это как раз и было, в свою очередь, главной задачей музыковедческих работ В. В. Коргузалова, став лейтмотивом его научных разысканий в его зрелый период, и осветило последние годы его жизни.

Одна из главных проблем прочтения нотного материала — это подтекстовка и взаимосвязанная с ней тактировка мелодий. В сохранившейся рукописи мелодии и тексты даны раздельно: ноты записаны без подтекстовки, а вслед за ними — соответствующий текст, без разделения на стихи. В таком виде напевы песен представлены и в первом научном издании Сборника, вышедшем в 1901 г. под редакцией П. Н. Шеффера [Сборник Кирши Данилова 1901, с. 31], см. Пример 1. В оригинале рукописи: Л. 14 об.

Пример 1

Факсимильное воспроизведение мелодии Сборника Кирши Данилова
в издании 1901 г. [Про] Василья Буслаева

Существует целый ряд реконструкций подтекстовки, из которых самая основательная принадлежит В. М. Беляеву. Его труд, созданный в 1943–1944 гг., был опубликован только в 1969 г. [Беляев]. Примечателен также опыт подтекстовки напева песни «Про гостя Терентища», сделанной Е. Э. Линевой в ходе сравнительного анализа этого напева, и записи «Камаринской», произведенной ею на фонограф от владимирских рожечников [Линева, с. XXXVI].

В. В. Коргузалов приступил к разгадыванию загадок напевов Сборника Кирши Данилова еще в своих ранних работах, посвященных публикации эпоса и исторических песен в академических изданиях 1960–1970-х гг. (см.: [Исторические песни XIII–XVI веков; Исторические песни XVII века; Исторические песни XVIII века; Исторические песни XIX века; Былины]). Перво-

¹ Цитируется письмо Акинфия Демидова к приказчикам Нижнетагильского завода, впервые опубликованное уральским краеведом И. М. Шакинко [Шакинко 1989а].

² Из письма П. А. Демидова к акад. Г. Ф. Миллеру, опубликованного в Приложении к изд. [Сборник Кирши Данилова 1901, с. 195].

начально работа шла совместно с Б. М. Добровольским, который начал ее в конце 1950-х — начале 1960-х гг., приняв участие в подготовке академических изданий Сборника Кириши Данилова 1958 г. [Древние российские стихотворения 1958] и дополненного — 1977 г. [Древние российские стихотворения 1977].

С 1955 г., когда состоялась первая экспедиция В. В. Коргузалова на Печору, на протяжении почти 20 лет его полевой работы на Русском Севере, в Поволжье, Новгородской, Пермской, Костромской областях, Приморском крае, он стремился осмыслить структуру эпических мелодий (см.: [Коргузалов 1966; 1981; 1993]), среди которых напевы Сборника Кириши Данилова занимали важное место. Впоследствии, опираясь на свой богатейший слуховой и аналитический опыт, ученый подхватил и развил идею А. Л. Маслова о необходимости реконструкции напевов Сборника в соответствии с манерой народного исполнения, высказанную на основании сличения их с напевами былин и песен, записанных в Архангельской губернии [Маслов].

Результаты своих научных опытов В. В. Коргузалов обосновал и отчасти опубликовал в 1978 г. в академическом издании «Новгородские былины» [Коргузалов 1978, с. 342–343, 349–354 (№ 5а, 7–11)]. Ю. И. Марченко, посвятивший научной деятельности Коргузалова несколько работ, пишет: «В книге „Новгородские былины“ Всеволод Владимирович Коргузалов заострил проблему реконструкции материалов ранних источников. Несколько позже это направление получило новую интерпретацию» [Марченко, с. 357]. Речь здесь идет о статье «Новый опыт реконструкции напевов Сборника Кириши Данилова», опубликованной в 1994 г. в «Известиях Российской академии наук». В этой работе ученый обнародовал результаты своего аналитического видения напевов, основанного на независимом подходе к проблемам реконструкции Сборника Кириши Данилова. Этот подход был обусловлен «не столько несогласиями с прежними реставраторами, сколько накопленным слуховым опытом экспедиционной работы, состоявшимися исследованиями русской эпической традиции, особенно северных регионов, разработкой методик рассмотрения структур напевов на ритмическом поле при позиционном положении кадансовых формул в вертикальном ранжире» [Коргузалов 1994, с. 42]. На основании многолетних исследований структуры сказительской речи на материале фольклора Русского Севера и других местных традиций он выявляет структурную основу напевов, что дает возможность найти адекватный вариант тактировки.

Так, например, выглядит вышеприведенный напев былины о Василии Буслаеве (см. Пример 1) в современной аналитической нотации (Пример 2).

Пример 2

Напев былины про Василия Буслаева
в аналитической нотации В. В. Коргузалова

The image shows six staves of musical notation, numbered 1 through 6. Each staff represents a measure of a melody in G major (one sharp). The time signatures for each measure are: 2/4, 3/8, 3/8, 3/8, 7/8, and 7/8. The notes are: Staff 1: G4, A4, B4; Staff 2: G4, A4, B4; Staff 3: G4, A4, B4; Staff 4: G4, A4, B4; Staff 5: G4, A4, B4; Staff 6: G4, A4, B4, G4, A4, B4.

Материал излагается с использованием принципа вертикального ранжирования слогоритмических единиц строения напева. Благодаря ранжиру, согласно которому можно выстроить вертикаль кадансовых попевок, мелодия былины достаточно легко делится на шесть мелостихов, которые составляют музыкально-поэтическую тираду. В. В. Коргузаловым предложена тактировка, отсутствующая в рукописном оригинале, и выделяющая основные стиховые акценты.

В период подготовки напевов для издания «Новгородские былины» В. В. Коргузалов решаетеся обнародовать свои варианты прочтения напевов с точки зрения их подтекстовки. Исследователь в общих чертах формулирует обоснование своей версии реконструкции звучания песен из репертуара Кирши Данилова. Прежде всего, он отмечает близость напевов Сборника к пинежским и обонежским. Для иллюстрации он приводит песню про Гостя Терентища из Сборника Кирши Данилова [Коргузалов 1978, с. 349, нотный пример № 5а, левый стб.] в сопоставлении с ее мелодическим вариантом [Там же, правый стб.], записанным на фонограф А. Д. Григорьевым на Пинеге в 1900 г. [Григорьев, с. 656. Напевы пинежских былин (старин)

и исторических песен. Напев № 5]³. Особенности слогоритмики образцов, расшифрованных с фонограммы и, следовательно, являющихся безусловным документом, становятся основанием для создания Коргузаловым подтекстовки и тактировки мелодий Кирши Данилова.

Метод анализа рукописного оригинала, примененный Коргузаловым, позволил не только создать убедительные варианты подтекстовки, но и поставить следующий вопрос — вопрос об инструментальном сопровождении: было ли оно; если да, то каким оно было, как соотносилось с вокальной линией, были ли отыгрыши и т. д.

Как известно, мелодии песен, приложенные к текстам, изложены в скрипичном диапазоне и удобных для этого инструмента позициях. Ряд их имеет скрипичные штрихи (*martelé*) и фразировочные лиги, как, например, былина о Волхе Всеславьевиче. Заметим, что это не только служит дополнительным аргументом в подтверждение «скрипичной» версии нотной записи, но и передает особый характер самого вокального интонирования, звучания голоса певца. Другие напевы Сборника обладают типовыми чертами мелодики, фигурами, характерными для скрипичного исполнительства, в том числе именно для народной традиции (например, былина о Дюке Степановиче, песня про Гостя Терентища).

Это дает исследователям повод предполагать, что Кирша Данилов играл на скрипке, и мелодии песен его Сборника записаны с его собственного исполнения. К числу ученых, поддерживавших эту концепцию, принадлежал и В. В. Коргузалов. Он активно развивает идею скрипичного сопровождения после того, как было документально подтверждено, что Кирша играл на некоем струнном инструменте — *тарнобое* [Горелов 2011b, с. 158]⁴, описанном В. И. Далем как «род балалайки о восьми медных струнах» [Даль, с. 391]. О том, играл ли Кирша Данилов на скрипке, документально нам неизвестно. Однако экспедиционные открытия 1970–1990-х гг. на Урале позволили утверждать, что это было вполне возможно (см.: [Альбинский; Альбинский, Базанов]).

Разумеется, в народной традиции многие исполнители были мультиинструменталистами, т. е. Кирша Данилов, который играл на *тарнобое*, скорее всего, мог играть и на *скрипке*. Однако важно учитывать и тот фактор, что запись мелодий на слух, как правило, происходила при помощи

³ Терентий муж. Зап. в д. Першково от Тимофея Шибанова. Нотация И. Тезавровского.

⁴ А. А. Горелов цитирует письмо Акинфия Демидова к приказчику Нижнетагильского завода, впервые опубликованное И. М. Шакинко [Шакинко 1989а].

подручного инструмента с фиксированным строем. Это предположил в свое время и А. Л. Маслов, говоря, что «всего вероятнее, записывал он (составитель Сборника Кирши Данилова. — Е. Я.) „со скрипочки“, как и теперь приходится видеть любителя, записывающего ноты» [Маслов, стб. 1031].

Этот способ в самом деле был популярен у собирателей народных песен. Так, уральский писатель и фольклорист В. Н. Серебренников записывал их при помощи фисгармонии или скрипки: «„писельница“ пела, „мотив“ подбирался мной на инструменте и записывался с соблюдением меры» [Серебренников, с. V]. Пермский краевед Л. Е. Воеводин, «заучив предварительно мотив песни с голоса (...) тут же при помощи какого-либо инструмента воспроизводил его и перелажал на ноты; смотря по обстоятельствам для этой цели он пользовался скрипкой, гитарой, флейтой, пианино» [Воеводин, с. I—II]⁵.

В 1970-х гг. В. В. Коргузалов разрабатывает свою версию инструментального сопровождения напевов Кирши Данилова, выделяя собственно сопровождение и скрипичные *отыгрыши*, и публикует ее в сборнике «Новгородские былины» на примере былины о Василии Буслаеве [Коргузалов 1978, с. 350, пример № 7].

В свое время еще Б. М. Добровольский, совместно с которым В. В. Коргузалов начинал исследование напевов Сборника Кирши Данилова, высказывал предположение, что мелодии песен, изложенные в оригинале рукописи Сборника одногласно, могли звучать на обычной *четырёхструнной* скрипке: «Тесситура вызывает необходимость применения двух верхних струн (ля и ми), вероятно, две нижние струны (соль и ре) использовались в качестве бурдона» [Добровольский 1977, с. 410].

В статье «Напевы былин новгородского цикла» Коргузалов приводит пример такого бурдонирования, предполагая в качестве аккомпанирующего инструмента уже не скрипку, а трехструнный *гудок*. Ученый оформляет свое представление о том, как могли звучать такие отыгрыши с использованием нескольких струн на *трехструнной скрипке* или *гудке*, в виде нотного примера [Коргузалов 1978, с. 343].

В дальнейшем В. В. Коргузалов включается в проект, инициированный А. А. Гореловым, — факсимильное издание рукописи Сборника, которая хранится в Отделе рукописей РНБ. В это издание должны были войти не только копии всех номеров (71) нотного оригинала рукописи, но и версии

⁵ За любезно предоставленные сведения о собирателях Пермского края выражаю благодарность Г. Н. Мехнецовой.

их прочтения Коргузаловым, включая идею скрипичного изложения мелодий Кирши Данилова. Над этим проектом он работал буквально до последних дней жизни, оттачивая готовящийся к публикации вариант подтекстовки, а также саму графическую форму подачи мелодий.

Вкратце суммируем суть идеи ученого, которую он сформулировал в статье «Новый опыт реконструкции напевов Сборника Кирши Данилова». Итак, предыдущие реконструкции, пишет Коргузалов, «интерпретировали мелодии как исключительно вокальные: под каждой нотой подписывался слог. Между тем анализ напевов, ранжированное их соотнесение с текстами показывает, что в напевах налицо части, которые не поддаются и не подлежат вокализации (...) „Отыгрыш“ на инструменте может предварять пение, разделять его логические периоды, прибавляться после его завершения, что отвечает закономерностям, известным по эпическим традициям, которые сохранили инструментальное самосопровождение (украинская, южнославянская, восточнороманская и др.) (...) Сборник Кирши Данилова предстает единственным памятником исполнения русского былинного эпоса с инструментальным самосопровождением» [Коргузалов 1994, с. 41].

Предполагалось, что мелодии в факсимильной части издания будут представлены в оригинале, а в Приложении каждый номер будет дан в виде ранжированной и тактированной нотации без текста (см. Пример 2), а также разработанной Коргузаловым схемы музыкальной формы. Здесь же будут обозначены части напева, которые Всеволод Владимирович предполагал отдать сопровождающему инструменту, в виде отыгрышей, после чего предложена версия подтекстовки, по ходу изложения которой включаются инструментальные фрагменты.

В. В. Коргузалов, разрабатывая свою идею об использовании части мелостихов в былинных напевах в качестве отыгрышей, находился в постоянном поиске, предлагая варианты соотношения вокальной и инструментальной частей мелодий Сборника. Так, былина о Василии Буслаеве и новгородцах в различных публикациях имеет несколько коргузаловских версий такого соотношения. Одна из них опубликована в последней печатной работе ученого. В ней в качестве отыгрыша фигурируют 3-я и 4-я мелостроки напева [Коргузалов 1994, с. 48–49]. Однако эта версия все же оказалась не окончательной.

Познакомимся с напевом былины про Василия Буслаева (Пример 3) из Сборника Кирши Данилова в той его форме, которую в конечном итоге приняла нотная запись рукописного оригинала с подтекстовкой и инструментальными отыгрышами в прочтении В. В. Коргузалова.

Пример 3

Реконструкция скрипичного сопровождения, композиции и подтекстовки
в напеве былины про Василия Буслаева из Сборника Кирши Данилова

Голос:

1. В сла - вном ве - ли - ком Но - ве гра - де

2. А и жил Бу - слай до де - вя - но - ста лет,

3. С Но - вым го - ро - дом жил, не пе - ре - чи - ля,

4. Со му - жи - ки но - во - го - ро - цки - ми

5. По - пе - рек сло - ве - чка не го - ва - ри - вал.

Отыгрыш:

6. ... Мо - ло - дой сын Ва - си - лей Бу - сла - е - вич.

Мы видим шесть мелостихов, образующих мелострофу-тираду. Шестой из них представлен также в виде инструментального отыгрыша, который в процессе исполнения былины отделяет один текстовый фрагмент (смысловую тираду) от другого.

Мелодия былины, основанная на двухакцентном одиннадцатисложном стихе, развивается следующим образом. Интонационное развитие первых двух мелостроков, идентичных друг другу, строится на сопоставлении ступеней основного опорного тона (3, 5 и 1-й ступеней лада) и 2-й ступени (с захватом в фигуре опевания VII ступени — субсекунды), которая приходится на акцентный слог стиха. При этом вокруг каждого из двух стиховых акцентов образуются мелодические фразы-попевки, функционально подобные друг другу. Третий мелостих начинается вновь с той же попевки, но завершается

временной переменной опорного тона, уходя вниз, на субкварту. С этого тона, противопоставленного тонике, начинается четвертый мелостих, который во второй попевке приходит вновь к основному тону, «рифмуя» мелодически эту строку с первыми двумя. Пятая мелострока повторяет мелодию первой, и, наконец, заключительная, шестая, на первом стиховом акценте обыгрывая 5-ю ступень лада, завершает напев утверждением главной опоры нисходящим скачком с 5-й ступени на 1-ю.

Эта широко распетая ладовая конструкция, построенная согласно строжайшей логике интонационного развития, несет на себе стих в особом музыкальном ритме, возникшем в недрах повествовательной речи и весьма характерном для былин, особенно северных. Его особенностью являются наделенные двойной долготой оба акцентных и второй послеакцентный (в кадансе) слоги, придающие «истории на голосу» особое изящество, уводящее от бытового звучания речи в область плавно текущего, эмоционально приподнятого повествования.

Ниже приводится фрагмент текста былины, разбитого на стихи согласно подтекстовке и строфике, предложенным В. В. Коргузаловым (начало новой смысловой тирадной мелострофы отмечено абзацным отступом). Ученый исходил из положения, что не все мелостроки, представленные в рукописном оригинале, могут быть использованы в образующейся мелострофе. В некоторых случаях вместо шести будут распеты только пять из них, а шестая будет звучать как инструментальный отыгрыш. И напротив, если стихов в смысловой тираде поэтического текста больше, чем шесть, можно будет повторить некоторые из мелострок, как это обычно делали северные сказители.

В нотном Примере 3 мелостроки оригинала, образующие тирадную мелострофу, пронумерованы. Первая тирада следующего ниже текста (за каждой строкой текста указан номер соответствующей ему мелостроки в нотах) подтекстована пятью строками, шестую же предлагается использовать как инструментальный отыгрыш.

Следующая тирада более развернута, и в распеве после 5-й можно вновь вернуться к 3-й мелостроке и завершить напев его полной мелодической версией. Таким же образом В. В. Коргузалов действовал при подтекстовке следующих строк этой обширной по своему поэтическому тексту (более 300 строк) былины: с одной стороны, не нарушая логику интонационного развития, с другой — внося в распев текста былины свойственную устной народной традиции импровизационность.

В славном великом Нове-граде (1)
А и жил Буслай до девяноста лет: (2)

- С Новым-городом жил — не перечился, (3)
Со мужики новгородскими (4)
Поперек словечка не говаривал. (5)
〈Инструментальный отыгрыш〉 (6)
Живучи Буслай состарился, (1)
Состарился и переставился. (2)
После ево веку долгова (3)
Оставалось его житье-бытье (4)
И все имение дворянское, (5)
Осталась матера вдова, (3)
Матера Амелфа Тимофеевна, (4)
И оставалось чадо милое, (5)
Молодой сын Василий Буслаевич. (6)

Разумеется, данная версия является в той же мере научной, в какой и творческой. Ее публикация, по мысли Коргузалова, должна была бы пробудить интерес музыкантов, в том числе музыковедов-фольклористов, к новым прочтениям мелодий Сборника Кирши Данилова. Когда В. В. Коргузалов во второй половине 1990-х гг. завершал свой труд, многим он казался, по меньшей мере, лишь творческой фантазией ученого. Однако со временем стали появляться новые материалы, неожиданно пролившие свет на проблему соотношения и сочетания голоса и инструмента при реконструкции мелодий Сборника Кирши Данилова и подтвердившие многие догадки исследователя.

Так, в частности, на момент окончания работ по созданию версии подтекстовки и инструментального сопровождения песен Кирши Данилова В. В. Коргузалову еще не были доступны фонографические записи русского фольклора Северо-Тихоокеанской экспедиции Джебзупа, сделанные в селе Марково на Анадыре в 1901 г. Копии этих записей на магнитной ленте были присланы в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН из Архива традиционной музыки Университета штата Индиана, Блумингтон (Archives of Traditional Music, Indiana University, Blumington).

Участники экспедиции В. Г. Богораз и его супруга Софья Константиновна обнаружили в селе Марково на Чукотке замечательные образцы русского фольклора, в том числе и эпоса, а также развитую традицию виртуозной инструментальной игры на скрипке и балалайке. Среди записей, сделанных С. К. Богораз на фонограф зимой 1901 г., есть историческая песня на сюжет «донской казак в темнице и вражеский король» в сопровождении

скрипки⁶. Эта запись документально подтверждает существование традиции исполнения русского повествовательного фольклора с инструментальным сопровождением и служит аргументом в пользу разработок Коргузалова. Заметим, что скрипка в основном дублирует линию голоса, как это и предполагал исследователь в отношении исполнительства Кириши Данилова.

В этой же коллекции фонозаписей имеется и хороводно-игровая песня «Ты, Паранюшка, спесива» [Якубовская 2012, с. 103–109], где зафиксирован момент прелюдирования перед вступлением голоса. Таким образом, появляется возможность сопоставить предложенный В. В. Коргузаловым принцип отбора мелодического материала для реконструкции инструментальных отыгрышей — согласно используемой им терминологии, «перегудывания» [Коргузалов 1994, с. 43]. Марковский вариант «Камаринской» в сольном исполнении на скрипке позволяет предположить, как могли бы звучать инструментальные отыгрыши и моменты самосопровождения в песне из Сборника Кириши Данилова «[Про] гостя Терентища». Расшифровка этой записи [Якубовская 2008, с. 237–240], весьма и весьма несовершенная, тем не менее дает возможность сравнить ее с теми мелодическими вариантами, которые приводятся в Сборнике Кириши Данилова.

Таким образом, исследование, которому Всеволод Владимирович Коргузалов посвятил немалую часть своей жизни, продолжается. Ученый сумел придать проблеме реконструкции напевов Сборника Кириши Данилова новый и весьма перспективный поворот. Он не первый, кто поднял этот вопрос, но именно ему удалось довести свою гипотезу до завершённой концепции, создав собственные версии подтекстовки и композиции всех мелодий (71) Сборника Кириши Данилова.

Литература

- Альбинский — Альбинский В. А. О традициях русского народного струнно-смычкового исполнительства и промысла в Прикамье (по материалам фольклорных экспедиций 1970–1990-х гг.) // Экспедиционные открытия последних лет: народная музыка, словесность, обряды в записях 1970–1990-х годов: Ст. и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 163–188.
- Альбинский, Базанов — Альбинский В. А., Базанов В. А. Пермская тарнаба и тарнобой нижнетагильца Кириши Данилова // Традиционная народная культура населения Урала: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Пермский обл. краевед. музей, 1997. С. 191–195.

⁶ Фонограмма опубл.: [Марковские песни (CD). № 27]. Нотация Т. С. Шенталинской: [Шенталинская, с. 190].

- Байдин 2000 — *Байдин В. И.* Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 125–141.
- Байдин 2001 — *Байдин В. И.* «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске: О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы (к 300-летию города) / Под общ. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 73–110.
- Байдин 2013 — *Байдин В. И.* Идентификация Кирши Данилова на Урале: Материалы к биографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 47–70.
- Байдин 2015 — *Байдин В. И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале: Историко-биографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 207 с.
- Беляев — *Беляев В. М.* Сборник Кирши Данилова: Опыт реконструкции песен. М.: Советский композитор, 1969. 226 с.
- Былины — Былины: Русский музыкальный эпос / Изд. подгот. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Советский композитор, 1981. 616 с., ил., ноты.
- Воеводин — *Воеводин Л. Е.* 45 народных старинных песен в заводах Пермской губернии (Записаны Л. Е. Воеводиным) / Пермская ученая архивная комиссия. Пермь: Тип. губ. правл., 1905. 24 с.: ноты.
- Горелов 2008 — *Горелов А. А.* Кирша Данилов: «Вот эта улица, вот этот дом...» // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 121–131.
- Горелов 2011а — *Горелов А. А.* О датировке оригинала Сборника Кирши Данилова // Горелов А. А. В поисках легендарного Кирши Данилова: Книга пути: В 2 ч. СПб.: Тропа Троянова, 2011. Ч. 1. С. 9–24.
- Горелов 2011б — *Горелов А. А.* Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Горелов А. А. В поисках легендарного Кирши Данилова: Книга пути: В 2 ч. СПб.: Тропа Троянова, 2011. Ч. 1. С. 155–171.
- Григорьев — *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа / Изд. Имп. Академии наук. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1. 708 с.
- Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. 683 с.
- Добровольский 1958 — *Добровольский Б. М.* О нотных записях в Сборнике Кирши Данилова // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 566–574. (Лит. памятники).
- Добровольский 1977 — *Добровольский Б. М.* О нотных записях в Сборнике Кирши Данилова // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 405–413. (Лит. памятники).
- Древние русские стихотворения 1804 — Древние русские стихотворения / Изд. А. Ф. Якубовича. М.: Тип. С. Селивановского, 1804. 324 с.
- Древние русские стихотворения 1818 — Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением

- 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. 423 с.: ноты.
- Древние российские стихотворения 1958 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 665 с.: ил., нот. (Лит. памятники).
- Древние российские стихотворения 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 488 с.: ил., нот. (Лит. памятники).
- Журнал отечественной музыки на 1806 год — Журнал отечественной музыки на 1806 год, издаваемый Кашиным. М., 1806. Вып. 1, № 1; Вып. 3, № 1.
- Иванова — *Иванова Т. Г.* К истории рукописи Сборника Кирши Данилова // Живая старина. 1998. № 4. С. 16–19.
- Исторические песни XIII–XVI веков — Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Наука, 1960. 696 с., нот.
- Исторические песни XVII века — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 386 с.
- Исторические песни XVIII века — Исторические песни XVIII в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. 355 с.
- Исторические песни XIX века — Исторические песни XIX в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. В. Домановский, Э. С. Литвин. Л.: Наука, 1973. 284 с., нот.
- Коргузалов 1966 — *Коргузалов В. В.* Структура сказительской речи в русском эпосе // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 10. С. 127–148.
- Коргузалов 1978 — *Коргузалов В. В.* Напевы былин новгородского цикла // Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1978. С. 336–361.
- Коргузалов 1981 — *Коргузалов В. В.* Музыкаведческие аспекты построения свода русского эпоса // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л.: Наука, 1981. Т. 21. С. 117–126.
- Коргузалов 1993 — *Коргузалов В. В.* Напевы обонежской эпической традиции // Русский фольклор: Межэтнические фольклорные связи. СПб.: Наука, 1993. Т. 27. С. 92–112.
- Коргузалов 1994 — *Коргузалов В. В.* Новый опыт реконструкции напевов Сборника Кирши Данилова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1994. Т. 53, № 4. С. 41–52.
- Линева — *Линева Е. Э.* Великорусские песни в народной гармонизации / Записаны Е. Линевой, текст под ред. Академика Ф. Е. Корша; Изд. Имп. Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1904. Вып. 1. 90 с.
- Марченко — *Марченко Ю. И.* Всеволод Владимирович Коргузалов — собиратель и исследователь севернорусского эпоса // Рябининские чтения — 2015 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2015. С. 356–358.
- Маслов — *Маслов А. Л.* Кирша Данилов и его напевы // Русская музыкальная газета. 1902. № 43. Стб. 1031–1032.
- Новиков — *Новиков Ю. А.* Сказитель и эпический текст (из текстологических наблюдений над былинами из Сборника Кирши Данилова) / Центр изучения

- традиционной культуры Европейского Севера. Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. URL: <http://folk.pomorsku.ru/index.php?page=open-source/16>
- Новиков 2003 — *Новиков Ю. А.* Былины из Сборника Кириши Данилова в контексте севернорусской традиции // Рябининские чтения — 2003: Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2003. С. 96–100.
- Новиков 2004 — *Новиков Ю. А.* О создателях рукописной копии Сборника Кириши Данилова // *Humanitaro zinatnu velstnesis*. Daugavpils, 2004. № 5. С. 7–14.
- Сборник Кириши Данилова 1901 — Сборник Кириши Данилова. Издание Императорской публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в Библиотеку князем М. Р. Долгоруковым / Под ред. П. Н. Шеффера; с фототипическим снимком. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1901. 284 с.: ноты, табл.
- Серебренников — *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губ. / Вступ. ст. А. Д. Городцова // *Материалы по изучению Пермского края*. Пермь, 1911. Вып. 4. С. I–VIII, 1–68; С. 1–8 (отд. паг., ноты).
- Шакинко 1989a — *Шакинко И.* Кириша Данилов и Урал // *Урал*. 1989. № 12. С. 146.
- Шакинко 1989b — *Шакинко И. М.* Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Шенталинская — *Шенталинская Т. С.* Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов // *Фольклор: Ранние записи* / Сост. В. М. Гацук, В. А. Бахтина. Отв. ред. Е. В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 145–271.
- Якубовская 2008 — *Якубовская Е. И.* Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона // *Русский фольклор*. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 181–246.
- Якубовская 2012 — *Якубовская Е. И.* Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.) / Публ. Е. И. Якубовской // *Русский фольклор*. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 58–178.

Дискография

- Марковские песни — Марковские песни: Река Анадырь, Чукотка (CD) / Сост. Т. С. Шенталинская. М., 2014. ФЭ-93.

References

- Al'binskii, V. A. (1996). 'O traditsiyakh russkogo narodnogo strunno-smychkovogo ispolnitel'stva i promysla v Prikam'e (po materialam fol'klornykh ekspeditsii 1970–1990-kh godov)', in: *Ekspeditsionnye otkrytiya poslednikh let: narodnaya muzyka, slovesnost', obryady v zapisyakh 1970–1990-kh godov: Stat'i i materialy*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 163–188.
- Al'binskii, V. A., Bazanov, V. A. (1997). 'Permskaya tarnaba i tarnoboi nizhnetagil'tsa Kirshi Danilova', in: *Traditsionnaya narodnaya kul'tura naseleniya Urala: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm': Permskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 191–195.

- Alekseeva, O. B., Dobrovol'skii, B. M., Emel'yanov, L. I., Korguzalov, V. V., Lozanova, A. N., Putilov, B. N., Sheptaev, L. S., eds. (1966). *Istoricheskie pesni XVII veka*. Moscow, Leningrad: Nauka, 386 p.
- Alekseeva, O. B., Domanovskii, L. V., Litvin, E. S., eds. (1973). *Istoricheskie pesni XIX veka*. Leningrad: Nauka, 284, noty.
- Alekseeva, O. B., Emel'yanov, L. I., eds. (1971). *Istoricheskie pesni XVIII veka*. Leningrad: Nauka, 355 p.
- Baidin, V. I. (2000). 'Kirsha Danilov i Rodion Nabatov', in: *Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 125–141.
- Baidin, V. I. (2001). "'Poslednii skomorokh" Kirsha Danilov na Urale i v Nev'yanske. O vremeni i meste sozdaniya sbornika "Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya"', in: *Ocherki istorii kul'tury i byta starogo Nev'yanska. Lyudi, pamyatniki, dokumenty (k 300-letiyu goroda)*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 73–110.
- Baidin, V. I. (2013). 'Identifikatsiya Kirshi Danilova na Urale: materialy k biografii', *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 2, Gumanitarnye nauki, 4 (120), 47–70.
- Baidin, V. I. (2015). *Kirsha Danilov v Sibiri i na Urale: istoriko-biograficheskie etyudy*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 207 p.
- Belyaev, V. M. (1969). *Sbornik Kirshi Danilova. Opyt rekonstruktsii pesen*. Moscow: Sovetskii kompozitor, 226 p.
- Dal', V. (1955). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. 4 Vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Vol. 4, 683 p.
- Dobrovol'skii, B. M. (1958). 'O notnykh zapisyakh v Sbornike Kirshi Danilova', in: A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov, eds., *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* (Literaturnye pamyatniki). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 566–574.
- Dobrovol'skii, B. M. (1977). 'O notnykh zapisyakh v Sbornike Kirshi Danilova', in: A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov, eds., *Drevnie Rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* (Literaturnye pamyatniki). 2nd ed. Moscow: Nauka, 405–413.
- Dobrovol'skii, B. M., Korguzalov, V. V., eds. (1981). *Byliny. Russkii muzykal'nyi epos*. Moscow: Sovetskii kompozitor, 616 p.
- Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym i vtorichno izdannye, s pribavleniem 35 pesen i skazok, dosele neizvestnykh, i not dlya napeva* (1818). Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 423 p.
- Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds. (1958). *Drevnie Rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* (Literaturnye pamyatniki). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 665 p.
- Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds. (1977). *Drevnie Rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* (Literaturnye pamyatniki). 2nd ed. Moscow: Nauka, 488 p.
- Gorelov, A. A. (2008). 'Kirsha Danilov: "Vot eta ulitsa, vot etot dom..."', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 33, 121–131.
- Gorelov, A. A. (2011). 'Kirsha Danilov — real'noe istoricheskoe litso', in: Gorelov, A. A. *V poiskakh legendarnogo Kirshi Danilova: Kniga Puti*. 2 Vols. Saint Petersburg: Tropa Troyanova. Vol. 1, 155–171.

- Gorelov, A. A. (2011). 'O datirovke originala Sbornika Kirshi Danilova', in: Gorelov, A. A. *V poiskakh legendarnogo Kirshi Danilova: Kniga Puti*. 2 Vols. Saint Petersburg: Tropa Troyanova. Vol. 1, 9–24.
- Grigor'ev, A. D. (1904). *Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 godakh s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 1, 708 p.
- Ivanova, T. G. (1998). 'K istorii rukopisi Sbornika Kirshi Danilova', *Zhivaya starina*, 4, 16–19.
- Korguzalov, V. V. (1966). 'Struktura skazitel'skoi rechi v russkom epose', in: *Russkii fol'klor: Spetsifika fol'klornykh zhanrov*. Moscow, Leningrad: Nauka. Vol. 10, 127–148.
- Korguzalov, V. V. (1978). 'Napevy bylin novgorodskogo tsikla', in: Yu. I. Smirnov, V. G. Smolitskii, eds., *Novgorodskie byliny*. Moscow: Nauka, 336–361.
- Korguzalov, V. V. (1981). 'Muzykovedcheskie aspekty postroeniya svoda russkogo eposa', in: *Russkii fol'klor: Poetika russkogo fol'klora*. Leningrad: Nauka. Vol. 21, 117–126.
- Korguzalov, V. V. (1993). 'Napevy obonezhskoi epicheskoi traditsii', in: *Russkii fol'klor: Mezhetnicheskie fol'klornye svyazi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 27, 92–112.
- Korguzalov, V. V. (1994). 'Novyi opyt rekonstruktsii napevov Sbornika Kirshi Danilova', *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. Moscow: Nauka. Vol. 53, 4, 41–52.
- Lineva, E. E. (1904). *Velikorusskie pesni v narodnoi garmonizatsii. Zapisany E. Linevoi*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 1, 90 p.
- Marchenko, Yu. I. (2015). 'Vsevolod Vladimirovich Korguzalov — sobiratel' i issledovatel' severnorusskogo eposa', in: T. G. Ivanova, ed., *Ryabininskie chteniya*. Petrozavodsk: Muzei-zapovednik "Kizhi", 356–358.
- Maslov, A. L. (1902). 'Kirsha Danilov i ego napevy', *Russkaya muzykal'naya gazeta*, 43, 1031–1032.
- Novikov, Yu. A. (2003). 'Byliny iz Sbornika Kirshi Danilova v kontekste severnorusskoi traditsii', in: T. G. Ivanova, ed., *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa. Ryabininskie chteniya — 2003*. Petrozavodsk: Muzei-zapovednik "Kizhi", 96–100.
- Novikov, Yu. A. (2004). 'O sozdatelyakh rukopisnoi kopii Sbornika Kirshi Danilova', *Humanitaro zinatnu velstnesis* (Daugavpils), 5, 7–14.
- Novikov, Yu. A. 'Skazitel' i epicheskii tekst (iz tekstologicheskikh nablyudenii nad bylinami iz Sbornika Kirshi Danilova)', Tsentri izucheniya traditsionnoi kul'tury Evropeiskogo Severa, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova, <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=open-source/16>
- Putilov, B. N., Dobrovol'skii, B. M., eds. (1960). *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov*. Moscow, Leningrad: Nauka, 696 p., noty.
- Serebrennikov, V. N. (1911). 'Svadebnye obychai i pesni krest'yan Andreevskoi volosti Okhanskogo uезда Permskoi gubernii', in: *Materialy po izucheniyu Permskogo kraya*. Perm'. Vol. 4, I–VIII, 1–68; 1–8 (pag. var.), noty.
- Shakinko, I. (1989). 'Kirsha Danilov i Ural', *Ural*, 12, 146.
- Shakinko, I. M. (1989). *Nev'yanskaya bashnya: Predaniya, istoriya, gipotezy, razmyshleniya*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 304 p.
- Sheffer, P. N., ed. (1901). *Sbornik Kirshi Danilova*. Izdanie Imperatorskoi Publichnoi Biblioteki po rukopisi, pozhertvovannoi v Biblioteku knyazem M. R. Dolgorukovym; s fototipicheskimi snimkami. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 284 p., noty, tabl.

- Shentalinskaya, T. S. (2015). 'Fonozapisi sibirskogo fol'klora iz amerikanskih arkhivov', in: V. M. Gatsak, V. A. Bakhtina, E. V. Minenok, eds., *Fol'klor: Rannie zapisi*. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk, 145–271.
- Voevodin, L. E. (1905). '45 narodnykh starinnykh pesen v zavodakh Permskoi gubernii: Zapisany L. E. Voevodinyim', in: *Uchenye zapiski arkhivnoi komissii*. Perm': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 24 p., noty.
- Yakubovich, A. F., ed. (1804). *Drevnie russkie stikhotvoreniya*. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 324 p.
- Yakubovskaya, E. I. (2008). 'Traditsionnyi fol'klor russkogo naseleniya Anadyrya i Kolymy v zapisi V. G. Bogoraza i V. I. Iokhel'sona', in: *Russkii fol'klor*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 33, 181–246.
- Yakubovskaya E. I. (2012). 'Russkii fol'klor i khristoslavnye pesnopeniya na Anadyre i Kolyme v zapisi V. G. Bogoraza, V. I. Iokhel'sona i Ya. Strozhet'skogo (1900–1903 gody)', in: *Russkii fol'klor*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 36, 58–178.
- Zhurnal otechestvennoi muzyki na 1806 god, izdavaemyi Kashinyim* (1806). Moscow. Vol. 1, 1; Vol. 3, 1.

Diskografiya

- Shentalinskaya, T. S., ed. (2014). *Markovskie pesni: Reka Anadyr', Chukotka*. (CD). Moscow. FE-93.

С. В. Подрезова

НАВСТРЕЧУ ОБОНЕЖСКИМ ТОМАМ СВОДА
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ
ФОЛЬКЛОРНОЙ СЕКЦИИ ИПИИ 1931–1932 ГГ.
В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Резюме

В статье впервые рассматриваются история, методы и результаты двух фольклорных экспедиций в район Заонежья, состоявшихся летом 1931 и зимой 1931/32 гг. при непосредственном участии студентов Ленинградского государственного историко-лингвистического института М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной. Экспедиции проходили под руководством сотрудников Фольклорной секции ИПИИ и КНИИ и среди прочего решали специальные задачи по сбору материалов о современном состоянии былинной традиции и «социальной функции эпоса». Если в экспедиции 1931 г., проходившей в качестве производственной практики, участвовал большой состав участников, решался широкий круг задач, а записи велись только в тетрадь, то вторая экспедиция, состоявшаяся зимой 1931/32 гг., имела специализированный характер, записи велись также на восковые цилиндры. В статье даются обобщающие данные об обеих экспедициях с акцентом на материалы по русской эпической традиции, восстанавливается маршрут зимней экспедиции, приводится описание фонографической коллекции с обзором рукописных записей. Анализ материалов показал, что собирательская траектория молодых специалистов была ориентирована на методы работы ленинградских фольклористов: продолжение поиска мастеров, работа как с лучшими, так и с рядовыми сказителями, автономное ведение рукописной записи текста («в 2 карандаша») и звукозаписи, сбор биографий сказителей, подробное интервьюирование об опыте освоения эпической традиции и опыте сказительства. Всё это позволило накопить важный материал по фольклору и этнографии Заонежья.

Ключевые слова: Свод русского фольклора, былины Заонежья, М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина, антропология сказительства, Фонограммархив Пушкинского Дома

Svetlana V. Podrezova

ON THE FORTHCOMING OBONEZHIE VOLUMES
OF THE *SVOD RUSKOGO FOLKLORA* SERIES:
MATERIALS FROM THE 1931–1932 EXPEDITIONS OF THE
FOLKLORE SECTION OF THE INSTITUTE FOR THE STUDY
OF PEOPLES IN THE COLLECTION OF THE INSTITUTE OF
RUSSIAN LITERATURE (PUSHKINSKII DOM)
IN ST. PETERSBURG

Abstract

The article considers for the first time the history, methods, and results of two folklore expeditions to the Zaonezhie region, which took place in the summer of 1931 and in the winter of 1931/1932. The expeditions were led by members of the Folklore Section of the Institute for the Study of Peoples of the USSR and the Karelian Research Institute. Two students of the Leningrad State Historical and Linguistic Institute, M. B. Kaminskaia and N. N. Tiaponkina, took part in the expeditions. Among other things, the expeditions were especially charged with collecting materials on the current state of the epic tradition and the “social function of the epic.” The expedition of 1931 was intended to provide field practice experience to students. For that matter it involved many participants and solved a wide range of problems. Members of the expedition took records only in notebooks. The 1931–1932 winter expedition was professional, so it took records even on wax cylinders. The article summarizes data concerning both expeditions and pays special attention to the materials on the Russian epic tradition. It reconstructs the route of the winter expedition, provides an inventory of the phonographic collection, and reviews the handwritten records. The analysis of the materials showed that the young specialists adopted the work methods used by Leningrad folklorists: searching for masters of epics performance, working with both the best and ordinary performers, practicing separate handwriting of the text (“in 2 pencils”) and sound recording, collecting biographies of performers, taking detailed interviews about the experience of mastering of the epic tradition and the experience of performing. These methods made it possible to accumulate important material about the folklore and ethnography of the Zaonezhie region.

Keywords: Svod russkogo folklor, Russian folklore, bylina, epics of Zaonezhie, M. B. Kaminskaia, N. N. Tiaponkina, anthropology of epics performance, Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature in St. Petersburg

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-130-148

Зимой 1931/32 г. состоялась примечательная фольклорная экспедиция в район Заонежья, организованная Фольклорной секцией ИПИН совместно с КНИИ. Примечательна она прежде всего тем, что ее участницами были две студентки ЛГИЛИ (позже — ЛИФЛИ) М. Б. Каминская

и Н. Н. Тяпонкина, работавшие по поручению названных учреждений и под руководством фольклористов ИПИН (прежде всего, вероятно, А. М. Астаховой). Несмотря на свою молодость (второкурсницы, каждой из которых было не более 19 лет), собирательницам удалось сделать рукописные и фонографические записи важного материала, внести заметный вклад в развитие науки. Высокую оценку деятельности Каминской и Тяпонкиной в этой экспедиции дали А. М. Астахова [Астахова 1936] и Т. Г. Иванова [Иванова, с. 547].

Зимняя экспедиция ИПИН — КНИИ в Заонежье неоднократно упоминалась в научной литературе, многие материалы, собранные Каминской и Тяпонкиной, вошли в классические издания (прежде всего — тексты былин и других эпических жанров [БС; ИП 1960; ИП 1966; Былины; Кастров; Петрова; Былины Заонежья], а также частушки [Астахова, Колпакова]), однако звуковое и рукописные собрания, представленные в коллекциях Пушкинского Дома, не становились предметом исследования. Обращение к этим материалам, методам и результатам полевой работы в «Исландии русского эпоса» имеет исключительную важность для подготовки обонежских томов былинной серии Свода русского фольклора (Т. 11: Северное Обонежье; Т. 12–15: Западное Обонежье).

«В порядке производственной практики»:
летняя студенческая экспедиция 1931 г.

Марта Брониславовна Каминская и Нина Николаевна Тяпонкина (Бородина), по разным данным, были студентками ЛГИЛИ с момента его организации (то есть выделения из Ленинградского университета): зачетная книжка Н. Н. Тяпонкиной начата 1 сентября 1930 г.¹ Судя по сохранившемуся документу, Тяпонкина поступала на этнографическое отделение, которое позже (вероятно, в начале 1932 г.) было преобразовано в музейно-краеведческое (сокр. МКО). С 1932 г. МКО возглавлял историк архитектуры и археолог М. К. Каргер². Учебный курс в ЛГИЛИ в эти годы был очень кратким и занимал не более трех лет. Последняя запись в зачетной книжке Тяпонкиной гласит: «Студентка Тяпонкина (Бородина) выполнила все требования учебного плана МКО. Зав[едующий] МКО Мих[аил] Каргер. 3.VII.[19]33»³. Вместе с тем программа обучения на этнографическом / музейно-краеведческом отделении включала развернутый цикл этнографических дисциплин

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1667. Л. 1.

² См.: Там же. Оп. 1. Д. 16. Распоряжение № 90. Часть. II. § 4.

³ Там же. Оп. 2. Д. 1667. Л. 6.

(«Введение в этнографию», «Практические занятия введения в этнографию», «Семинар по введению в этнографию», «Антропология», «Введение в краеведение», «Полевая этнография», практические занятия по фотографии и др.), цикл исторических и лингвистических предметов, а также курсы архивоведения, музееведения и др., то есть давала разнообразный объем знаний и навыков, которые будущие этнографы и музеееды могли применить в полевой и исследовательской работе. Введение в этнографию читал известный ученый, в 1926–1931 гг. профессор, зав. кафедрой этнографии Ленинградского университета Е. Г. Кагаров, семинар по этой дисциплине вел специалист по истории и этнографии финно-угорских народов З. Е. Черняков⁴. Профессиональному становлению должны были способствовать и практические занятия по полевой этнографии и фотографии⁵.

Первая же полевая фольклорно-этнографическая практика М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной и их однокурсников проходила в Заонежье с 25 июля по 25 августа 1931 г. Эта поездка не только предшествовала зимней экспедиции ИПИН — КНИИ, но и основательно ее подготовила. К сожалению, в литературе о ней существуют лишь очень фрагментарные сведения. Заполнению этой лакуны не способствует и раздельное хранение материалов экспедиции. Судя по документам, отложившимся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН и НА КарНЦ РАН, в экспедиции участвовал большой состав собирателей. Часть из них удалось идентифицировать как студентов ЛГИЛИ: Ольга Всеволодовна Ионова⁶ (НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Дн. 69, 70), Василий Ильич Заборцев⁷, Софья Андреевна Лорви (Дн. 78, 79)⁸, Наталья Георгиевна Котлярова⁹, Бел Павлович Николович (Дн. 82–84)¹⁰. Об аффилиации остальных участников, упоминаемых в разных источниках, — Л. Л. Алексеевой (НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Дн. 60–66), Р. Х. Герцман (или Герцмана; Дн. 61, 64), О. Копыловой (Дн. 72), З. Курдовой (Дн. 75), И. Лекомцеве (Дн. 76), М. Новиковой (Дн. 85), А. Ф. Поповой (Дн. 70, 87) и М. Пуговкиной (Дн. 90–93) — можно говорить лишь предположительно.

⁴ См.: Там же. Л. 2 об.–3.

⁵ Помимо упомянутых двух практик, Тяпонкина проходила практику по английскому языку — см.: Там же. Л. 5–6 об.

⁶ Личное дело см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-328. Оп. 2. Д. 652.

⁷ Личное дело см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-328. Оп. 2. Д. 591. Материалы представлены: НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Дн. 68.

⁸ Личное дело см.: Там же. Д. 971.

⁹ Личное дело см.: Там же. Д. 837. Материалы, собранные Н. Г. Котляровой, представлены в двух собраниях: РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3 и НА КарНЦ РАН. Р. 6. Оп. 1. Дн. 73, 91.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1146.

Вероятно, они были студентами того же отделения, но их личные дела, как и в случае с М. Б. Каминской, не отложились в фонде ЛГИЛИ (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-328. Оп. 2)¹¹. Несколько иные детали этой экспедиции раскрыты в работе А. М. Астаховой: «Начальным моментом этой (собирательской. — С. П.) работы в средней Карелии 1931—1932 гг. явились записи 1931 г. М. Б. Каминской и Н. Котляровой, которые работали как практикантки этнографического отделения ЛИФЛИ, прикомандированные к Карельскому научно-исследовательскому институту» [Астахова 1938а, с. 2, примеч. 2].

Маршрут молодых собирателей проходил по деревням Сенногубской волости, то есть по той части Заонежья, в которой в 1926 г. работал Сергей Игнатьевич Бернштейн, а затем экспедиция ГАХН «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых. Работа охватила несколько деревень: Сенную Губу, Гарницы, Жарниково, Зиновьево, Конду, Косельгу, Леликово, Лонгасы, Моталово, Сельгу и, возможно, какие-то еще. Район был выбран не случайно: он был хорошо изучен в дореволюционный и послеоктябрьский периоды, и по нему, по мнению А. М. Астаховой, был «накоплен значительный и ценный для сравнительного изучения материал» [Астахова 1934, с. 215]. Новая поездка должна была прояснить дальнейшую судьбу заонежской эпической традиции.

Участники этой экспедиции вели записи только от руки и не использовали фонограф. В Рукописном отделе ИРЛИ сохранились беловые, а также машинописные копии текстов, отобранных для специальных исследований (записи М. Б. Каминской и Н. Г. Котляровой — эпические жанры и частушки: РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3¹²; некоторые копии — ФА ИРЛИ. П. 174). Полевые дневники всех участников и материалы по всем направлениям собирательской работы, а также фотографии хранятся в НА КарНЦ РАН (Ф. 1. Кол. 66 [Марковская, с. 148; Курец, с. 34]; Р. 6. Оп. 1. Дн. 60—94).

Поскольку в Пушкинском Доме отложилась лишь небольшая часть материалов этой экспедиции, а о петрозаводской части этой коллекции в настоящий момент я могу судить лишь на основании сведений из опубликованных источников, говорить о целях и задачах этой поездки можно только в са-

¹¹ Когда статья уже была подготовлена, в НА КарНЦ удалось установить фамилии еще нескольких участников экспедиции: Забаровская (Дн. 67), Лукачева (Дн. 80), В. Н. Кох (Дн. 74), Масалкин (Дн. 81), Подшивайло (Дн. 86) и А. Пронинов (Дн. 88, 89).

¹² Далее при ссылках на фольклорное собрание РО ИРЛИ РАН будет даваться указание на папку и единицу хранения в К. 26.

мых общих чертах. По всей видимости, студенты работали по устоявшейся этнографической программе и собирали самый разный материал: этнографические сведения об обрядах, праздниках, народной медицине и др., тексты песен разных жанров¹³, в том числе свадебных, приговоры дружки, причитания и описания свадебного обряда¹⁴, тексты частушек, детский фольклор (припевки, игры), лингвистический материал [Марковская, с. 148], фотографии образцов архитектуры, быта, исполнителей¹⁵ и др. Кроме того, М. Б. Каминская и Н. Г. Котлярова совместно с Н. Н. Тяпонкиной решали узкие задачи по изучению эпической традиции. Нет сомнений, что куратором этой работы была А. М. Астахова. Задачу, поставленную перед студентками в следующих поездках — зимой и летом 1932 г., исследовательница обозначила следующим образом: «...одним из основных вопросов, входивших в план работ (заонежского) отряда, явилось современное состояние былинной традиции и те изменения, которые испытала былина под влиянием идеологических и культурно-бытовых сдвигов октябрьской деревни» [Астахова 1934, с. 215]¹⁶. Очевидно, что тот же вопрос в первом приближении решали участники экспедиции 1931 г.

Судя по всему, собирательницы делились на две группы: М. Б. Каминская работала отдельно, ее записи в основном не пересекаются с записями двух других начинающих собирательниц, Н. Н. Тяпонкина вела записи совместно с Н. Г. Котляровой, методом «в два карандаша»; кроме того, она фиксировала диалектный материал и фрагменты речи исполнителей [Кузнецова, с. 15–17].

Рассматривая вариант как интересный и значимый материал, «одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявления живой творческой энергии народных масс» [Астахова 1938b, с. 9], А. М. Астахова поручает молодым собирателям вести записи былин не только от лучших мастеров — уже известных сказителей, но и от преемников-учеников старых былинщиков, а также от других, рядовых исполнителей.

Прежде всего по заданию Фольклорной секции ИПИН Каминская, Котлярова и Тяпонкина продолжили работу со знаменитыми сказителями,

¹³ См. сведения о записанных материалах на страницах издания: [Курец].

¹⁴ См. материалы, упоминаемые в работе: [Кузнецова, Логинов, с. 259–260, 264, 267–269, 282–288].

¹⁵ Некоторые фотографии опубликованы в изд.: [Былины Заонежья].

¹⁶ Интересно заметить, что в обзоре работы карельских фольклорных экспедиций 1931–1933 гг. летняя поездка 1931 г. не упоминается — вероятно, по той причине, что она не была организована Фольклорной секцией ИПИН, а представляла собой студенческую практику.

от которых ранее делали записи С. И. Бернштейн (в Ленинграде — также Е. В. Гиппиус и А. М. Астахова) и участники экспедиции ГАХН: П. И. Рябининим-Андреевым (записаны семь былин, две баллады, сказки), А. С. Богдановой-Зиновьевой (четыре былины, две баллады¹⁷) и Е. Б. Суриковым¹⁸ (былина «Про Добрыню Микитича»).

Летом 1931 г. в деревнях Сенногубской волости студентки обнаружили еще нескольких сказителей. От Натальи Тимофеевны Зиновьевой (45 л., д. Зиновьево) им удалось сделать записи трех старших баллад, четырех духовных стихов, сказок и др.¹⁹, от Кузьмы Дмитриевича Андрианова (57 л., д. Конда) записали на бумагу две былины, сказки²⁰; несколько детских сказок были записаны от его дочери Александры (16 лет)²¹. Собирательницы заметили в дневнике: «Кроме тех былин, что сказал, еще знал, да уж позабывать стал: „О Добрыне Никитиче“, „Об Илье Муромце“, „О Дунае Ивановиче“, „Стих об Алексее человеке божием“»²². От Федосьи Кузьминичны Чивиной (81 год, д. Леликово), бабушки П. И. Рябинина-Андреева, в тетрадь М. Б. Каминской были внесены тексты двух баллад, стиха «Мучения Егория» и плясовой песни «Коморище». О Ф. К. Чивиной М. Б. Каминская записала: «Она не сказительница, а просто пожилая женщина, знающая много песен, частушек и причтов»²³. Это наблюдение подтверждается обширным репертуаром, записанным от нее в этой экспедиции разными собирателями [Курец, с. 272].

Следуя установкам ленинградских фольклористов, студентки вели изучение «социальной функции эпоса» [Астахова 1938а, с. 2]. Выбранный ими метод и объем исследования с полным правом можно рассматривать в русле антропологии сказительства. Они подробно записывали биографии сказителей, их рассказы о процессе освоения эпического репертуара, опыте сказительства, воспоминания и рассказы о сказителях (в том числе здрав-

¹⁷ Тексты других жанров, а также этнографические сведения, записанные в этой экспедиции разными собирателями, указаны в работе: [Курец, с. 295].

¹⁸ С. И. Бернштейн записывал его брата — Антона Борисовича Сурикова (по сведениям Марка Андрианова, Антон Борисович скончался 21 июля 1931 г., см.: РО ИРЛИ. П. 3. Ед. хр. 12. Л. 64), с Егором Борисовичем не работал.

¹⁹ Репертуар Н. Т. Зиновьевой и тексты баллад представлены в изд.: [БС, с. 121–126]. Этнографические сведения и рассказы о жизни, колхозе и др., записанные летом 1931 г. разными собирателями, отложились в НА КарНЦ РАН, см.: [Курец, с. 303].

²⁰ В НА КарНЦ РАН хранятся записи фольклорных текстов других жанров, см.: [Курец, с. 291].

²¹ Кроме того, разными собирателями от нее были записаны свадебные и лирические песни, частушки и этнографические сведения, см.: [Курец, с. 291–292].

²² РО ИРЛИ. П. 3. Ед. хр. 12. Л. 79. Записано 14 августа 1931 г. Н. Г. Котляровой.

²³ РО ИРЛИ. П. 3. Ед. хр. 11. Л. 27. 11 августа 1931 г.

ствующих) от их родственников и местных жителей и, наконец, фиксировали собственные впечатления и наблюдения. В устных историях и интервью, собранных Каминской, Котляровой и Тяпонкиной, отразились размышления сказителей о малой востребованности своего таланта, а вместе с тем и малой востребованности самих былин среди заонежан. Так, 27 июля 1931 г. П. И. Рябинин-Андреев сообщил собирательницам: «Хорошо было былины петь в Москве и в Ленинграде. Школьники слушали внимательно, записывали. А здесь, в деревне, попросят петь, сами не слушают, мешают, разговаривают по углам. Отец никогда для деревенских не пел»²⁴.

Большой и всё возрастающий интерес к былинщикам со стороны ученых и советской общественности, вероятно, вызывал у других сказителей и односельчан, по меньшей мере, чувство несправедливости, а иногда и зависти. Так, Степанида Игнатьевна Дутикова (64 л.) из д. Конда, вспоминая о династии Суриковых, старалась подчеркнуть заурядность их таланта и решающую роль случая в их судьбе: «Антон Суриков был знаменит, так это потому что он тем, кто записывал, первый на речке попался, а ведь Егор всё то же, так же знает, а скромн был. Они этого „лявзить“ (врать)-то от матери научились, от Суриковой Домны Васильевны. Она баба такая была, ее тоже возили петь в Петрозаводск. Она тоже на речке им попала, московским, ну говорят бабам: „Кто может былины петь?“ А она: „Я могу“. Ну повезли ее. Потом хотели дальше, да она взмолилась: „Ой, — говорит, — у меня дети остались, куда мне ехать“. И вернулась. Давно это было, очень давно. А здесь никому они не нужны, никто их не слушает»²⁵.

О незавидной доле сказителя 29 июля 1931 г. поведала А. С. Богданова-Зиновьева: «Сколько из-за этих былин неприятностей было. Ещё моложе я была, так не говорила при большом народе сказки да былин не пела. Жили мы тогда 15 лет в лесничестве. Земля была, сами все камения повытаскивали, всё вспахали. Служили на казённой службе у лесничего, а был он старый, холостой, и никогда чтоб никто у него былин не пел. Говорил: „Если кто у меня в лесничестве былины будет петь, так я сейчас его выгоню“»²⁶.

Ценные и разнообразные материалы, собранные Котляровой, Каминской и Тяпонкиной, позже стали базой для «освещения творческой роли северных крестьян-сказителей» — основной темы работы А. М. Астаховой «Былины Севера». Несомненный интерес представляют они и сегодня.

²⁴ Там же. Ед. хр. 12. Л. 2. Записано Н. Г. Котляровой.

²⁵ Там же. Л. 97. Записано Н. Г. Котляровой 15 августа 1931 г.

²⁶ Там же. Л. 24. Ср. с тем же сюжетом в автобиографии Богдановой, записанной Н. Н. Тяпонкиной 11 января 1932 г.: [Курец, с. 64–65].

«Выявить сдвиги, происшедшие в фольклоре деревни в период ее социалистической перестройки».

Зимняя экспедиция 1931/1932 г.: задачи, результаты и методы

В самом конце декабря 1931 г. небольшая группа в составе Н. Н. Тяпонкиной и М. Б. Каминской вновь выехала в Заонежье, но уже вооружившись фонографом. Эта экспедиция носила повторный и специализированный характер и проходила по поручению Фольклорной комиссии ИПИН и КНИИ [Астахова 1936]. Собираательницы прошли маршрутами экспедиций 1926 г. и работали в деревнях Сенногубского (д. Сенная Губа, Гарницы, Зиновьево, Конда, Леликово, Новинка, Обозеро, Клименицы) и соседнего с ним Кижского (д. Боярщина, Жарниково, Кижы, Кургеницы, Липовицы) сельских советов. Подавляющее большинство звукозаписей, выполненных в этой экспедиции, — фрагменты эпических жанров: былины (17), баллады (7), исторические песни (4) и духовный стих (1). Многие фонограммы повторяют рукописные записи 1931 г.

Вторая тема, которую разрабатывали Каминская и Тяпонкина, была связана с актуальным фольклором и теми задачами, которые были поставлены перед фольклористикой в самом начале 1930-х гг. Например, 16 октября 1931 г. на совещании по экспедиционной работе из уст директора КНИИ С. А. Макарьева прозвучало пожелание «включить в программу работы фольклористов собирание материалов по Гражданской войне»²⁷. В этой поездке молодые исследователи активно вели запись (в том числе на фонограф) социальной и антирелигиозной сатиры, революционных и уличных песен, и особенно последовательно — частушек (см.: РО ИРЛИ. П. 1, 2), то есть старались выполнить поручение по записи песен «позднейшей формации» и выявлению новых моментов в фольклоре заонежской деревни, «которые порождены современностью» [Астахова 1934, с. 215–216].

М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина были серьезным образом подготовлены к работе в этой экспедиции, и прежде всего хорошо осведомлены о репертуаре заонежских сказителей, с которыми работали не только старшие ленинградские коллеги, но и московские фольклористы.

Одной из приоритетных задач, решаемых в этой экспедиции, было максимально выявить репертуар уже известных науке сказителей и повторить записи на фонограф, а также продолжить поиск знатоков русского эпоса.

²⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 12: Протокол Президиума Фольклорной секции ИПИНа с участием директора Карельского научно-исследовательского института культуры С. А. Макарьева. Цит. по: [Сенькина, с. 45]. На совещании присутствовали: М. К. Азадовский, А. М. Астахова, студентки этнографического факультета ЛГИЛИ.

Как видно из описи материалов, Тяпонкина и Каминская преуспели и в том и в другом. Прежде всего они сделали фонографические записи бóльшей части эпических форм, записанных летом 1931 г. от К. Д. Андрианова и А. С. Богдановой-Зиновьевой, некоторые былины и баллады из репертуара Н. Т. Зиновьевой и П. И. Рябинина-Андреева. Вместе с тем им удалось дополнить ленинградские фоно- и рукописные коллекции новыми записями эпических жанров в исполнении К. Д. Андрианова, Е. Б. Сурикова, А. С. Богдановой-Зиновьевой, А. К. Лучиной и поработать с другими сказителями, открытыми в середине 1920-х гг. московскими коллегами, — Михаилом Кириковичем Рябининым, Матреной Кузьмичной Пашовой, Василием Васильевичем Амосовым. Наконец, фонотека ленинградских фольклористов пополнилась записями от трех новых былинщиков: Якова Андреевича Сысоева, Ивана Федоровича Амосова и Феклы Семеновны Амосовой, с которой позже работал К. В. Чистов.

Сличение текстов и фонозаписей показывает, что Каминская и Тяпонкина в основном использовали автономный способ записи: сначала записывался только текст, затем — нередко на следующий день — на фонограф заносился фрагмент исполнения. Каким образом вели собиратели запись эпических текстов — с голоса или с пересказа, делили строку текста, вели запись через строчку (писали «в два карандаша») или как-то иначе, сказать трудно, поскольку в Рукописном отделе Пушкинского Дома и НА КарНЦ РАН сохранились только беловые записи. К сожалению, некоторые образцы так и не были повторно исполнены для фонозаписи, не сохранились и указания на напев.

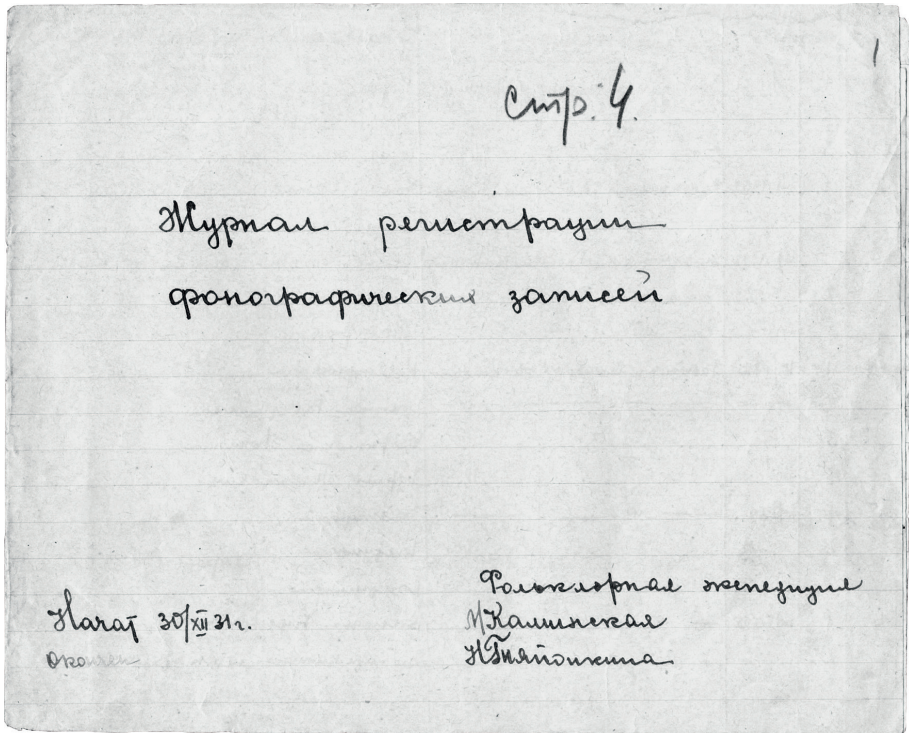
С одной стороны, такой метод работы можно считать упущением, поскольку существовала опасность, утратив фонозапись, лишиться и текстового варианта. С другой стороны, именно автономная запись давала возможность получить дополнительные варианты текстов от одного сказителя, установить устойчивое и вариативное в способах исполнения и в развертывании сюжета, а значит — доставляла материал для наблюдения за творческой манерой сказителя, для выявления его сказительского инвентаря и принципов построения эпических текстов. В некоторых случаях таким образом собирателям удавалось зафиксировать существенные изменения, возникавшие от исполнения к исполнению.

Еще один метод, используемый М. Б. Каминской в работе с молодежью, описала А. М. Астахова: «Она входила в близкие товарищеские отношения с молодежным активом, принимала живое участие в собраниях молодежи, вместе пела, помогала организовывать антирелигиозные вечера и т. п. В результате — получала очень ценный материал» [Астахова 1936].

Эффективность этого метода видна в собрании частушек, часть из которых сохранилась в фонозаписи. Этот метод использовался и позже — в летней экспедиции 1932 г. собирательницам удалось сделать полные звукозаписи кадрили, несколько циклов частушек и песен, в том числе от детей и подростков.

Опись звуковой и рукописной коллекций зимней экспедиции (ФА ИРЛИ. Кол. 106. ФВ 3486–3496; РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 1, 2)

Звуковая коллекция зимней экспедиции состоит из довольно скромного количества фонографических записей, уместившихся на 12 восковых цилиндрах, один из которых не сохранился. Уже в экспедиции Каминская и Тяпонкина вели тетрадь, куда вносили все подробные сведения о фонозаписях и исполнителях (см. ил. 1, 2).

Ил. 1. Титульный лист описи Кол. 106. Автограф Н. Н. Тяпонкиной.
ФА ИРЛИ. П. 60. Ед. хр. 6. Л. 1

№	Дата	Район	Название записи	Имя исполнителя	Содержание	Жанр	Длина	Скорость	Качество записи	Примечания
1	1 30/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Королевица из Крякова	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
2	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Вольга Святославович и Микула Селянинович	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
3	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
2	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
3	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
4	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
5	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.
6	1 31/12/31	Заповедник Селигера на Каргополе	Худая жена, жена умная	Иванов, Иван, Иван, Иван	Кр. средн.	2л.	хорош.	хорош.	хорош.	хорош.

Ил. 2. Фрагмент описи Кол. 106. Автограф Н. Н. Тяпонкиной.
 ФА ИРЛИ. П. 60. Ед. хр. 6. Л. 1 об.—2

Ниже дается описание фоноколлекции с обзором рукописных материалов, собранных в зимней экспедиции 1931/32 гг., и сведениями о маршруте. Это позволит представить последовательность и методику полевой работы молодых, но уже набирающих опыт фольклористов и вместе с тем даст возможность увидеть более широкий контекст хрестоматийных записей русского эпоса.

30 декабря 1931 г.²⁸ в д. Гарницы Сенногубского с/с от П. И. Рябина-Андреева были записаны фрагменты былин «Королевица из Крякова» (ФВ 3486.01) и «Вольга Святославович и Микула Селянинович» (ФВ 3486.02), баллады «Худая жена, жена умная» (ФВ 3486.03). На следующий день М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина продолжили работу с Рябиным и записали от него текст былины «Ставр Годинович и Василиса Микулична», пометив в дневнике важные детали: «Эту былину П. И. Андреев-Рябинин пел в первый раз. Слышал ее от отца. Текст знает хорошо. Забыл только в одном месте, затем пел без перерыва» (РО ИРЛИ. П. 1. Ед. хр. 2. Л. 10).

1 января 1932 г. от него же на фонограф были записаны: баллада «У вдовки было у Распашенки» (ФВ 3487.01) и былина «Чурило Щепенкович и Катерина» (ФВ 3487.02), а в тетрадь — текст былины «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром».

²⁸ Здесь и далее подчеркнуты даты, в которые производились фонографические записи, и названия деревень. Курсивом в тексте выделены сюжеты, которые были записаны студентами ЛГИЛИ в 1931 г. от тех же сказителей.

В следующие, предрождественские и рождественские, дни собирательницы, по-видимому, сконцентрировались на молодежных вечерках, где, помимо полевой работы, вели антирелигиозную пропаганду²⁹. 4 января от Александры Семеновой, 16 л., в тетрадь были записаны тексты 12 частушек на современную тему. 6—9 января записывали песни и частушки от подростков и молодежи на беседах в д. Леликово (38 текстов) и д. Конда (28 текстов).

6 января 1932 г. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина в д. Леликово от трех девочек-подростков: Анны Коросовой (10 л., грамотная, колхозница), Веры Песниной (12 л., грамотная, колхозница) и Тамары Гонжаковой (10 л., грамотная, единоличница, беднячка), помимо рукописных записей частушек, произвели запись на фонограф детской уличной песни «Сенька Рыжий был на улице злодей» (ФВ 3488.01).

9—11 января работа велась в д. Конда Сенногубского с/с.

10 января от Кузьмы Дмитриевича Андрианова (57 л., колхозник, школьный сторож, грамотный, женат) были записаны на фонограф фрагменты исторических песен «*Кострюк Церкашинин*» (ФВ 3489.01), «*Гришка-расстрижка*» (ФВ 3489.02) и былин, ранее от него не записанных: «Добрынюшка Никитич» (ФВ 3489.03) и «Чурило Пленкович» (ФВ 3489.04). В тот же день, а также 11 января от него были записаны тексты исторической песни «Осада Соловецкого монастыря англичанами» и былины «Дунай Иванович» (сюжет «Дунай сватает невесту Владимиру»), но их исполнение по какой-то причине не было записано на восковой цилиндр (скорее всего, Андрианов отказался от звукозаписи, поскольку знал их не крепко и во фрагментах). Наконец, К. Д. Андрианов обнаружил знание застольных песен, ср. запись: «Песни, составленные послушниками Клименецкого монастыря Занежского, глас 4, пение с канонархом: „Достойная ты перцовочка / Многопочтимая ты сивуха...“».

В тот же день, возможно на молодежной вечеринке, было записано несколько серий частушек (темы: колхоз, жизнь в советской деревне) с разными напевами от трех девушек: Александры Антоновны Дутиковой (19 л., грамотная, колхозница), Клавдии Алекс. Агапитовой (18 л., грамотная, беднячка) и Лидии Ивановны Андриановой (16 л., грамотная, колхозница) (ФВ 3490.01, 02, 03).

Наконец, тогда же, 10 января, удалось записать от Егора Борисовича Сурикова (63 г., малограмотный, единоличник, среднезажиточный, женат) не записанные ленинградцами прежде былины «Василий Буслаевич»

²⁹ В дневнике М. Б. Каминской сохранился черновик лекции «Кому нужно Рождество» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3. Ед. хр. 11. Л. 49–53 об.).

(ФВ 3491.01) и «Про царя Калина и князя Владимира» (ФВ 3491.02), а также текст былин «Про Соломона».

11 января М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина переместились в д. Зиновьево, где провели предварительную работу с А. С. Богдановой-Зиновьевой (73 г., батрачка-пенсионерка).

12 января от нее были выполнены звукозаписи большого репертуара: былин «*Добрынюшка Никитич*» (ФВ 3492.01), «*Щурило Щепленкович*» (ФВ 3492.02), «*Иван Годинович*» (сюжет «Молодец и худая жена», ФВ 3492.04), «*Соломон и Василий (Иван) Окульевич*» (ФВ 3493.01) и «Женитьба князя Владимира и Дуная Ивановича» (сюжет «Дунай сватает невесту Владимиру. Непра и Дон», ФВ 3493.02), баллад «*О девяти братьях-разбойниках*» («*Как было у вдовки у Распашеньки*», ФВ 3492.03), «*Девять дочерей — одинакай сын*» (ФВ 3492.05) и исторической песни «*Кострюк*» (ФВ 3493.03). Как можно заметить, запись образцов каждого из жанров велась непоследовательно — либо на основе предпочтений Богдановой, либо исходя из приоритетов собирателей. Кроме того, несколько фрагментов были записаны только в тетрадь: былины «*Маришка курва догадлива*» и «*Василий Буслаевич*», пересказ легенд о богатырше и о папе Римском.

12 января там же были записаны баллада «*Девять братьев и одна сестра*» (ФВ 3494.01) и духовный стих «*Егорий и Елисафия*» («*Про Змея лютою*» (ФВ 3494.02) от Натальи Тимофеевны Зиновьевой (47 л., неграмотная, крестьянка, среднезажиточная, замужем). К сожалению, в этот приезд не был записан ни один из текстов ее обширного репертуара.

13 января, поработав со школьниками в д. Новинки (тексты частушек и песни), группа собирателей перебралась в д. Обозеро Сенногубского с/с, где 14–16 января продолжила вести рукописные записи от разных знатоков заонежского эпоса, отбирать исполнителей и репертуар для дальнейшей работы с фонографом.

17 января в д. Обозеро состоялось несколько сеансов звукозаписи. От известной фольклористам сказительницы Матрены Кузьминичны Пашовой (54 г., неграмотная, среднезажиточная, вдова) на восковой цилиндр была записана баллада «*Насильственное пострижение*» (ФВ 3495.01); две другие баллады («*Девять сыновей и одинакая дочь*» и «*Василий и Софья*») были записаны только в тетрадь. Фекла Семеновна Амосова (52 г., неграмотная, среднезажиточная, вдова) исполнила для записи фрагмент былины «*Про Добрыню Никитича и Алёшу*» (ФВ 3495.02), Яков Андреевич Сысов (41 г., грамотный, бедняк, женат) — былин «*Щурило Щепленкович*» (ФВ 3495.03), Иван Федорович Амосов (31 год, грамотный, среднезажиточ-

ный, женат) — былину «Смелый Алёша Попович» (сюжет «Алёша Попович и Тугарин (Сокольник)», ФВ 3495.04). В исполнении И. Ф. Амосова Каминская и Тяпонкина записали тексты двух революционных песен сатирического плана, а от группы молодежи — частушки «Яблочко».

В следующие дни работа продолжилась в деревнях Кижского сельсовета.

18 января в д. Кизи Тяпонкина и Каминская записали в тетрадь множество частушек от Михаила Кириковича Рябина (34 г., грамотный, колхозник, женат), но звукозапись делать не стали.

19 января, вероятно, из экономии собирательницы дозаписали несколько фольклорных фрагментов на уже использованные восковые цилиндры. Былина «Оротай» (сюжет «Вольга Святославович и Микула Селянинович») в исполнении М. К. Рябина была записана на ФВ 3493.04. В соседней деревне Жарниково на другой фоновалик были дозаписаны: «Пролетарская Пасха» — пародийный парафраз на напев пасхального тропаря и стихиры Пасхи (ФВ 3488.02) и две строфы позднего романса «Матросик» (ФВ 3488.03) от Михаила Федоровича Русинова (26 л., колхозник, служащий, женат). От него же в тетрадь внесли тексты песни-хроники «Гибель Буревестника» и «Поповской Камаринской».

20 января Каминская и Тяпонкина вели рукописные записи в д. Курге-ницы от Анны Кузьминичны Лучиной (74 г., неграмотная, батрачка, вдова), с которой в 1926 г. работала Т. В. Попова. 21 января они записали на фонограф два фрагмента: историческую песню «Гришка-расстрижка» (ФВ 3496.01) и балладу «Было у вдовушки девять дочерей» (ФВ 3496.02). Записей текстов этих эпических жанров в этот день не вели.

21 и 22 января собирательницы активно записывали в тетрадь революционные песни, антирелигиозную сатиру и частушки в д. Жарниково.

23 и 24 января в д. Липовицы рукописные записи эпических жанров велись от Агриппины Федоровны Труховой (53 г., колхозница), а 24 января, согласно реестру, от нее была сделана фонозапись быliny «Бой Добрыни со змеем», правда, неудачная, цилиндр не сохранился или был затерт.

23 января Тяпонкина и Каминская работали в д. Боярщина с Анной Тимофеевной Тихоновой (60 л., среднезажиточная), с которой в 1926 г. встречались участники экспедиции ГАХН. Молодым собирательницам удалось пополнить коллекцию текстами трех баллад (новые тексты: «Насильственное пострижение», «Девять дочерей и одинакий сын») и двух былин («Про Соломона» и новый фрагмент — «Щурило Щапленкович»).

В той же поездке Каминская и Тяпонкина работали еще с несколькими сказителями и знатоками местного фольклора (например, 14 января с Андре-

ем Антоновичем Симоновым из д. Обозеро, 57 л., ср.), но записать их пение и сказывание на фонограф не считали необходимым. Некоторые сказители помнили былины, но не пели, как, например, Александра Кирилловна Ястребова (77 л., инвалид), от которой в Инвалидном доме в д. Клименицы 16 января был записан текст былины о Добрыне и Алёше, или Василий Васильевич Амосов (72 г., зажиточный), рассказавший там же 14 и 15 января несколько былин словесно. Возможно, также сказывался дефицит валиков.

Таким образом, в экспедициях 1931–1932 гг. студентками — подающими надежды специалистами был накоплен важный и в некотором роде уникальный материал по фольклору и этнографии Заонежья и богатый опыт, а также выработана методика полевой работы. И то и другое пригодилось Каминской и Тяпонкиной во время проведения масштабного исследования Заонежья летом 1932 г. (в составе «заонежского отряда» большой карельской экспедиции) и во многом определило вектор дальнейшего изучения эпического наследия края. Наконец, опора на молодые научные силы — студентов и выпускников ЛГИЛИ — ЛИФЛИ — ЛГУ на ближайшее десятилетие стало не только приметой времени³⁰, но и необходимым этапом формирования академической школы Карельского научно-исследовательского института (КНИИ — КНИИК).

Литература

- Астахова 1934 — *Астахова А. М.* Карельские фольклорные экспедиции (1931–1933 гг.) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 215–219.
- Астахова 1936 — *Астахова А. М.* М. Б. Каминская (некролог) // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2/3. С. 462.
- Астахова 1938а — *Астахова А. М.* От составителя // Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. С. 1–5.
- Астахова 1938б — *Астахова А. М.* Былинное творчество северных крестьян // Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. С. 6–105.
- Астахова, Колпакова — *Астахова А. М., Колпакова Н. П.* Старая и новая Карелия в частушке. Петрозаводск: Кирья, 1937. 160 с.
- Былины — Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Советский композитор, 1981. 614 с.
- Былины Заонежья — Былины Заонежья / КарНЦ РАН; Сост. В. П. Кузнецова, А. С. Лызлова, Е. В. Марковская. Петрозаводск: Периодика, 2018. 640 с.: ил., ноты.
- БС — Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. 848 с.: ноты.

³⁰ О роли студентов и молодых ученых в собирательской и научной работе и становлении фольклористической школы в Карельском научном центре см. [Комелина, с. 541–554].

- Иванова — *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с., ил.
- ИП 1960 — Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.
- ИП 1966 — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 386 с.
- Кастров — Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926–1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4–5. С. 403–438.
- Комелина — *Комелина Н. Г.* Советская фольклористика в отдельно взятой республике: Отдел фольклора в Карельском научно-исследовательском институте культуры в 1939–1941 гг. (по материалам архива А. Д. Соймонова) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию поного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 540–554.
- Кузнецова — *Кузнецова В. П.* Былины Заонежья в XX в. // Былины Заонежья / КарНЦ РАН; Сост. В. П. Кузнецова, А. С. Лызлова, Е. В. Марковская. Петрозаводск: Периодика, 2018. С. 10–25.
- Кузнецова, Логинов — *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.) / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 328 с.: ил.
- Кузнецова, Марковская — *Кузнецова В. П., Марковская Е. В.* Фольклорный архив и историческая действительность (на материалах архивов ИЯЛИ КарНЦ РАН) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 338–357.
- Курец — Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 372 с.; 60 ил.
- Марковская — *Марковская Е. В.* Описание коллекций русского фольклора Научного Архива КарНЦ РАН (фонд 1, опись 1) // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: Материалы V науч.-практ. семинара (г. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 125–191.
- Петрова — Духовные стихи Обонежья: (По материалам экспедиций 1926–1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4–5. С. 439–491.
- Родионова, Нагурная, Чикина — *Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В.* Круглый стол «Особенности сохранения культурного и языкового наследия Заонежья // Родной язык. 2020. № 2. С. 307–314.
- Сенькина — *Сенькина Т. И.* Собрание и изучение русского фольклора Карелии в 1920–1930-е годы // Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 43–61.

References

- Alekseeva, O. B., Dobrovolskii, B. M., Emel'yanov, L. I., Korguzalov, V. V., Lozanova, A. N., Putilov, B. N., Sheptaev, L. S., eds. (1966). *Istoricheskie pesni XVII veka*. Moscow, Leningrad: Nauka, 386 p.

- Astakhova, A. M. (1934). 'Karel'skie fol'klornye ekspeditsii (1931–1933 gody)', *Sovetskaya etnografiya*, 1–2, 215–219.
- Astakhova, A. M. (1936). 'M. B. Kaminskaya (nekrolog)', in: *Sovetskii fol'klor: Sbornik statei i materialov*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2/3, 462.
- Astakhova, A. M. (1938). 'Bylinnoe tvorchestvo severnykh krest'yan', in: A. M. Astakhova, ed., *Byliny Severa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1: *Mezen' i Pechora*, 6–105.
- Astakhova, A. M. (1938). 'Ot sostavitelya', in: A. M. Astakhova, ed., *Byliny Severa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1: *Mezen' i Pechora*, 1–5.
- Astakhova, A. M., ed. (1951). *Byliny Severa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2: *Prionezh'e, Pinega i Pomor'e*, 848 p.
- Astakhova, A. M., Kolpakova, N. P. (1937). *Staraya i novaya Kareliya v chastushke*. Petrozavodsk: Kir'ya, 160 p.
- Dobrovol'skii, B. M., Korguzalov, V. V., eds. (1981). *Byliny: Russkii muzykal'nyi epos*. Moscow: Sovetskii kompozitor, 614 p.
- Ivanova, T. G. (2009). *Istoriya russkoi fol'kloristiki XX veka: 1900 — pervaya polovina 1941 goda*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 800 p.
- Kastrov, A. Y. (1998). 'Epicheskie ballady i dukhovnye stikhi Obonezh'ya v zapisyakh 1926–1934 godov', in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, Vol. 4–5, 403–438.
- Komelina, N. G. (2010). 'Sovetskaya fol'kloristika v otdel'no vzyatoi respublike. Otdel fol'klora v Karel'skom nauchno-issledovatel'skom institute kul'tury v 1939–1941 godakh (po materialam arkhiva A. D. Soimonova)', in: I. I. Mullonen et al., eds., *"Kalevala" v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 540–554.
- Kurets, T. S., eds. (2008). *Ispolniteli fol'klornykh proizvedenii (Zaonezh'e. Kareliya)*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 372 p.
- Kuznetsova, V. P. (2018). 'Byliny Zaonezh'ya v XX veke', in: V. P. Kuznetsova, A. S. Lyzlova, E. V. Markovskaya, eds., *Byliny Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 10–25.
- Kuznetsova, V. P., Loginov, K. K. (2001). *Russkaya svad'ba Zaonezh'ya (konets XIX–nachalo XX veka)*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 328 p.
- Kuznetsova, V. P., Lyzlova, A. S., Markovskaya, E. V., eds. (2018). *Byliny Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Periodika, 640 p.
- Kuznetsova, V. P., Markovskaya, E. V. (2020). 'Fol'klornyi arkhiv i istoricheskaya deistvitel'nost' (na materialakh arkhivov Instituta yazyka i literatury Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk)', in: *Studia Litterarum*. Vol. 5, 4, 338–357.
- Markovskaya, E. V. (2012). 'Opisanie kolleksii russkogo fol'klora Nauchnogo arkhiva Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (Fond 1, opis' 1)', in: *Polevye issledovaniya i arkhivatsiya fol'klornykh i etnograficheskikh materialov: Materialy V nauchno-prakticheskogo seminara (gorod Petrozavodsk, 21–22 marta 2012 goda)*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 125–191.
- Petrova, L. I. (1998). 'Dukhovnye stikhi Obonezh'ya (Po materialam ekspeditsii 1926–1932 godov)', in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4–5, 439–491.

- Putilov, B. N., Dobrovol'skii, B. M., eds. (1960). *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 696 p.
- Rodionova, A. P., Nagurnaya, S. V., Chikina, N. V. (2020). 'Kruglyi stol "Osobennosti sokhraneniya kul'turnogo i yazykovogo naslediya Zaonezh'ya"', *Rodnoi yazyk*, 2, 307–314.
- Sen'kina, T. I. (2012). 'Sobiranie i izuchenie russkogo fol'klora Karelii v 1920–1930-e gody', in: Sen'kina, T. I. *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii fol'kloristiki Karelii. Ocherki i materialy*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 43–61.

С. Ю. Харькова

ЦЕРКОВЬ / ХРАМ / СОБОР В ЭПИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЫЛИН

Резюме

Задача статьи состоит в рассмотрении сюжетов и мотивов былин, в которых упоминается церковь, и в попытке определения места и семантики церкви (храма) в художественном мире былин. Для анализа были отобраны севернорусские былины из уже вышедших томов Свода русского фольклора (записанные на реках Печора, Мезень, Кулой, Пинега, на Зимнем берегу Белого моря и в Пудожье), обращено внимание на то, как и в каком контексте упоминаются в них церкви. Рассмотрены встречающиеся в былинах виды церквей, элементы их экстерьера и интерьера, посвящения церквей, церковные таинства и службы, персонажи — строители и служители церквей. В результате исследования делается вывод о прочности вхождения локуса «церковь» в былины, о ключевом месте церкви в эпическом мире былин и о присутствии в ее семантике не только и не столько «смыслов» из духовной сферы, сколько довольно ярких семантических оттенков, связанных с политической, социальной и экономической областями жизни. Таким образом, церковь, хотя и является, как указано в Словаре языка русского фольклора, наиболее распространенной лексемой (концептом) былин из кластера «религия», по существу, не так много может дать для изучения духовной сферы жизни, отраженной в былинах, но при этом она предоставляет возможность многоаспектного анализа художественного мира русских былин.

Ключевые слова: былины, церковь, Русский Север, христианство, православие

A CHURCH / A TEMPLE / A CATHEDRAL IN THE EPIC WORLD OF THE RUSSIAN *BYLINA*

Abstract

The aim of this article is to consider plots and motifs of Russian epic poems (*byliny*) that mention churches and to determine the place and semantics of the church in the imagery of the *byliny*. The study uses the continuous sampling method to select certain *byliny* from the multitude of the Northern Russian epic texts that were recorded on the rivers Pechora, Mezen, Kuloi, Pinega, on the Winter Coast of the White Sea, and in the Pudozh region and that were published in volumes of the *Svod russkogo folklora* (Code of Russian folklore). Special attention is paid to the way and the contexts in which churches are mentioned in these texts. The study considers different types of churches, their founders and clergymen, their dedications, elements of their exterior and interior, and church sacraments and services. The analysis leads to the conclusion that a "church" was a well established key locus on the map of the Russian epic world and that its semantics does not only pertain to the religious sphere but also reveals distinct shades of meaning, which are related to politics, economy, and social life. In fact, although the *Slovar' iazyka russkogo folklora* (Dictionary of the language of Russian folklore) shows that "church" is the most common lexeme (concept) in the "Religion" cluster, it is of little value for the study of the religious sphere that is reflected in the *byliny*. It provides, however, an opportunity for a multidimensional analysis of the imagery of the Russian epics.

Keywords: *byliny*, Russian epics, church in epics, Russian North, motifs, plots, Christianity, Eastern Orthodoxy

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-149-160

Статья посвящена частному проявлению большого феномена — христианство в былинах, который одним из первых на современном этапе развития науки комплексно изучал Юрий Александрович Новиков¹. Материалом для статьи послужили севернорусские тексты, записанные на реках Печора, Мезень, Кулой, Пинега, на Зимнем берегу Белого моря и в Пудожье и опубликованные в Своде русского фольклора².

¹ Наблюдения ученого над этим феноменом отразились в главе «Христианские мотивы и образы в былинах» его монографии [Новиков 2013, с. 111–150], в отдельной статье [Новиков 2014], а также в подготовленных им статьях и сюжетных комментариях к былинам, опубликованным в Своде русского фольклора.

² Далее в статье обозначены как Печ. [Былины Печоры], Мез. [Былины Мезени], Кул. [Былины Кулоя], Пин. [Былины Пинеги], ЗБ [Былины Зимнего берега Белого моря], Пуд. [Былины Пудогги] с номерами, под которыми тексты находятся в соответствующих томах Свода русского фольклора.

Согласно Словарю языка русского фольклора, посвященному былиной лексике, *церковь* — самая распространенная лексема (концепт) среди относящихся к кластеру «религия» (236 словоупотреблений), на втором месте — *крестовый* (227 словоупотреблений), на третьем — *крест* (205 словоупотреблений) [Бобунова, Хроленко, с. 141–156]. Ю. А. Новиков определил основные сюжетные ситуации, в которых церкви могут упоминаться в былинах: вражеское нашествие на Русь; венчание; молитва в церкви перед выездом из дома; мотивировка отсутствия хозяина дома его нахождением на церковной службе; строительство героем церкви; наказ героя матери в случае его смерти раздать золотую казну, в том числе по церквям; выговор одного персонажа другому за неправильное поведение в церкви (разговоры во время службы). Исследователь указал, что «в эпическом мире православные храмы всегда изображаются как нарядные и красивые строения» [Новиков 2013, с. 124], а также что «в былинах иногда упоминаются конкретные христианские храмы и монастыри» [Новиков 2013, с. 125]. Неотъемлемые атрибуты церкви — такие как «колокольный звон, четъё-петьё церковное, как и белый свет / солнце красное, в эпосе приобретают символическое значение, становятся синонимами жизни» [Новиков 2013, с. 127]. «Во время церковного богослужения эпические персонажи (...) занимают места согласно устоявшейся „табели о рангах“» [Новиков 2013, с. 174].

Изучением христианства в былинах занимается и А. Н. Розов, который, в частности, подготовил указатель наиболее важных общесевернорусских былинных мотивов, связанных с православием. Согласно указателю, к церкви относится реализация следующих из них: а) крещение; б) венчание; в) храм, построенный богатырем по обету; г) церковные службы; д) церковный клир; е) надругательство над храмом» [Розов, с. 282].

Продолжая наблюдения наших предшественников, обратим внимание на некоторые другие особенности упоминания церквей в былинах и начнем с сюжетов. Рассмотренный нами севернорусский материал показывает, что церковь встречается почти во всех былинных сюжетах, за исключением таких как «Вольга и Микула», «Святогор и тяга земная», «Святогор и Илья Муромец», «Илья Муромец и разбойники», «Бой Добрыни с Дунаем», «Непра и Дон», «Чурила Плёнкович и князь», «Бутман», «Глеб Володьевич», «Данило Борисович». Все перечисленные сюжеты — редкие, в основном они характеризуются ограниченным ареалом распространения, наука имеет небольшое количество их фиксаций.

В большинстве былинных сюжетов рассматриваемый локус чаще всего обозначается как «Божья церковь».

<i>Обозначение церкви</i>	<i>Распространенность</i>
Печора	
Божья церковь	62 текста (от 37 сказителей)
Соборная церковь	11 текстов (от 10 сказителей)
Храм-церковь соборная	3 текста (от 1 сказителя)
Храм-церковь Божия	1 текст
Соборная Божья церковь	1 текст
Православная церковь	2 текста (от 2 сказителей)
Церковь (<i>без определений</i>)	9 текстов (от 7 сказителей)
Собор (<i>без определений</i>)	1 текст
Храм Божий	1 текст
Церковь обydённая	1 текст
Церковь (бело)каменная	1 текст
Мезень	
Божья церковь	43 текста (от 28 сказителей)
Соборная церковь	3 текста (от 3 сказителей)
Церковь (<i>без определений</i>)	6 текстов (от 5 сказителей)
Православные церкви	2 текста (от 2 сказителей)
Святые церкви	2 текста (от 2 сказителей)
Храмы Божии	1 текст
Церковь-храм	1 текст
Кулой	
Божья церковь	25 текстов (от 16 сказителей)
Соборные церкви	3 текста (от 3 сказителей)
Собор (Божьей Матери)	1 текст
Пинега	
Божья церковь	15 текстов (от 12 сказителей)
Соборные церкви	2 текста (от 2 сказителей)
Церковь (<i>без определений</i>)	6 текстов (от 5 сказителей)
Церковь белокаменная	1 текст
Свещенной <i>(так!)</i> храм	1 текст
Божий храм	1 текст
Зимний берег Белого моря	
Божья церковь	46 текстов (от 19 сказителей)
Соборная церковь	3 текста (от 2 сказителей)

Церковь (<i>без определений</i>)	5 текстов (от 6 сказителей; один из текстов исполняли две сказительницы)
Храм	1 текст
Храмы Божьи	1 текст
Церкви, храмы Божии	1 текст
Соборы, храмы Божьи	1 текст
Пудога	
Божья церковь	68 текстов (от 37 сказителей)
Соборная церковь	45 текстов (от 18 сказителей)
Церковь (<i>без определений</i>)	16 текстов (от 12 сказителей)
Богомольная церковь	5 текстов (от 3 сказителей)
Богомольская церковь	1 текст
Божий храм	2 текста (от 2 сказителей)
Присвящённая <i>(так!)</i> церковь	2 текста (от 2 сказителей)
Храм	1 текст
Великая церковь	1 текст
Соборы великие	1 текст
Обрущённая <i>(так!)</i> церковь	1 текст

Из приведенной таблицы видно, что русскому былинному эпосу хорошо известны *соборные церкви*. Среди других типов храмов обнаруживаются *домовые и усадебные церкви*. Так, в некоторых кулойских вариантах былинны о Дюке Степановиче подчеркивается, что церкви расположены на территории его усадьбы: «во той во оградоцьки во великою» (*Кул.* 61, ст. 16); «в широком двори было три церквы три соборныя» (*Кул.* 62, ст. 10). В мезенском варианте: «В дому его было три церкви, три Божиих» (*Мез.* 143, ст. 10). *Домовый храм* в одном из текстов строит Соловей Будимирович: за ночь он возвел терем «со крутым крыльцом и со Божьей церковью, / Чтоб повенчаться (...) во свои церкви» (*Печ.* 167, ст. 56–57). Кроме того, могут упоминаться *обидённые церкви*, то есть построенные за один день, по обету (на нашем материале такое обозначение церкви встретилось в одном тексте — *Печ.* 250, ст. 53, 180).

Строителями церквей (или иногда — часовен) могут выступать такие персонажи, как *Садко* (в 13 текстах от 12 сказителей: *Печ.* 250, 251, 252, 254, 255; *Кул.* 106; *Пин.* 178; *ЗБ* 121; *Пуд.* 525, 526, 531, 532, 536), *Илья Муромец* (в 5 текстах от 5 сказителей: *Печ.* 52; *Пин.* 154; *Пуд.* 279, 281, 282), *Михайло Потык* (в 5 текстах от 4 сказителей: *Пуд.* 307, 308, 309, 315,

317), *калика Касьян* (в одном тексте: *Пуд.* 416) и уже упомянутый *Соловей Будимирович* (в одном тексте: *Печ.* 167).

В былинах может указываться, какому святому или какому событию из Священной истории посвящен упоминаемый храм. Чаще всего былинная церковь бывает посвящена *святому Николаю / Миколу* (в 18 текстах: *Печ.* 250, 251, 255; *Кул.* 61, 63; *Пин.* 178; *ЗБ* 86, 121; *Пуд.* 281, 307, 308, 309, 315, 317, 416, 525, 526, 531, 532, 536). Другие возможные варианты — освящение храма во имя *Богородицы* (в 8 текстах: *Печ.* 253; *Мез.* 143; *Кул.* 5, 103; *Пин.* 154; *Пуд.* 307, 308, 526), *Спасителя / Спаса Пречистого* (в 4 текстах: *Мез.* 143; *Кул.* 61; *Пуд.* 281, 308), *Воскресения* (в 4 текстах: *Мез.* 131, 176, 178; *Кул.* 61), *Преображения* (в 2 текстах: *ЗБ* 120; *Пуд.* 524), *Георгия Храброго / Егория* (в 2 текстах: *Пуд.* 281, 315), *Михаила Архангела* (в одном тексте: *Пуд.* 307), также есть текст, в котором говорится о храме с двумя престолами — *во имя Миколы Святителя и Спаса Пречистого* (*Кул.* 106). Иногда упоминаются и исторически известные именованные церкви, как это и отмечал Ю. А. Новиков. На нашем материале это *Иван Великий* (в 3 текстах от 3 сказителей: *Пуд.* 197, 201, 283) и *София Премудрая в Киеве* (в 3 текстах от одного сказителя: *Пуд.* 527, 529, 530).

Ключевое положение церквей в эпическом пространстве былин подчеркивается реализацией сюжетобразующих общеэпических мотивов — угрозы врагов Руси (в том числе церквам) и защиты богатырями Руси (в том числе церквей). Политико-географическое значение церквей для карты былинного мира иногда подчеркивается идеей, которую можно сформулировать так: «*чем больше в поселении церквей, тем это поселение больше*». В пудожских текстах сюжета «Наезд литовцев» с помощью приема троекратного нарастающего повторения показано, что литовцы разоряют всё более и более крупные села на Руси: сначала с тремя церквами, потом с шестью, потом с девятью (в 3 текстах от 3 сказителей: *Пуд.* 539, 541, 544).

Высокий статус церквей в эпическом мире подчеркивает и проговариваемая некоторыми сказителями *идея необходимости красиво одеваться, идя в церковь*. Художественно яркую форму она получила в сюжете «Дюк Степанович и Чурила Плёнкович»: часто именно в церкви происходит состязание героев платьем. Кроме того, в некоторых текстах Дюк просит мать прислать ему «*цветной платье да самолучшее, / Да в которое хожу во Божью церкву*» (*Печ.* 139, ст. 316–317). Та же идея отразилась и в некоторых нетрадиционных мотивах: Катерина, оправдываясь перед мужем, обнаружившим одежду / коня Чурилы, говорит, что их она купила для него «*кабы ездить во церковь да во Божью нонь*» (*Печ.* 154, ст. 71, а также *Печ.* 155,

ст. 85–86 — от разных сказителей); Лука из былины «Лука, Змея и Настасья», собираясь в церковь,

Хорошешинько он да снаряжайтца,
Надевает на себя да платьё цветное,
Он ведь цветное платье, сам церковное
(*Печ.* 279, ст. 18–20; сходно: *Печ.* 281, ст. 2–3).

Некоторую частотность получило указание на то, что, идя в церковь, герои старины «Чурила и Катерина» — обманутый муж и / или служанка — надевают цветное платье (*Печ.* 158; *Кул.* 67; *ЗБ* 90).

Как отмечал Б. Н. Путилов, «всё, что описывается в былинах, — люди, их отношения, события, предметы, места действий, — описывается неизменно в связи с сюжетом, „внутри“ сюжета» [Путилов, с. 25]. То же касается и описания интерьера и экстерьера церкви: в былинах есть упоминания только о тех их элементах, которые важны для развития действия. В малом количестве текстов действие начинает разворачиваться у *церковной ограды* (в 3 текстах от 2 сказителей: *Печ.* 60, 193; *Кул.* 60) или *церковных ворот* (в 4 текстах от 4 сказителей: *Печ.* 139, 174, 199, 279), на *церковном крыльце* (в 2 текстах от 2 сказителей: *Мез.* 41; *Пуд.* 363), *наперти* (в одном тексте: *Пуд.* 348) или *церковных ступенях* (в одном тексте: *Пуд.* 268). Значительно чаще упоминаются *маковки*, то есть церковные купола, и венчающие их *кресты* — в 17 текстах от 15 сказителей (*Печ.* 49, 250; *Мез.* 190; *Кул.* 100; *Пуд.* 167, 201, 207, 217, 222, 223, 242, 243, 266, 268, 272, 289, 357). (Отдельно подчеркнем, что в рассмотренном нами былинном материале мотив стрельбы Ильи Муромца по церковным маковкам и крестам был обнаружен только в 3 текстах: *Пуд.* 266, 268, 272.) В пудожских записях получило распространение образное сравнение «*выше церквей*», основанное на высотном доминировании церкви относительно прочих построек (в 6 текстах от 5 сказителей: *Пуд.* 63, 69, 70, 191, 201, 283). Некоторые былинщики называли церкви *каменными* или *белокаменными* (*Печ.* 255; *Пин.* 69; *Пуд.* 357).

Из элементов внутреннего устройства храма наиболее часто сказители упоминали *клиросы* (или *крылосы*) (в 10 текстах от 9 исполнителей: *Печ.* 138, 141, 148, 155, 159, 174; *ЗБ* 85; *Пуд.* 342, 357, 366). В варианте А. М. Крюковой церковь в Иерусалиме, к которой отправляется Василий Буслаевич, имеет «двенадцать-то <...> престолов-то, двенадцать крылосов» (*ЗБ* 120). *Алтарь* был обнаружен лишь в одной записи редкой былины

«Лука, Змея и Настасья» (*Печ.* 281). Единичным оказалось и упоминание «*местечка гостиного*» в церкви (*Мез.* 143).

Среди предметного мира церковей чаще всего выделяются *образа, чудные иконы, иконы Божьи, чудные образы, святые иконы* (в 14 текстах от 13 сказителей: *Печ.* 129, 252, 253, 255; *Мез.* 308; *ЗБ* 36, 82, 83, 91, 93; *Пуд.* 210, 246, 385, 524). Какие именно иконы есть в былинных церквях, сообщается редко: «ко тому ко образу Преображенскому» (*Пуд.* 523, ст. 47); «Спас-образ» (*Пуд.* 197, ст. 100, а также *Пуд.* 531, ст. 235); «Становилися против Божьей Матери, / Простояли обедню воскресенскую» (*Пуд.* 338, ст. 722–723). О том, что в церкви находятся мощи святых (*Мез.* 190), а также свечи и лампы (*Пуд.* 348), люстры золочёные (*Пуд.* 366), большинство былинщиков не сообщает.

Среди таинств и служб, которые совершаются в былинной церкви, наиболее частотны *обедни* (в 102 текстах), *венчания* (в 98 текстах), *заутрени* (в 65 текстах), *молебны* (в 15 текстах), *панихиды* («*панафиды*») (в 11 текстах). Крайне редки оказались *вечерни* (в 3 текстах от 3 сказителей: *ЗБ* 71; *Пуд.* 314, 338), *всенощные* (в 2 текстах от 2 сказителей: *Пуд.* 348, 356). Из семи таинств входят в сюжетную канву былин, помимо венчания, также *крещение* (но при этом далеко не всегда упоминается церковь — иногда крещение, согласно былинам, происходит на дому), *исповедь и причастие*. Последние в основном появляются в сюжетах о борьбе с врагами Руси — «Исцеление Ильи Муромца» (контаминированные тексты) (*Пуд.* 167, 168, 171, 172), «Илья Муромец и Идолище» (*Пуд.* 223), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (*Пуд.* 192, 195, 197, 198, 202, 205, 206, 209, 211, 214), «Камское побоище» (*Кул.* 28, 29; *Пин.* 22), «Василий Игнатьевич и Батыга» (*Кул.* 100, 102, 103, 105), в сводных текстах об Илье Муромце (*Пуд.* 287, 294). Как правило, темы покаяния и причастия возникают в связи с возможной перспективой скорой смерти:

И зашли мужи-то бежеговцы
В тую во церковь соборную.
Они каются да причащаются,
На смертную казнь снаряжаются.

(*Пуд.* 167, ст. 51–54; сходно:

Пуд. 199, 202, 205, 206, 287, 297).

Та же идея необходимости обращения к Богу перед возможной смертью, видимо, направляет и путь многих былинных героев в церковь

перед выездом из дома: Добрыни Никитича (*Пуд.* 47), Добрыни Никитича и Василия Казимировича (*Печ.* 17, 18), Ильи Муромца (*Печ.* 76), богатырей перед Камским побоищем (*Печ.* 105), Садко (*Печ.* 250, 252, 253, 256). По сходной причине — перед казнью — в одной пинежской былине отправляется в церковь и сестра Збродовичей (*Пин.* 56). В мезенском материале иногда князь молится в церкви перед смертельной для Руси опасностью (в 4 текстах от 2 сказителей: *Мез.* 99, 100, 101, 102). Молитва же в церкви по возвращении домой, завершении опасного дела (очевидно благодарственная) была обнаружена только в одном тексте (*Печ.* 17).

Лишь в двух явно независимых друг от друга текстах проявилась *семантическая связь «церковь и грамотность»*: «Стал ходить Добрыня во Божью церковь, / Стал учиться Божьей грамоте» (*Печ.* 12, ст. 32–33); «Ну-ка, Ек(им) Ив(анович), ты грамотей был, в церкви читал. Прочти-ка, что тут на камени надписано» (*Пин.* 170, ст. 11–12).

Некоторую частотность на Русском Севере получил мотив *распределения имущества погибшего или побежденного героя*. «Именье» может разделяться между князем, дружиной, боярами, женой героя, нищими и сиротами, а также церквями. В этом контексте церкви упоминаются в пудожских старинах о Садко (в 4 текстах от 3 сказителей: *Пуд.* 525, 526, 531, 532) и в зависимом от книги пинежском варианте того же сюжета (*Пин.* 178), в печорской записи «Василия Игнатъевича и Батыги» (*Печ.* 201), в записанном на Зимнем берегу Белого моря тексте на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (*ЗБ* 33). Это не единственные примеры отражения в былинах экономической стороны жизни церкви — встречаются такие сюжетные детали, как наказ рассылать золотую казну по церквам и монастырям, чтобы в них молились за Добрыню (*Кул.* 6; *ЗБ* 19, 20, 21), «молебен во пятьсот рублей» (*Печ.* 31, ст. 95), желание Василия Буслаевича отвезти в Иерусалим «немало положеньё — сорок тысячечей» (*Печ.* 244, ст. 13).

Что касается священнослужителей и церковнослужителей, то в рассмотренном нами материале встретились *попы* (в 108 текстах), *дьяки* (*духовные*) / *дьяконы* (в 19 текстах), *дьячки* (в 2 текстах), *малые поддьяки* (в одном тексте), *причетники* (в 14 текстах), *патриархи* (в 2 текстах от одного сказителя), *певчий* (в одном тексте), *звонарь* (в одном тексте), *священник* (в одном тексте), *отче / владыка черниговский* (в 2 текстах). Подробное рассмотрение их образов может стать темой для отдельного исследования, пока же отметим, что наиболее частотно встречается негативная характеристика попов, известная и по другим жанрам фольклора. Мотив «глаза завидушие, руки загребушие» (в 29 текстах), мотив «обжорчивой» поповой

коровы или собаки (в 9 текстах) создают отрицательную оценку служителей церкви, основанную на таких качествах, как алчность и стремление к материальным ценностям.

Выводы

Если принять традиционное разделение жизни общества на четыре сферы — политическую, экономическую, социальную и духовную, то, несомненно, церковь как институция принадлежит духовной сфере, но при этом церковь как былинный локус демонстрирует принадлежность к этой сфере в меньшей мере, чем ко всем другим. Так, ярко обозначена политическая значимость былинной церкви (согласно былинам, это государственная святыня, которую стремятся захватить враги и которую защищают богатыри; там «пристойно» находиться князю или высокопоставленной матери Дюка Степановича — именно там их часто обнаруживают приехавшие к ним гости). В былинах звучит и характеристика церкви как некоторого экономического центра (туда посылается казна погибшего или побежденного; былинщики могут прямо говорить о платности церковных треб). Большую выразительность имеет и то, что можно назвать социальной значимостью церкви в былинном мире: мы уже приводили слова Ю. А. Новикова о том, что в былинах персонажи нередко занимают место в церкви на службе в соответствии со своим статусом в обществе; к той же сфере можно отнести и мотив соревнования Дюка и Чурилы платьем, проходящего часто именно в церкви, а также явление домовых и усадебных церквей, подчеркивающих статусность своих владельцев. В этом контексте показательна и значительно бо́льшая вовлеченность в сюжеты былин клироса, а, например, не алтаря.

Несомненно, былинная церковь имеет сакральный характер (не зря враги хотят захватить именно церковь, некоторые богатыри находят важным для себя построить церковь, да и факт особой нарядной, «цветной» одежды для церкви также подчеркивает ее особый статус), однако эта сакральность оказывается в былинах спрятанной, в буквальном смысле сокровенной, подразумеваемой, а не находящейся на поверхности. При этом очень сложно представить эпическое пространство былин без локуса церкви: без него будут обеднены многие мотивы и сюжеты. Прочность вхождения самого понятия в «концептосферу» былин проявилась и в формировании довольно устойчивой формы его обозначения — *Божья церковь*.

Литература

Бобунова, Хроленко — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / Курск. гос. ун-т. Научно-исслед. лаб. «Фольклорная

- лексикография». Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2006. Ч. 2: Мир человека. 192 с.
- Былины Зимнего берега Белого моря — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. 995 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Кулоя — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. 924 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Мезени — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2003–2006. Т. 3–5: Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. 531 с. + 714 с. + 600 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Печоры — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1–2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. 773 с. + 784 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пинеги — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. Т. 7: Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. 974 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудогы — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. Т. 16–18: Былины Пудогы / Изд. подготовили М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1063 с. + 952 с. + 1296 с. + 882 с. (Свод русского фольклора).
- Новиков 2013 — Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения: (Из текстологических наблюдений над былинами) / Литовский эдукологический ун-т. Филол. ф-т. Каф. рус. лит. и межкультурной коммуникации. Вильнюс: Edukologija, 2013. 360 с.
- Новиков 2014 — Новиков Ю. А. Христианская вера, монастыри и храмы в былинах // Церковь Преображения Господня на острове Кижи: 300 лет на Заонежской земле: Сб. ст. / Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск: [б. и.], 2014. С. 311–326.
- Путилов — Путилов Б. Н. Былины — русский классический эпос // Былины / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5–46.
- Розов — Розов А. Н. Православные мотивы в севернорусских былинах // Розов А. Н. Русская народная культура: (Избранные труды: 1974–2017 гг.). СПб.: Лема, 2017. С. 265–285.

References

- Bobunova, M. A., Khrolenko, A. T. (2006). *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny*. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 2, 192 p.
- 'Byliny Kuloya' (2011), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 6, 924 p.

- 'Byliny Mezeni' (2003, 2004, 2006), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 3–5, 531 + 714 + 600 p.
- 'Byliny Pechory' (2001), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 1–2, 773 + 784 p.
- 'Byliny Pinegi' (2012), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 7, 974 p.
- 'Byliny Pudogi' (2013–2016), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 16–18 (1, 2), 1063 + 952 + 1296 + 882 p.
- 'Byliny Zimnego berega Belogo morya' (2018), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 8, 995 p.
- Novikov, Yu. A. (2013). *Epicheskii mir i sposoby ego khudozhestvennogo voploshcheniya (Iz tekstologicheskikh nablyudenii nad bylinami)*. Vilnius: Edukologija, 360.
- Novikov, Yu. A. (2014). 'Khristianskaya vera, monastyri i khramy v bylinakh', in: I. V. Mel'nikov, ed., *Tserkov' Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 let na Zaonezhskoi zemle: Sbornik statei*. Petrozavodsk: [s. a.], 311–326.
- Putilov, B. N. (1986). 'Byliny — russkii klassicheskii epos', in: B. N. Putilov, ed., *Byliny*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 5–46.
- Rozov, A. N. (2017). 'Pravoslavnye motivy v severnorusskikh bylinakh', in: Rozov, A. N. *Russkaya narodnaya kul'tura (Izbrannye trudy: 1974–2017 gody)*. Saint Petersburg: Lema, 265–285.

Л. И. Петрова

ИЗ НЕИЗДАННОГО: ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. П. ВЕРЕЩАГИНА

Резюме

Тесно связанные в своих истоках с древнерусской письменностью, духовные стихи в меньшей степени (во всяком случае, на первый взгляд) подвержены территориальному варьированию, нежели былины или исторические песни. Тем не менее изучение этого жанра с точки зрения региональной специфики — одна из важнейших научных задач, все еще стоящих перед исследователями. Но для ее решения требуется сравнительный анализ максимально возможного количества записей духовных стихов, прежде всего духовных стихов эпических, фактически уже прекративших свое бытование в современных условиях. В этой связи выявление и введение в научный оборот архивных материалов приобретает все большее значение. В настоящей работе публикуются записи духовных стихов, осуществленные в середине XIX столетия учителем Онежского уездного училища А. П. Верещагиным в г. Онеге от крестьянина села Нименга (Нименьга), расположенного на Поморском берегу Белого моря. Представлены три сюжета: «Аника-воин», «Егорий Храбрый», «Пятница и Трудник». Тексты сопровождаются краткими комментариями, основанными на сопоставлении с записями из других регионов Русского Севера и выявляющими некоторые отличительные особенности каждого из публикуемых вариантов.

Ключевые слова: духовные стихи, Поморье, Аника-воин, Егорий Храбрый, А. П. Верещагин

UNPUBLISHED SPIRITUAL POEMS RECORDED BY
ALEKSANDR PETROVICH VERESHAGIN

Abstract

Since Russian spiritual poems have their origin in medieval Russian literature, it is not surprising that at first glance they display fewer territorial variations than epic poems (*byliny*) or historical songs. The study of this genre from a regional perspective requires a comparative analysis of the greatest possible number of records of spiritual verses and epic spiritual verses that have largely vanished in the modern world. From this perspective, the identification and publication of archival records is becoming essential for scholarly research. This article presents a publication of spiritual poems that Aleksandr Petrovich Vereshagin, a teacher in the Onega district school, recorded from a peasant of the village of Nimenga, located on the Pomorskii coast of the White Sea. The recording occurred in the city of Onega in the middle of the 19th century. The texts present plots about Anika the Warrior, Egorii the Brave, and Piatritsa and Worker-Pilgrim (*Trudnik*). Brief comments, which accompany the publication, compare these texts with records taken in other regions of the Russian North and point out some of their distinct features.

Keywords: spiritual poems, Pomorie, Anika the Warrior, Egorii the Brave, Aleksandr Vereshagin

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-161-175

Представленные в настоящей работе тексты духовных стихов записаны в начале 1850-х гг. (точнее — до декабря 1853 г.) в г. Онеге родным братом знаменитого художника Василия Петровича Верещагина Александром Петровичем Верещагиным [Васкул], на тот период — учителем Онежского уездного училища. Четыре духовных стиха («Про Егорья Храбраго», «Про Анику-воина», «Старина про змею в Рахлейском царстве», «Явление Пятницы убогому пустыннонику») были пропеты ему крестьянином села Нименга (Нименьга) Онежского уезда Архангельской губернии Иваном Пахомовым. По свидетельству собирателя, это был старик, обладавший «редкой памятью при незнании грамоты», заучивший тексты «от таких же стариков, коренных жителей Онежского и Кемского уездов»¹. Причины, по которым Иван Пахомов оказался в Онеге, остаются неизвестными. В своей статье «Поморье и былинная традиция на нем» А. Д. Григорьев, в частности, отмечал: «Старик везут на продажу (между прочим в г. Онегу) наловленную весной рыбу» [Григорьев, с. 6]. Возможно, с этой целью прибыл в город и крестьянин села

---

¹ РГО. Р. 1. Оп. 1. № 103. Л. 1–1 об.

Нименга (Поморский берег Белого моря). Но не исключено и другое. Иван Пахомов мог быть одним из обедневших деревенских жителей, которые, сродни каликам перехожим, тоже ходили по близлежащим уездным городам и селам и пели за вознаграждение духовные стихи и былины².

Из четырех записанных А. П. Верещагиным текстов опубликован до настоящего времени только один — на сюжет «Егорий и Змей» [Верещагин]. Перебеленные рукописи трех других духовных стихов хранятся в двух разных архивах: РГО и СПбФ АРАН. Вводимые в научный оборот тексты представляют определенный интерес в плане изучения региональной специфики этого жанра.

Согласно утверждениям собирателя, тексты были записаны им «с совершенной точностью», он «старался, хотя не во всех мелочах, удерживать правописание, свойственное местному произношению»³. Все особенности написания в настоящей публикации сохранены. Исключение составляет замена строчной буквы на прописную при обозначении персонифицированных образов (Чудо, Диво, Смерть). Пунктуация приведена в соответствие с современными правилами.

Про Анику-воина⁴

- Был-жил Аника-воин.
Проживал Аника триста девяностолет⁵
И все пасса⁶ и берегся Чуда чудного,
Смерти чудныя, Смерти страшныя.
5 А все розорял пұстыни⁷ и монáстыри,
Положил свое злобно намереньё —
Святая святых да розорити
И по чисту́ полю бревна развозити.
Настречу Аники — Чудо чудно, Диво дивно:
10 Ноги-ты у Чуда-то звериныя,
Голова-та у Чуда человеческа,
А тўлово у Чудова лошадиноё.
Говорил Аника таковы слова:
«Што ты за Чудо за чудноё?»

---

² В репертуар Ивана Пахомова входили также былины и исторические песни.

³ РГО. Р. 1. Оп. 1. № 103. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 24–25.

⁵ Так в ркп.: вероятно, вместо *девяносто*.

⁶ То есть *опасался*.

⁷ Здесь и далее, в ст. 45 и 52, ударение над этим словом в ркп. отсутствует.

- 15 Али ты еси царь, али царица ты?
Али князь еси ты, али княгиня ты?
А(л)и ты еси да палениця уда́лая?
Али ты еси хресьянина жена хресьянская?»
Отвечало Чудо чудноё, Диво дивноё:
- 20 «Я есмь не царь, да и не царица я,
Я есмь не князь да не княжна же,
Я есмь не палениця вить удалая,
И не хресьянина же я жена хресьянская.
А я есмь Чудо чудное — да я вить Смерть,
25 И Смерть вить я, да Смерть престрашная!»
Становился тут Аника против Чудова:
«Я вить тебя, Чудо, конем стопчу,
Да я вить тебя, Чудо, копьем сколю!»
Отвечало Чудо таковы слова:
- 30 «Были богатыри-то вить славне тебя!
Был Самсон-богатырь — тот славне тебя,
Был Полкан-богатырь — тот славне тебя.
Те сдалися вить, склонилися,
Под мою вить руку преклонилися —
35 Тобе же, Аника, быть под моёй рукой!»
А сам-от Аника умудряется:
Как дерзнуть бы ему нать на Чуда?
И сам же Аника спасается:
Да как бы от Чуда избавиться?
40 Дерзнул он на Чуда на своем кони —
А втогда уж он и под конем лежит,
А Чудо у Аники наверху сидит.
Просил у Чуда Аника времени на три годь,
Штобы в этое время именье-богасьво свое
45 По пúстыням и мона́стырям рóзвозить.
Отвечало Чудо чудноё таковы слова:
«Да не дам я тебе сроку на три годь:
У тебя вить именье несправедно,
Твоей души польза не будёт!»
- 50 Просил у Чуда Аника сроку на́ три месяца,
Штобы в этое время именье-богасьво свое
По пúстыням и мона́стырям рóзвозить.
«Да не дам-то времени и на́ три месяца:

- Вить твое именьё неправедно,
55 Да твоёй души вить польза не будёт!»
Просил Аника у Чуда сроку на три часа.
Да не дало ему Чудо и на три часа.
Туова Аники и славы поют.
*Поют Дунай, да и вперед не знай*⁸.

Публикуемый текст относится, на наш взгляд, к одной из севернорусских версий духовного стиха об Анике-воине, в которой Аника выступает не как зазнавшийся непобедимый богатырь, бравирующий хулением веры Христовой. Здесь он представлен именно как злобный враг христианства, намеревающийся разбить «святая святых», т. е. Гроб Господень, разбросав бревна «по чисту полю». Позднее раскаяние Аники уже не может избавить его от неминуемой гибели. Смерть, таким образом, воспринимается не просто как неизбежная кончина любого из живущих на земле, но как вершитель Суда Божьего. «Если бы не похвалялся Аника разрушить Гроб Господен, то жил бы и другие 330 лет», — поясняла, в частности, известная народная сказительница И. А. Федосова [Описание свадьбы, с. 124].

Про Егорья Храброго⁹

- А во славном царсьви Царегради,
У славного было царя у Федора,
У той ли было царичи благоверныя —
Родилось, братцы, цюдо цюдноё:
5 На имя Егорий Храбрые.
Прошла слава великая
По всёй земли, по всёй вселенныя —
Во тую землю Кудрияновську,
Ко тому царишшу Кудриянишшу.
10 Скоро он, собацёй сын, срежéитсе,
Скоро он будё во Царéгради.
Цар' -ёт-град он на дым спустил,
А самому кнезю голову сказнил,
Царичу благоверну в темничу ссадил,
15 Те две сёстры ёго, две родимыя
Во полон скрутил.
Метал он Егорья о сыру землю —

---

⁸ Курсив наш.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 8. № 208. Л. 3 об.—6.

- Да не мог он Егорья замуцтити.
 Повелел Егорья пилами терць¹⁰ —
- 20 Пильё в зубьях пошшербалосе¹¹,
 По Егорью пильё закаталосе.
 Пила его не брала.
 Повелел собака смолы варить —
 И смола Егорья не брала:
- 25 Огонь не горит, а смола не кипит.
 А стоит Егорий в глубоком котли,
 Поет стихи да херувимские,
 Прославляют Христа, Царя Небесного:
 «Слава Те, Христу, Царю Небесному,
- 30 На земли и на небесах!»
 Сам царишшо надрыгайтсе¹²,
 Надрыгайтсе да похвалеитсе:
 «Давал я Егорью муки разнолисных —
 Не мог я Егорья замуцтити!»
- 35 Копал про Егорья погребы глубокие —
 Посадил Егорья в глубокий погреб,
 Задёргивал решётками заморскими,
 Засыпал песочками сыпучими,
 Замуравливал травами-муравыма,
- 40 Заваливал пенёк-колодьём дубовым.
 Сам царишшо надрыгайтсе,
 Надрыгайтсе да похвалеитсе:
 «Давал я Егорью муки разнолисных —
 Не мог я Егорья замуцтити!
- 45 Топерь посадил во глубокий погреб:
 Не видать Егорью свету белого,
 Не видать Егорью соньча красного
 Да не видать ему и родной матушки!»
 Ише сам, собака, поворот даёт.
- 50 По Егорьевой было уцести:
 Втогда падали тонкие буйны ветерочки —
 Розвевало песочки супыщие¹³,

¹⁰ Терць — тереть, пилить. (Примечание Верещагина; далее: Примеч. соб.)

¹¹ Пошшерба́тьсе — покрыться щербинами, зазубриться. (Примеч. соб.)

¹² Надрыга́тьсе — издеваться, поносить. (Примеч. соб.)

¹³ Так в ркп., но, возможно, это описка — вместо сыпучие.

- Кокорки розметало дубовые,
Откинуло решатку зоморьскую,
55 Выходил Егорий на белой свет,
Прославлял Христа, Царя Небесного.
Шел в полаты беловитыя,
Шел в полаты он гряновитыя —
В той палаты родна матушка.
60 Хрёс кладет он по-писа́ному,
Поклон ведет он по-уце́ному,
Кланяится он на вси стороны.
На-перво кланялся он своёй матери,
Да говорит ей таково словó:
65 «Ай же ты, моя родна матушка!
Дай-ко мне благословленьё великоё
Ехати во землю Кудрияновську
Отлить-то кровь, да кровь горёция
Моёго-то света рóдна батюшка!»
70 Уж и сгóворит Егорьёва рóдна матушка:
«А не дам те благословленья великого
Ехати во землю Кудрияновську:
Есь у царишша у Кудриянишша
Три за́ставы, три великия,
75 А четвертая заста́ва ише больше всех!»
Тут и сгóворит Егорий своёй матушки:
«Благословленьё мне-ка дашь — дак поеду,
А не дашь — дак мне-ка ехать нать!»
Сгóворит Егорий во второй након:
80 «Уж ты дай-ко-се благословленьё великоё!»
Тут родимая ёго матушка
Благословленьё да́ла ему великоё
Ехати во землю Кудрияновську.
Выходил Егорий на крыльчо золоце́ноё,
85 Говорил Егорий таковы слова,
Да крыцьял Егорий во всю голову,
Ише требовал коня була́ного.
Бежит конишшо буланоё,
Буланоё, да и седаноё¹⁴,

---

¹⁴ Так в ркп.; вероятно, описка вместо *седланоё*.

- 90 Обузда́ноё, оседла́ноё.
 Садилсе Егорий на добра коня,
 И поехал Егорий во цистó полё.
 Тольки видели Егорья седуци,
 Да не видели Егорья поедуци.
- 95 Приежжал он к перво́й заста́вы великия:
 Стоят леса темные,
 Ото востока стоят леса до запада,
 От земли да леса до́ неба.
 Говорит Егорий лесам темным:
- 100 «Полно, леса, веровать в царя Кудриянишша!
 Веруйте-тко, леса, в самого Христа,
 В самого Христа, Царя Небесного,
 Да в миня, Егорья Храброго!»
 Егорья леса-ты послушались —
- 105 Розошлись леса по всёй земли,
 По всёй земли, по вселенныя
 На мелки лесинки¹⁵ на завёршасты¹⁶.
 Проежжал Егорий перву́ за́ставу.
 Доежжат он до другой заста́вы великия:
- 110 Стоят горы толкуция,
 Толкуция горы, дремуция;
 Тыи сто́лнутсе горы да ростóлнутсе.
 Говорит Егорий таковы слова:
 «Полно, горы, веровать в царя Кудриянишша!
- 115 Веруйте-тко, горы, в самогó Христа,
 В самого Христа, Царя Небеснаго,
 Да в миня, Егорья Храброго!»
 Горы-ты Егорья послушались:
 Розошлись горы по всёй земли,
- 120 По всёй земли, по вселенныя
 На мелки горки на раскатцясты.
 И проехал Егорий втору за́ставу.
 Вот и третья заста́ва великая:
 Текёт река, да река о́гнённа,

¹⁵ *Лесина* (уменьш. *лесинка*) — дерево растущее или срубленное, но не освобожденное ни от листьев, ни от ветвей. (*Примеч. соб.*)

¹⁶ *Завёршастый* (о дереве) — имеющий вершину, покрытую небольшими ветвями. (*Примеч. соб.*)

- 125 Ото востока текёт река и до запада;
От земли плáмё пáшет¹⁷ и до неба.
Сговорит Егорий таковы слова:
«Полно те, река, веровать в царя Кудриянишша!
Веруй-ко, река, ты в самого Христа,
130 В самого Христа, Царя Небесного,
Да в миня, Егорья Храбраго!»
А река Егорья послушалась:
Розошлась река по всёй земли,
По всёй земли, по вселенныя
135 На мелки рецьки, на истóценки.
Проежжал Егорий третью за́ставу.
Едёт к четвёртой за́ставы великия:
Лёжит змея окóл всёго двора,
Змея ужасная, змея хоботастая;
140 Хвос и голова у золощёна крыльча,
А дёржит в хоботах да саблю вострую.
Говорит ей Егорий таково слово:
«Полно те веровать, змея, в царя Кудриянишша!
Веруй-ко-се, змея, да в самого Христа,
145 В самого Христа, Царя Небесного,
Да в миня, Егорья Храбраго!»
И змея вить Егорья послушалась:
Ссекла у царишша буйну голову
И сама пошла во цистó полё¹⁸
150 Кдетенышам своим, ко змеенышам.
Тут Егорий выбрал злато-сéребро,
Скатный женьцог Егорий повыгрузил,
Повыгрузил Егорий, повывозил.
Да на тыи богасьва несметныя
155 Сстроил Царьград он по-прежнему.

Публикуемый текст — самая первая из известных на сегодняшний день записей стиха о Егории Храбром в Поморье.

Главный герой представлен в нем в двух ипостасях: мученика и воина, причем в равной степени, что является одной из отличительных черт вари-

---

¹⁷ *Пахáть* — мести комнату. Здесь *пáшет* знач. *пýшет*. (Примеч. соб.)

¹⁸ В ркп. неясно, *é* или *ё* на конце слова.

анта. Связь с былинной здесь очевидна, даже, быть может, более очевидна, нежели в других текстах о Егории этого региона.

Подобно былинному богатырю, перед отъездом во вражескую землю Егорий идет просить благословения у матери. Заметим, что этот мотив имеет именно былинное происхождение. В тексте жития «Страдание святого великомученика Георгия Победоносца» он отсутствует: «Мать же Георгия в то время уже скончалась» [Страдание святого, с. 336]. Мотив испрашивания благословения у матери присутствует в подавляющем большинстве духовных стихов о Егории. Однако только в представленном варианте этот эпизод выдержан в былинном стиле. Самый вход в материнские «полаты беловитыя»¹⁹ описывается с помощью традиционных былинных формул:

Хрѣс кладет он по-писаному,
Поклон ведет он по-уцѣному,
Кланяится он на вси стороны.

Причем герой испрашивает благословения, как и в былинах, не единожды, повторяя свою просьбу и «во второй након». А на отказ благословить его отвечает опять-таки традиционно для эпоса:

Бласловленьё мне-ка дашь — дак поеду,
А не дашь — дак мне-ка ехать нать!

О заставах предупреждает Егория мать, отчего и не дает ему благословения на отъезд. Это имеет место и в былинной — в частности, в былинной «Добрыня и Змей», где именно мать предупреждает героя о трех коварных быстрых струях Почай-реки, а тот отвечает ей аналогичной фразой:

«Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду»
[БСДС, № 163].

В полном соответствии с былинной традицией отображен и самый отъезд Егория:

Только видели Егорья седуци,
Да не видели Егорья поедуци.

---

¹⁹ Нельзя не отметить здесь наличия определенного алогизма в повествовании: ранее было сказано, что напавший на Царьград Кудриянице «Царичу благоверну в темничу ссадил».

Кроме общих для стихов о Егории Храбром мотивов, как развернутых, так и представленных в редуцированном виде (убийство отца, пленение сестер, преодоление застав и пр.), в публикуемом тексте встречаются и необычные. В частности, ни в одном из известных нам текстов нет мотива изъятия Егорием богатств врага и восстановления на них Царьграда. В эпической традиции (в частности, в былинах «Илья Муромец и Идолище») богатырь освобождает Царьград от противника христианской веры, разрушающего Божью церковь, уничтожающего иконы. В представленном здесь духовном стихе о Егории Храбром главный герой называет целью своей поездки в землю Кудрияновску мсть: «отлить-то кровь ⟨...⟩ рѡдна батюшка». Однако необычной концовкой «вскрывается» основная суть его деяний. Он представлен здесь не как мститель, но как освободитель и устроитель — и не просто родного города, но Царьграда, имеющего сакральное значение, — мифологического центра христианства. Мотив смирения явлений природы, общий для всех стихов о Егории Храбром, в этом тексте несколько отличен от других севернорусских вариантов, оттеняя вселенскую масштабность устройства Руси православной. Горы, леса, реки не просто расступаются перед героем, возвращаясь к своему первоначальному состоянию, как во многих вариантах («Стали леса по-старому, / Стали леса по-прежнему»; «Стали горы по-старому, / Стали горы по-прежнему»; «Стала река по-старому, / Стала река по-прежнему» [Варенцов, с. 98, 99]), но расходятся «по всёй земли, по вселенныя» на мелки «лесинки», горки, «истоценки».

Кроме записи А. П. Верещагина, на Поморском берегу Белого моря собирателями зафиксировано только два варианта «Егория Храброго». Один из них — краткий (71 строка), с усеченной второй частью повествования [БСДС, № 311], а от другого сохранилось лишь два стиха в подстрочнике к нотам [ПРН, с. 9]. При всей скудости материала некоторые общие отличия этих текстов от вариантов, зафиксированных на других берегах Белого моря, всё же просматриваются.

Так, тексты Карельского и Кандалакшского берегов начинаются с указания *времени* действия, что встречается в большинстве вариантов этого стиха: «Во седьмом (восьмом) году восьмой тысячи». Тексты Терского берега имеют особое начало: «Туры, олени по горам пошли». Это отличие осознавалось и самими сказителями²⁰. В поморских вариантах сказ начинается с указания *места* действия: Царьград, Рим [ПРН, с. 9] или (скорее всего,

²⁰ В частности, жительница с. Варзуга (Терский берег) С. И. Клешова напрямую связывала иное, чем у ее односельчан, начало исполняемого ею «Егория Храброго» («Во сѣмом-то году да восьмой тысеши») с другой традицией, поскольку, по ее словам, переняла стих от своей покойной матери, которая была родом из Ковды (Кандалакшский берег) [БСДС, с. 630].

по причине усеченности) сразу с описания самого действия: «Наежжал царищо Кудриянищо» [БСДС, № 311].

В тексте Ивана Пахомова отсутствует сказочно-фантастическое описание (варьируемое лишь в мелочах) облика главного героя, характерное для большинства стихов о Егории Храбром, в том числе и вариантов Терского и Карельского берегов:

По локоть у него руки в красном золоте,
По колени ноги в чистом серебре,
Во лбу-то солнце, в тылу-то месяц,
По косицам звезды переходя.

[Варенцов, с. 95]

В записи А. П. Верещагина вместо пространного описания внешнего облика рожденного героя дана только его оценочная характеристика: «цудо цюдное» — сродни эпитету «чудный» в тексте Жития Георгия Победоносца: «в римском воинстве был чудный Христов воин, святой Георгий» [Страдание святого, с. 336]. В кратком поморском варианте Егорий — это просто «цядо милое, дитя любимое» [БСДС, № 311].

Нельзя не отметить и различие в именах врага христианского мира. В терских вариантах это царище Ондреянище, в кандалакшских — царище Грубиянище, и только в карельских — Кудреян Кудреянище, аналогично поморскому.

Вполне допускаем, что существовала особая поморская версия «старшего» духовного стиха о Егории Храбром, своеобразии которой отразил публикуемый текст. Однако материала для ее выделения по-прежнему явно недостаточно.

Явление Пятницы убогому пустынноку²¹

- Спасалсе пустынный во пустыни²²,
Не рук себе, не ног да не имеет.
Петничу и середу постилсе,
Со слёзами Господу молилсе.
- 5 Ему Петнича во снях евиласе,
Хрестом пустынного оградила,

---

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 8. № 208. Л. 28 об.

²² Каждый стих поется дважды. (Примеч. соб.)

- Свершою²³ его осветила,
Дала ему руки и ноги:
«Подь-ко, пустынный, из пустыни
10 Во мир да к христианам.
Скажи ты миру, христианам,
Штобы середу и петничу постилисе,
А в воскресны дни Господу молились,
Друг бы с другом оны не бранились,
15 Брат бы брата называли,
А дети бы родителей почитали,
А родители детей бы не проклинали
И жидовьями бы их не называли.
Ноньце жида у Христа прокляты:
20 Проклинал их Иисус Христос Небесной
Со анделями да со архинделями,
Да со всёю небесною силою».

Стих можно отнести к духовно-наставительным религиозным произведениям. Его центральную часть составляет варьируемое в деталях (в разных записях) изложение нравственного кодекса, которому должно следовать в миру. Вместе с тем стих имеет повествовательное начало, которое позволяет выделить по крайней мере две его версии. Публикуемый текст относится к основной, широко распространенной: к бездвигженному пустыннику во сне является Пятница, исцеляет его и через него посылает людям христианские наставления на каждый день.

Вторая версия представлена текстами, записанными в Прионежье [Калики переходные, № 597, 598]. В них персонифицированный образ пятничного дня, столь хорошо известный по народным поверьям, отсутствует. Отсутствует и образ Креста Животворящего, с помощью которого происходит исцеление Трудника.

В заключение скажем, что в современных условиях, когда работа собирателей «в поле» уже не может принести существенных результатов, выявление и введение в научный оборот архивных материалов обретает особое значение.

Литература

БСДС — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.

---

²³ *Свершá* — восковая свеча. (Примеч. соб.)

- Варенцов — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1860. 248, [3] с.
- Васкул — *Васкул А. И. Верещагин Александр Петрович // Русские фольклористы: Библиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1: А–Г. С. 582–584.*
- Верещагин — *Верещагин А. П. Старина про змею в Рахлейском царстве // Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавления к Известиям Имп. Акад. наук по Отд. рус. яз. и словесности. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. Тетр. 4. Стб. 393–396.*
- Григорьев — *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. / Изд. Имп. Акад. наук. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1. [2], LX, 708 с.: нот.*
- Калики перехожие — *Калики перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1864. Вып. 6. XX, 328 с.*
- Описание свадьбы — *Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: В 3 ч. Тверь: [б. и.], 1889. Ч. 3: Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; былины и легенды; старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы и прибаутки: (С текстом и мелодиями). 213 с.*
- ПРН — *Песни русского народа: собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Зап.: слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш; Изд. Имп. Рус. геогр. о-вом. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1894. XXIV, 244 с.*
- Страдание святого — *Страдание святого великомученика Георгия Победоносца // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М.: Ковчег, 2010. Кн. 8: Апрель. С. 334–350.*

References

- Agrenea-Slavyanskaya, O. Kh. (1889). *Opisaniye russkoi krest'yanskoi svad'by s tekstom i pesnyami: obryadovymi, golosil'nymi, prichital'nymi i zavyyal'nymi*. 3 Vols. Tver': [s. n.]. Vol. 3, 213 p.
- Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 godakh (1904). Moscow, Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 1. [2], LX, 708 p., not.
- Azbelev, S. N., Marchenko, Yu. I., eds. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobraniye A. V. Markova*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1079 p.
- Bessonov, P. (1864). *Kaliki perekhozhiye. Sbornik stikhov i issledovaniye*. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vol. 6. XX, 328 p.
- Istomin, F. M., Dyutsh, G. O., eds. (1894). *Pesni russkogo naroda: sobrany v guberniyakh Arkhangel'skoi i Olonetskoi v 1886 godu*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Arn-glol'da, XXIV, 244 p.
- 'Stradaniye svyatogo velikomuchenika Georgiya Pobedonosta' (2010), in: *Zhitiya svyatykh, na russkom yazyke izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo*. Moscow: Kovcheg. Vol. 8, *Aprel'*, 334–350.
- Varentsov, V., ed. (1860). *Sbornik russkikh dukhovnykh stikhov, sostavlennyy V. Varentsovyim*. Saint Petersburg: D. E. Kozhanchikov, 248, [3] p.

- Vaskul, A. I. (2016). 'Vereshchagin Aleksandr Petrovich', in: T. G. Ivanova, ed., *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX veka*. 5 Vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 582–584.
- Vereshchagin, A. P. (1855). 'Starina pro zmeyu v Rakhleyskom tsarstve', in: *Pamyatniki i obraztsy narodnogo yazyka i slovesnosti: Pribavleniya k Izvestiyam Imperatorskoi Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Tetrad' 4, 393–396.

Н. Г. Комелина

«КНИГА В СЕМЬЕ СКАЗИТЕЛЕЙ КРЮКОВЫХ»:
ОБ ИСТОЧНИКАХ ДУХОВНОГО СТИХА ОБ ИОСИФЕ
ПРЕКРАСНОМ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

Резюме

Предметом исследования является история бытования духовного стиха об Иосифе Прекрасном на Зимнем берегу Белого моря — в сказительской династии Крюковых из Нижней Зимней Золотицы. Исследователи, в их числе Ю. А. Новиков, отмечали большое влияние литературы на эпическое творчество сказителей Крюковых. Источником зависимых от книги текстов были былин была популярная хрестоматия А. В. Оксенова «Народная поэзия». В статье выявляются литературные источники стиха об Иосифе Прекрасном («Кому повем печаль мою...»), исполненного известной сказительницей А. М. Крюковой и записанного фольклористом А. В. Марковым в начале XX в. Вводится в научный оборот текст стиха из книжного собрания, принадлежавшего этому сказительскому роду: Стих об Иосифе Прекрасном («Кому повем печаль мою...») из библиотеки Крюковых (сборник духовных стихов конца XVIII в. (БАН. Тек. пост. № 421)). Сделан вывод о том, что стих об Иосифе Прекрасном в исполнении А. М. Крюковой не восходит к хрестоматии А. В. Оксенова. Источником его является духовный стих книжно-рукописной традиции (список которого был в семье сказителей, принадлежал В. Л. Крюкову, его читала дочь сказительницы Павла). Вторая часть стиха в исполнении А. М. Крюковой, вероятно, свидетельствует о ее знакомстве с житием или повестью об Иосифе Прекрасном или их лубочными пересказами.

Ключевые слова: книжность, русский фольклор, духовный стих, лубок

Natalya G. Komelina

“A BOOK IN THE KRIUKOV FAMILY OF PERFORMERS”:
ON THE SOURCES OF THE SPIRITUAL POEM
ABOUT JOSEPH THE ALL-COMEPLY
FROM THE WINTER COAST OF THE WHITE SEA

Abstract

Several researchers, including Yuri Alexandrovich Novikov, have noted a strong influence of published texts on the poems that were composed and performed by members of the Kriukov family of the village of Nizhniaia Zimnaia Zolotitsa on the Winter Coast of the White Sea. The book that the Kriukovs used in their creative work was the popular anthology *Narodnaia poeziia* (Folk poetry), which was published by A. V. Oksenov in 1894. This article reveals texts that served as sources for the poem about Joseph the All-Comely with the incipit “To whom shall I relate my sorrow...,” which was recorded by the folklorist A. V. Markov from the famous performer Agrafena Matveevna Kriukova at the beginning of the 20th century. The article is accompanied by the publication of the text of a poem about Joseph the All-Comely with the same incipit from an 18th-century manuscript that belonged to the Kriukovs’ collection of books, which is now in the possession of the Library of the Academy of Sciences in St. Petersburg (Collection of current acquisitions, No. 421). The study of these texts led to the conclusion that the poem about Joseph that was performed by Agrafena Kriukova was not based on Oksenov’s anthology. Instead, its source was the spiritual poem that circulated in handwritten copies, one of which belonged to Vasilii L. Kriukov, Agrafena’s father-in-law, and was read to Agrafena by her daughter Pavla. The second part of the poem that Kriukova performed suggests her acquaintance with the Life (or the Story) of Joseph the All-Comely or its folklore renderings.

Keywords: booklore, literary culture, Russian folklore, spiritual verse, lubok, Joseph the All-Comely

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-176-192

Первая часть заглавия настоящей статьи повторяет название работы Ю. А. Новикова, в которой он пишет, что «среди севернорусских певцов, эпическое знание которых в значительной мере связано с печатными источниками, особое место занимает семейство Крюковых из д. Нижняя Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. За исключением Гаврилы Крюкова, тексты которого тесно связаны с местной эпической традицией, репертуар всех остальных представителей этой династии сказителей в большей или меньшей степени зависим от книги» [Новиков 2000, с. 21]. Исследователь имеет в виду Аграфену Матвеевну, Марфу Семеновну, Серафиму Семеновну Крюковых, Павлу Семеновну Пахолову и ее дочь Пелагею

Негадову¹. Есть убедительные данные, что в поморской семье имелась хрестоматия А. В. Оксенова «Народная поэзия»², которая была подарена П. С. Крюковой священником³.

Ю. А. Новиков считал, что хотя «вторичное бытование былин, генетически связанных с печатными источниками, — важная грань народной культуры конца XIX — начала XX века», оно свидетельствует о «кризисе живой фольклорной традиции» [Новиков 2001, с. 4, 5]. По мнению ученого, не только былины, но и другие жанры были заимствованы поморскими сказителями из популярной хрестоматии. Духовный стих «Голубиная книга» также усвоен А. М. Крюковой из этой книги, а книжное влияние на разработку сюжета о Егории Храбром в исполнении А. М. Крюковой отмечает Т. В. Хлыбова [Хлыбова, с. 132].

В настоящей статье будет продолжен рассказ о роли книг и книжности в династии поморских сказителей Крюковых. Ранее удалось выяснить, что в 1948 г. филолог А. А. Морозов, супруг исследовательницы фольклора Э. Г. Бородиной-Морозовой, передал в фонды Отдела рукописной и редкой книги БАН 18 рукописей, собранных на Зимнем берегу Белого моря. Также несколько книг, имеющих отношение к Зимней Золотице, отложились в Древлехранилище ИРЛИ⁴. Часть этих книг происходит из семейства Крюковых. Имея в распоряжении рукописи из собрания династии сказителей, можно предположить книжно-рукописные источники исполняемых ими текстов, например, «Осада Соловецкого монастыря» [Бильдюг, Комелина; Васкул, Комелина].

Сборник духовных стихов конца XVIII в. (БАН. Тек. пост. № 421) из библиотеки Крюковых содержит Стих об Иосифе Прекрасном («Кому повем печаль мою...») и «Песнь покаянну Иоасафа царевича в пустыню входяша».

Приведем записи и пометы, встречающиеся в сборнике. Вероятно, переписчику принадлежит следующий текст, размещенный после стихов: «Сии писм про *(нрзб., текст утрачен)*. Ежели не так писано, без подробностей, то всякой мог и должен читать и спастись. Федот». Самая ранняя

¹ Былины, записанные от А. М. Крюковой и М. С. Крюковой и упоминаемого Ю. А. Новиковым Г. Л. Крюкова, были опубликованы в классическом издании «Беломорские былины» [Марков]. Эпические произведения от младшего поколения династии Крюковых вошли в изд. [БПЗБ].

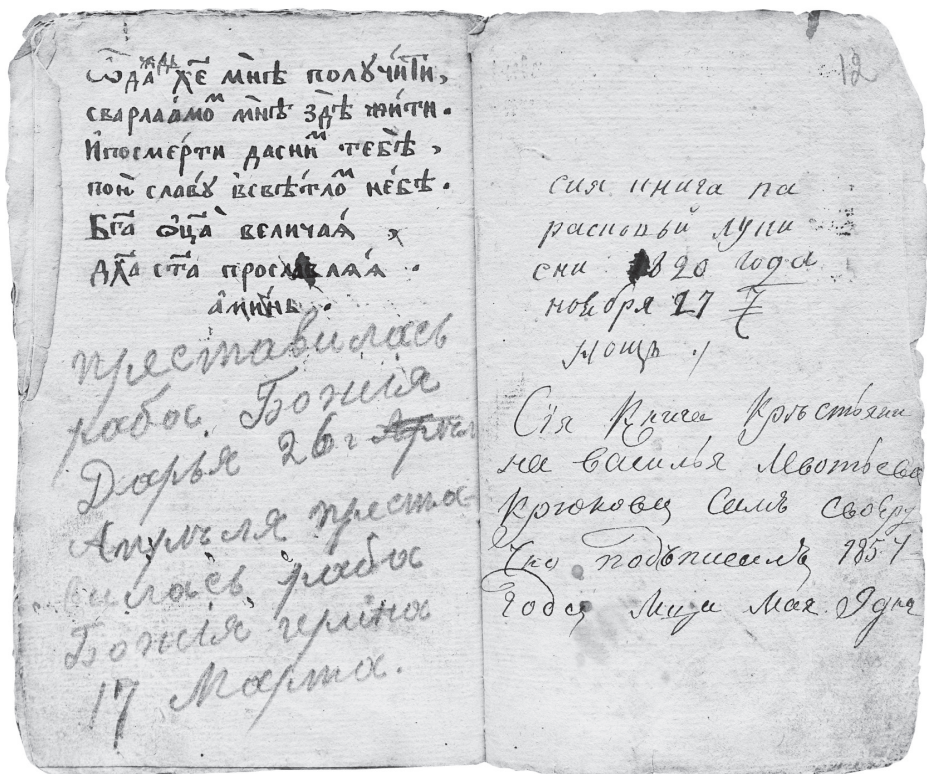
² Имеется в виду сытинское издание [Оксенов] (и последующие переиздания).

³ Еще А. М. Астахова замечала, что былины, записанные в 1899–1901 гг. А. В. Марковым от А. М. Крюковой и ее дочери М. С. Крюковой, восходят к хрестоматии А. В. Оксенова «Народная поэзия» [Астахова, с. 320].

⁴ Две рукописи, поступившие от А. А. Морозова, были выявлены в Мезенском собрании РО ИРЛИ (№ 70, 154). Рукописные находки из поездок 2007–2010 гг. вошли в Северодвинское собрание РО ИРЛИ.

владельческая запись говорит о хозяйке рукописи: «Сия книга Парасковьи Лукисни 1820 года ноября 17 ноць». Помета: «Сия книга крестьянина Василья Левотьева Крюкова самъ своеручно подыписаль 1854 года м(еся)ца мая 9 дня» — важна для нас и говорит о том, что книга перешла в семейство Крюковых и принадлежала Василию Леонтьевичу Крюкову.

Сборник духовных стихов конца XVIII в.
БАН. Тек. пост. № 421. Л. 11 об.–12

Следующие записи сделаны, вероятно, Петром Ивановичем Крюковым, племянником сказительницы М. С. Крюковой. Они выполнены карандашом и являются своего рода помянником: указаны даты смерти родных. Записи этим почерком имеются в остальных книгах из библиотеки Крюковых⁵ [Бильдюг, Комелина]:

⁵ Записи в другой книге (БАН. Тек. пост. № 422. Повесть о царице и львице) уточняют сведения о семействе Крюковых: «Май 27-го 1895-го дедъ умеръ Василей Леонтьвич Крюковъ 4 часа вечера» (чернилами, пером, л. 1); «Представился рабъ Божий Василей месяца апреля 27го мая

Преставилась раба Божия Дарья 26 апреля
 Преставилась раба Божия Ирина 17 марта.
 Преставилсе раб Божий Симеон 7 января *⟨так!⟩*⁶
 Аграпина Матвеевна преставилась 14 апреля⁷
 Сергей престовлсе 23 = октября
 Дедушко Василей 26 мая⁸
 Бабушка Татьяна 11 г⟨о⟩ декабря⁹
 Убил Красулю медведь 14-го июня.

Текст духовного стиха «Кому повем печаль мою...» устойчив. При сравнении с другими списками расхождения выявляются, но они довольно частные. В стихе пересказывается ветхозаветный сюжет об Иосифе. Он обращается к умершей матери Рахили и плачет на ее могиле. Рассказывается, как братья продали его купцам, а те — в рабство в Египет. Описаны попытка жены фараона соблазнить прекрасного раба, заточение Иосифа в темницу, толкование снов хлебодара и виночерпия, интерпретация снов фараона о тучных и худых коровах, освобождение Иосифа из тюрьмы и восхваление и почести праведному Иосифу.

Татьяна Философова отмечала «двойственную природу бытования духовных стихов» [Filosofova, p. 1], одновременно устную и письменную их форму. Стих об Иосифе Прекрасном («Кому повем печаль мою...») она называет среди стихов, составляющих «устойчивое ядро подавляющего большинства сборников стихов духовного содержания» [Filosofova, p. 209]. Есть два стиха об Иосифе Прекрасном: «Блажен еси Иакове...» и «Кому повем печаль мою...». У последнего можно выделить краткий (только плач Иосифа) и пространный варианты.

1895го года» (коричневые чернила, скоропись, другой почерк, л. 1); «предъствилась раба божия Татьяна Степанова Крюкова месеца декабря одинацетаго (?) числа 1893 года въ субботу въ пять часовъ вечера записаль супругъ ея Васи Левотьевъ Крюковъ» (перо, чернила, л. 42); «смотрел внукъ его Иванъ Крюковъ» (скоропись, л. 42); «Бабушка Татьяна преставилась раба Божия Татьяна 1893 г.» (коричневые чернила, скоропись, л. 42 об.); «11-го декабря 5 часов вечера» (карандаш, скоропись, л. 42 об.); «Ивану Крюкову принадлежит книга сея» (карандаш, скоропись, нижний форзац). В другой рукописи — РО ИРЛИ. Мез. № 154. Житие Кирика и Улиты — записи о смерти родных сделаны карандашом и тем же почерком, что и в рукописи, содержащей духовный стих об Иосифе. Аграфена Матвеевна названа бабушкой, а рукопись принадлежала Петру Ивановичу Крюкову, что позволяет атрибутировать записи в рукописи БАН. Тек. пост. № 421. Сведения получены из: [Бильдюг, Ефимова].

⁶ Имеется в виду Семен Васильевич Крюков, муж А. М. Крюковой и сын В. Л. Крюкова.

⁷ Имеется в виду Аграфена Матвеевна Крюкова. Она умерла в 1921 г.

⁸ Имеется в виду Василий Леонтьевич Крюков, один из владельцев этой рукописи.

⁹ Вероятно, жена В. Л. Крюкова.

По материалам Древлехранилища им. В. И. Малышева можно сказать, что духовный стих «Кому повем печаль мою...» распространен очень широко и встречается в коллекциях рукописей от юга России и Поволжья до Русского Севера. Самый ранний список относится к концу XVII в., списков XVIII в. немного. Поэтому можно сказать, что рукопись из БАН, принадлежащая семейству Крюковых, довольно ранняя. Основная масса списков духовного стиха относится к XIX—XX вв. Очень часто происходит соположение образов Иосифа Прекрасного и Иоасафа-царевича. В рукописных сборниках они встречаются обычно рядом, возможно, их объединяет сюжет / мотив плача и похожие по звучанию имена главных героев.

В устном бытовании этот стих на Зимнем берегу был записан от Аграфены Матвеевны Крюковой А. В. Марковым 3 июля 1899 г. В качестве источников исполнительница называет: «От Василия Леонтьевича; на Терском берегу из келий; певали, но не помнит как» [БСДС, с. 793]. Ю. А. Новиков скептически замечал: «Явно не соответствуют действительности указания А. и М. Крюковых и П. Пахоловой на конкретные устные источники их старин» [Новиков 2000, с. 29]. Судя по комментариям, стих был рассказан, а не спет («певали, но не помнит как»). Кроме того, имеются заметки А. В. Маркова, что «пропущен сон Иосифа», «певица не знала, куда его вставить», что говорит о том, что текст она знала нетвердо; вероятно, и исполняла его нечасто. Кроме того, сам А. В. Марков не стал публиковать его ни в «Беломорских былинах», ни в «Трудах музыкально-этнографической комиссии». Он вошел в издание, подготовленное С. Н. Азбелевым в 2002 г. по рукописям А. В. Маркова [БСДС, с. 164—166]. В общих чертах Аграфена Матвеевна пересказывает духовный стих «Кому повем печаль мою...» в его расширенной версии. Сказательница ошибочно относит сон фараона о тучных и худых коровах к заключенным с Иосифом в тюрьму виночерпию и хлебодару. Однако она продолжает жизнеописание Иосифа, которого нет в вариантах духовного стиха. Довольно кратко и четко изложено, как в голодные семь лет в Египет пришли его отец Иаков и единоутробный брат Вениамин с просьбой о хлебе. Иосиф, будучи неузнанным, попросил тайно положить драгоценную чашу в мешок с пшеницей, затем приказал их догнать и уличить в мнимой краже. Когда отец и брат пали ему в ноги, он их поднял, поцеловал и признался, что он Иосиф, и попросил оставить ему брата Вениамина.

Можно предположить, что у текста есть несколько источников.

1. Книжно-рукописный. Благодаря рукописи БАН нам известно, что письменный вариант этого духовного стиха принадлежал свекру сказательницы Василию Леонтьевичу Крюкову и находился в доме Крюковых. На листе с текстом есть запись: «Павла Крюкова», — что говорит о том, что дочь

Аграфены, возможно, читала его вслух своей матери. Нужно также отметить, что в списке БАН у стиха утрачено начало. Сравним с другим списком этого духовного стиха:

ИРЛИ. Мез. 44	А. М. Крюкова [БСДС, с. 164]
Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию, Токмо тебе, владыко мой, Известен плач сердечный мой, Самому творцу создателю И всех благих подателю. Кто бы мне дал источник слез, Я плакал бы и день и ночь. Кто бы мне дал голубицу, Вещающую беседами, Возвестила бы Израилю, Отцу моему Иякову.	Кому повем печаль свою, Кого призову к рыданию, Токмо ли я, Владыко мой, Извьесна моя печаль тебе. Ково призову к рыданию своему, Хто бы мне дал источник слез, Стал бы я плакать день и ночь Отцу моему Иякову, Всех благих жизнь подателю, Отцу моего Израелю, То бы мне дал голубицу, Вешшамую мне беседами.

Можно сказать, что начала стихов письменной традиции «Кому повем печаль мою» и устное исполнение А. М. Крюковой очень близко совпадают текстуально. Затем наблюдаются уже более серьезные расхождения. Пропущено множество деталей и фрагментов, но сохранена общая сюжетная канва.

С того места, где А. М. Крюкова не знает точно текст стиха, она переходит на эпический сказ, использует знакомые ей формулы и тропы: «Закрычал-то Иосиф Прекрасныя / Своим он все голосом» (Как в былине про Соловья Будимировича герой «крычит» зычным голосом); «Привиделись им чудны сны, / Цюдны им сны, все страшны»; «Скоро забречали крепки замки, / Крепки замки все у темници» [БСДС, с. 165] (повторы и подхваты).

Хотя в устном варианте было забыто имя фараона, сказительница награждает фараонову жену эпитетами, которые встречаются в письменном варианте стиха:

БАН, Тек. пост. 421	А. М. Крюкова [БСДС, с. 165]
Злая жена бестудница, Пентефриева поганица...	И Фарафонова жона была поганица, Сама была остудьница, <i>Остудьница, безаконница...</i>

2. Предположим знакомство с сюжетом и текстом из популярных изданий. Сравним духовный стих А. М. Крюковой с текстами из хрестоматии А. В. Оксенова. В книге содержится два духовных стиха об Иосифе Прекрасном. Первый — «Плач на могиле матери» — начинается: «Богатые же купчане...» и повествует о том, как, проезжая мимо могилы матери Рахили,

Иосиф Прекрасный обратился к купцам с просьбой отпустить «проститься» с ней. Услышав плач Иосифа, в котором он говорил, что не хочет погибнуть в Египте на «египетской работе», купцы поднимали его с земли и обещали, что не будет он рабом, а «сами царем стояти» [Оксенов, с. 239–240].

Во втором тексте — «Прибытие Иакова в Египет» — используются русифицированные имена Осип и Яков, рассказывается о встрече отца с сыном. Иосиф приказал поставить столб и обить его бархатом. При приближении Иакова он встал за столбом, и вместо сына «Якоб же столпоп к себе прижимает / С обоих концов сок выступает». Отец благодарен сыну за подмену, потому что «Зажал бы с тоски тебя до смерти» [Оксенов, с. 241]. Гиперболизация силы и родительской тоски отсылает нас к сказочному сюжету. Вероятно, источником его стало библейское описание встречи Иосифа Прекрасного с отцом, когда Иосиф поставил перед собой жезл, чтобы поклониться отцу. Лубочная версия этого сюжета выглядит следующим образом: «Егда убо приближася Иосиф ко Иакову отцу своему опусти жезл на землю и поклонишася ему град фараона египецкаго» [Блажен еси Иакове]. Можно с уверенностью сказать, что ни первый, ни второй текст, представленные в хрестоматии А. В. Оксенова, не были источниками знания А. М. Крюковой сюжета об Иосифе Прекрасном.

3. Попробуем выяснить или, во всяком случае, предположить источники второй части текста поморской сказительницы — сюжета о чаше, спрятанной в мешке с хлебом и узнавании Иосифа отцом и братьями.

Источником этого сюжета могли быть лубочные картинки. По настенным листам, хранящимся в Отделе эстампов РНБ, этот мотив выглядит следующим образом: «И посла Иаков сыны своя во Египет купити пшеницы. Иосиф же позна братию свою, и повеле насыпати пшеницы, и вложи во вретнице Вениаминову чашу, и отпусти их. И повеле Иосиф пшеницу возвратити вспять, и рече Иосиф сиели воздасими зане добро сотворив вы же чашу мою украдоша. Пришедше же братия ко отцу Иакову и сказаше отцу про Иосифа и даде рукописание ему Вениамин и сяде на колесницы и поехалше во Египетское царство с сыны своя и радуяся» ([Блажен еси Иакове]; также см.: ИРЛИ. Древлехранилище. Оп. 23. № 260). Параллели между духовным стихом об Иосифе Прекрасном и лубочными листами проводит А. А. Плетнева [Плетнева]. Возможно, источником знания сюжета послужили непосредственно древнерусские произведения «Повесть об Иосифе Прекрасном» или «Житие Иосифа Прекрасного», в которых подробно изложено его жизнеописание. Такой контаминированный духовный стих с добавлением сюжета об узнавании братьев и встрече с отцом неизвестен фольклорной традиции. Однако отмечается бытование устных рассказов об

Иосифе Прекрасном среди старообрядцев Сибири, в которых встречается этот сюжет [Кузнецова].

Можно прийти к выводу, что духовный стих об Иосифе Прекрасном в исполнении А. М. Крюковой не был усвоен ею из хрестоматии А. В. Оксенова. Вероятно, сказительница была знакома с письменным вариантом «Кому повем печаль мою...», который и лег в основу стиха. Дополнительный сюжет мог быть известен ей как из лубочных изданий, так и непосредственно из жизнеописаний Иосифа Прекрасного. Этот сюжет не встречается в духовных стихах.

Приложение

Текст духовного стиха публикуется по рукописи конца XVIII в. (БАН. Тек. пост. № 421). Водяной знак на бумаге — «белая» дата «1782». В рукописи имеется деление на строки. При публикации раскрыты сокращения (оцу, мтре), выносные буквы вносятся в строку. Сохранены буквы «ять» и «ер» в середине и в конце слов, остальные буквы старого алфавита заменены современными. Знаки препинания расставлены при публикации.

〈начало утрачено〉

Возопии нынѣ ко Иакову,
 Отцу моему Израилю.
 Видя я гробъ своея матере
 Рахили, плачь начал многи.
 Токи струямъ явились,
 Перси слезамъ мочилися.
 Увиждь, мати, Иосифа,
 Встань скоро ты из гроба.
 Твое чадо любимое,
 Погаными вѣдомое,
 Братия моя продаша им,
 Иду нынѣ в работу к ним,
 А мой отецъ не вѣсть сего,
 Что сынъ нынѣ лишень его.
 Отверзи гробъ, моя мати,
 Прими к себѣ свое чадо. //

(л. 1 об.) Буди твой гробъ тебе и мнѣ,
 Умру нынѣ я горцѣ здѣ.

Приими, мати, лишенного,
От отца моего разлученного.
Внуши, мати, плачь горкии,
Мой жалостный глас тонкий.
Плачевныи увиждь образ мой,
Приими мя скоро во гроб твой.
Не могу болше я плакати,
Хошут врази заклати мя.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
Сердечный мой плачь не приемлешь ли?
Призывал много Иякова,
Не услышалъ он моего гласа,
Зову нынѣ к тебѣ, мати,
Держать мене сопостати. //

(л. 2)

Помози, мати, лишенному,
Своему сыну любезному».
Смутились погани
Купцы злии агаряны:
«Не дѣй чары, Иосифе,
Не вводи в печаль господей своих,
Прободем тебя на сем мѣсте,
Погубим златом за тя данное».
Тогда купцы поверили¹⁰,
Дряхлое¹¹ лице увидѣли:
«Скажи, наш рабъ Иосифе,
За что проданъ в работу к нам?
Тѣхъ ли ты раб или плѣнник их,
Или какой от сродник их?»
Иосифъ же смиренныи
Глаголы вѣщал умиленныи: //

(л. 2 об.)

«Я ни тать, ни раб, ни плѣнник ихъ,
Но любезный сынъ Израилевъ.
Пастуси же суть моя братия,
Вси одинаго отца есмы.
Я посланъ былъ отцемъ моим
Донести мир к братиям моим.

¹⁰ В списке стиха БАН. Собр. Чуванова. № 183. Л. 3: поверзили.

¹¹ В списке стиха БАН. Собр. Чуванова. № 183. Л. 3: драгое.

Они же меня вам продали,
В работу вѣчно отдали».
Купцы рѣша Иосифу:
«Не плачь, не плачь ты, юноша,
Нѣсть ты нашъ рабъ, но буди братъ.
Во славѣ велицѣй будешь тамъ»¹².
Послали вѣсть ко Иякову
О своемъ брате Иосифе:
«Отче, отче Иякове,
Сия риза твоего сына //
(л. 3) Прелюбезнаго Иосифа¹³.
На горахъ нашли повержену,
Люты его звѣри растерзали.
Которую послахомъ ти,
А Иосифа не могли найти.
В печали мы вси о немъ,
Горки слезы и ты пролеи.
Познай и ты, его ли есть».
Видѣв Ияков в крови ризу,
Повергъ себе лицомъ книзу,
Возопи с плачемъ, с рыданиемъ
И з горкиимъ стенаниемъ:
«Сия риза моего сына,
Прелюбезнаго Иосифа.
Увы, увы мнѣ, Иосифе,
Утроба моя вожденная, //
(л. 3 об.) Почто не съел мене той зверь,
Токмо бы ты был, сыне, цѣль.
Увы, увы мнѣ, сыне мой,
Гдѣ растерзан весь возраст твой.
Растерзал бы я сѣдины самъ,
Горки слезы пролиять бы там.
Не хошу болше на свѣте жить,

---

¹² В ркп. другое деление на строки:

Нѣсть ты нашъ рабъ,
но буди братъ. Во славѣ
велицѣй будешь тамъ.

¹³ Над текстом наверху страницы другим почерком написано: Павла Крюкова. Это дочь А. М. Крюковой, сестра М. С. Крюковой.

- По Иосифе в печале быть,
Чадо мое пресладкое,
Виновен я есмь твоей смерти,
Убихъ, чадо, пославьи ты,
Видеть стадо и братию.
Восплачу я, возсѣтую,
Чадо мое бысть мертвое.
Ризу твою вмѣсто тѣла
Положу пред себя, Иосифе. //
- (л. 4) Твоя риза, Иосифе,
На инъ разум приводит мя,
Которая есть вся цѣла,
Не вредил звѣрь золь твоего тѣла,
Растерзал бы звѣрь твою ризу,
Повергыши злѣ лицом книзу.
На твоей ризе не бысть признак,
Токмо сведен единъ твой зрак.
Убиць рука умервила есть,
Жизни сея лишила есть.
Умру, чадо¹⁴, с печалию,
Не хощу зрѣти сего свѣта,
С плачем моимъ во адъ пойду,
И там, сыне, тебя найду».
- (л. 4 об.) Продаша купцы Иосифа
Во власть царства Египетска. //
- Служит князю невѣрному,
Пентефриеви поганому.
Взяли цѣну премногую
В дому его жить слугою,
Поручен же бысть весь дом ему,
И радость бысть рабомъ его.
Злая жена Пентефриева
Прельститъ его умысила,
Всегда себе украшала,
Разными ризами прелщала,
Любовь к нему обѣщала,
Блудным словомъ отвѣщала:

---

¹⁴ Испр., в ркп. чало.

«Дерзни на мя, прекрасныи раб,
И будешъ мнѣ любезныи другъ,
Моего мужа не бойся ты,
В смерти совѣтъ сотворим мы, //

(л. 5) Отраву дам, уморю его,
Жизни сея лишю его».

Иосифъ рече госпоже своей:

«Не желаю я любви твоей,
Госпожа моя предобрая,
Во нравѣхъ ты преумная,
Любовь твоя безстудная,
Души моей превредная¹⁵.
Веселит тебя, госпоже моя,
Погубить душу бѣда моя.
Тѣло свое осквернити,
Сотворшаго прогнѣвати».

Тогда жена безстудная,
Яко змия вселютая,
Ризы своя совлечеса,
Безстудиемъ облечеса, //

(л. 5 об.) На одрѣ своемъ возлежала,
Прекраснаго ожидала.

Насилиемъ удержала,
Возле себя нагло клала.
Иосифъ же цѣломудренныи
От жены тоя зломудренны
Бѣжал из рукъ сверху книзу,
Оставилъ ей свою ризу.

Возопивъ крѣпко от всего сердца:

«Боже, Боже, Отецъ нашихъ,
Помози избыть из рукъ вражиихъ,
Изми мя от сего звѣря,
Не хошу умереть жены дѣля.

Отче, отче, Иякове,
Святыи мой Израилю.

Пролей слезы ко Господу
О своемъ сыне Иосифе. //

---

¹⁵ Испр., в ркп. певредная.

- (л. 6) Да избавлюся бѣды сея,
К ней же влечет жена злая».
Злая жена безстудница,
Пентефриева поганица,
Видя себе посрамленну,
Съшиваетъ лестъ несказанну.
Вземши ризу, мужю кажет,
Безмерну ложь скрытно вяжет ¹⁶:
«Почто купилъ сего раба,
Иосифа, своего врага,
Жидовина пресквернаго,
Дому сего невернаго.
С надеждею власти твоей
Хотѣль явить женѣ твоей
Насилие неволное,
Беззаконие всескверное. //
- (л. 6 об.) Едва могла жена твоя
Гонзнуть нынѣ бѣды тоя».
Пыхает гнѣвом, яко ужь,
Вѣру поять неразумный муж,
Всадилъ его во темницу
За жену свою сквернавицу.
В темнице той виновныя
Два боярина любовныя,
Виночерпий да хлѣбодарь,
Гнѣвъ держаше к ним ихъ государь.
В одну ночь сонъ явился имъ,
Болшу печаль приложилъ им.
Иосифъ же сказуетъ сонъ,
Фараоновым двоимъ рабомъ.
Хлѣбодарю, мужю бедну,
Быть вскорости повѣшену, //
- (л. 7) Виночерпию в первой чести,
По-прежнему в своей власти.
Ему же Иосифъ стал молитися,
Темничных узъ свободитися.
«Никакаго зла неповинен есмь,

---

¹⁶ На месте буквы в в слове чернильное пятно.

Воистинну единъ Богъ вѣсть».
Виночерпии в несчастии,
Во своем горе и злосчастии
Друга вѣрна имѣлъ его,
Обѣщаль к царю помянуть его.
В темнице той оставляет.
Иосифъ же смиренный,
Надежды той лишенный,
Печаль свою возложив к Творцу,
Любезный сынъ своему отцу.
Услышал Богъ его моление,
Сердечное его стенание. //

(л. 7 об.)

Иосифа, своего раба,
Темничных узъ свободить того,
Являет сны прешрашныя
Фараону царю египетску.
Виночерпии же Иосифа
Хвалит царю преизлиха.
Ему же царь в своем горе
Пред собою стать велѣл вскорѣ.
Просит его с почтениемъ,
С презелнымъ молениемъ
Сказати сны прешрашныя,
Мудрецем его ужасныя.
Иосифъ же вѣща къ царю:
«Нынѣ твой раб тебе молю,
Начни купить в странѣ твоей
По всем градом власти твоей, //

(л. 8)

Собери пшаницу премногую
Препитати чадъ убогую.
Будеть бо глад по всей земли,
Всяка страна сие внемли».
Тогда воста съ престола царь,
Облекль его в свою утварь.
И царьский жезль ему вручает,
Вторымъ царемъ поставляет.
Князи же и боляре
Во всем царском его дворе
Иосифу поздравляють,

Своимъ царемъ называютъ.
Людие же и вси чернь
Красну поют устнами пѣснь.
Богу славу возсылаютъ,
Мирно житие провождают. //
(л. 8 об.) Всегда, и нынѣ, и присно,
И вовѣки вѣком, аминь.

Литература

- Астахова — *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. 396 с.
- Бильдюг, Ефимова — *Бильдюг А. Б., Ефимова Н. А.* Круг чтения зимнезолотицких поморов: Каталог рукописей из собраний Библиотеки Академии наук, Пушкинского Дома и частных коллекций. [Рукопись, подготовленная к печати].
- Бильдюг, Комелина — *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря // *Русская литература.* 2019. № 4. С. 52–63.
- Блажен еси Иакове — «Блажен еси Иакове имел еси сынов...»: [Лубок]. М.: [б. и., б. д.]. [XIX в.]. 3 л. (Собрание русских народных картинок М. П. Погодина).
- БПЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / Изд. подгот. А. М. Астахова. М.; Л.: Наука, 1961. 606 с.
- БСДС — Беломорские старины и духовные стихи: Собр. А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова, подгот. изд. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- Васкул, Комелина — *Васкул А. И., Комелина Н. Г.* Из истории бытования текста «Осада Соловецкого монастыря» на Зимнем берегу Белого моря // *Русская литература.* 2022. № 4. С. 272–274.
- Кузнецова — *Кузнецова В. С.* Устное бытование библейской легенды об Иосифе Прекрасном: фольклоризация сюжета // *Сибирский филологический журнал.* 2010. № 4. С. 5–10.
- Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым / С предисл. проф. В. Ф. Миллера. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 618 с.
- Новиков 2000 — *Новиков Ю. А.* Книга в семье сказителей Крюковых // *Народная культура Русского Севера: Живая традиция: Материалы респ. школы-семинара (10–13 ноября 1998 г.).* Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2000. Вып. 2 / Отв. ред. Н. В. Дранникова, Ю. А. Новиков. С. 20–30.
- Новиков 2001 — *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. 2-е изд., доп. СПб.: Европ. дом, 2001. 221 с.
- Оксенов — *Оксенов А. В.* Народная поэзия: Былины, песни, духовные стихи. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1894. 306 с.
- Плетнева — *Плетнева А. А.* Особенности текста и языка лубочного повествования об Иосифе Прекрасном // *Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка, 2006–2009.* М.: Древлехранилище, 2010. С. 503–522.

- Хлыбова — *Хлыбова Т. В.* Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А. В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2003. С. 130–133.
- Filosofova — *Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland: Bestandsaufnahme-Edition-Kommentar von Tatiana Filosofova.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2010. 464 p.

References

- Astakhova, A. M. (1948). *Russkii bylinnyi epos na Severe.* Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 396 p.
- Astakhova, A. M., ed. (1961). *Byliny Pechory i Zimnego berega. Novyye zapisi.* Moscow, Leningrad: Nauka, 606 p.
- Azbelev, S. N., Ivanova, T. G., Marchenko, Yu. I., eds. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: Sobraniye A. V. Markova.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1080 p.
- Belomorskiye byliny, zapisannyye A. Markovym.* S predisloviem professora V. F. Millera (1901). Moscow: Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson, 618 p.
- Bil'dyug, A. B., Efimova, N. A. Krug chteniya zimnezolotitskikh pomorov: Katalog rukopisei iz sobranii Biblioteki Akademii nauk, Pushkinskogo Doma i chastnykh kollektzii. [In print.]
- Bil'dyug, A. B., Komelina, N. G. (2019). 'Pomorskiye skaziteli i knigi: ob arkhograficheskikh nakhodkakh na Zimnem beregu Belogo morya', *Russkaya literatura*, 4, 52–63. "Blazhen esi lakove imel esi synov...". [Lubok]. [s. a., 19th century]. (Sobranie russkikh narodnykh kartinok M. P. Pogodina). Moscow: [s. n.], 3 fol.
- Filosofova, T., ed. (2010). *Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 464 p.
- Khlybova, T. V. (2003). 'Dukhovnyye stikhi o Egorii Khrabrom iz sobraniya A. V. Markova', in: *Lokal'nye traditsii v narodnoi kult'ure Russkogo Severa (Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ryabininskie chteniya — 2003")*. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i etnograficheskii muzei-zapovednik "Kizhi", 130–133.
- Kuznetsova, V. S. (2010). 'Ustnoe bytovanie bibleiskoi legendy ob Iosife Prekrasnom: fol'klorizatsiya syuzheta', *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 5–10.
- Novikov, Yu. A. (2000). 'Kniga v sem'ye skazitelei Kryukovykh', in: N. V. Drannikova, Yu. A. Novikov, eds., *Narodnaya kul'tura Russkogo Severa. Zhivaya traditsiya: Materialy respublikanskoi shkoly-seminara* (10–13 Nov. 1998). Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 2, 20–30.
- Novikov, Yu. A. (2001). *Bylina i kniga: Analiticheskii ukazatel' zavisimykh ot knigi i fal'sifitsirovannykh bylinnykh tekstov.* 2nd ed. Saint Petersburg: Evropeiskii dom, 221 p.
- Oksenov, A. V. (1894). *Narodnaya poeziya. Byliny, pesni, dukhovnye stikhi.* Moscow: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 306 p.
- Pletneva, A. A. (2010). 'Osobennosti teksta i yazyka lubochnogo povestvovaniya ob Iosife Prekrasnom', in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka, 2006–2009.* Moscow: Drevlehranilishche, 503–522.
- Vaskul, A. I., Komelina, N. G. (2022). 'Iz istorii bytovaniya teksta "Osada Solovetskogo monastyrya" na Zimnem beregu Belogo morya', *Russkaya literatura*, 4, 272–274.

Т. С. Канева

УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЕ СКАЗКИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ИСПОЛНЕНИИ М. А. СЕМЕНОВОЙ НА ФОНЕ МЕСТНОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме

В статье рассматриваются четыре записи сказки об Илье Муромце, сделанные в течение десяти лет (1980–1990) в Усть-Цилемском районе Республики Коми (бассейн Печоры) от Марфы Алексеевны Семеновой (1917–1997); одна из них (из архива кафедры фольклора МГУ) опубликована как пересказ былины в первом томе Свода русского фольклора, остальные хранятся в Фольклорном архиве СГУ. Как пересказ былины вариант этой исполнительницы заметно выделяется среди других пересказов былинных сюжетов о главном богатыре русского эпоса, прежде всего своим объемом. Текст, рассказанный М. А. Семеновой, объединяет сюжеты об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении Киева от орды. Варианты записи М. А. Семеновой сопоставляются между собой, а также с другими усть-цилемскими вариантами сюжетов об этом герое (былинами и сказками). По результатам сравнительного анализа комментируются наиболее интересные наблюдения об особенностях сюжетного построения и реализации мотивов и образов. В частности, обращено внимание на редкий мотив получения героем имени (Илья Муромец «замуромил» реку), на нехарактерную причину заточения Ильи Муромца в погреб. Отмечены особенности текстов: совпадающие и варьирующиеся фрагменты, опирающиеся на традиционные формулы и прозаизированные, приближенные к привычной для рассказчицы обстановке и переданные простым языком. Эти наблюдения предваряются характеристикой репертуара исполнительницы, оцениваются возможные источники ее фольклорного знания, делается вывод об устном усвоении сказок и о четком различении М. А. Семеновой сказок и былин.

Ключевые слова: сказка, былина, эпос, Илья Муромец, Усть-Цильма, вариант, исполнительство

THE UST-TSILMA FOLK TALES ABOUT ILIA MUROMETS PERFORMED BY MARFA ALEKSEEVNA SEMENOVA AS A PART OF THE LOCAL TRADITION

Abstract

The article examines four recordings of a tale about Ilia Muromets that was narrated by Marfa Alekseevna Semenova (1917–1997) in the Pechora River basin of the Ust-Tsilma District of the Komi Republic. The recordings were made in the years 1980–1990. Three recordings are kept in the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, and one is preserved in the Archive of the Department of Folklore of Moscow State University. The later was published in the first volume of the *Svod russkogo folklora* as a version of a *bylina* about the main hero of the Russian epic. If considered as a retelling of the *bylina*, Semenova's tale noticeably differs from other epic versions. The text narrated by Semenova is much larger and combines stories about the healing of Ilia Muromets, his victory over Solovei-Razboinik and the deliverance of Kiev from the pagans. This study compares the four recordings of Semenova's narration with each other and with other Ust-Tsilma variants of the *byliny* and tales about this hero. The article comments on the most interesting peculiarities of the construction of the plot and the implementation of motives and images in Semenova's tale. Special attention is paid to the rare motive for the hero to receive a name — Ilia Muromets *zamuromil* (i. e., dammed up) the river — and to the atypical reason for his imprisonment in the cellar. The study also notes such features as overlapping and varying fragments that are based on traditional formulas and others that are expressed in prose, relate to the familiar environment of the narrator, and are conveyed in ordinary language. The article includes a description of the performer's repertoire and a discussion of the possible sources of her folklore knowledge. The study led to the conclusion that Semenova learned the tales by ear and that she was well aware of the distinction between a folk tale and a *bylina*.

Keywords: folk tale, *bylina*, epic, Ilia Muromets, Ust-Tsilma, variant, performing

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-193-207

В большой группе былин об Илье Муромце, записанных в Усть-Цилемском районе Республики Коми и опубликованных в Своде русского фольклора (89 текстов) [БП], имеется немало вариантов, переданных в пересказе (23 текста). В числе их исполнителей — и признанные старинщики (например, А. Ф. Вокуев или И. П. Поздеев), которые пересказали былину, а не исполнили ее пением-сказыванием в силу каких-то определенных обстоятельств, и носители традиции, о знании былин которых можно судить лишь по этому единственному пересказу. В числе последних — шесть исполнителей. Тексты пяти из них выглядят как краткая передача сюжетов, скромно занявшая на страницах Свода несколько строк (3–5, 8, 18). На этом фоне

заметно выделяется объемный текст М. А. Семеновой — 110 условных печатных строк, — объединивший сюжеты об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении Киева от орды [БП, т. 1, № 57] и названный самой исполнительницей сказкой [БП, т. 1, с. 693]. Вариант опубликован по записи из архива кафедры фольклора МГУ, сделанной Н. В. Вдовченко в 1980 г.

Кроме этого текста, в тетради Н. В. Вдовченко имеются и другие материалы, зафиксированные от М. А. Семеновой: еще три сказки, загадки, колыбельная, плач невесты и песни (всего — 20 единиц записи)¹. В этой же экспедиции другому ее участнику, И. В. Коробушкину, М. А. Семенова исполнила семейное виноградьё, причитание по мужу, песню плясового характера и весьма оригинальную «солдатскую» песню².

Собиратели Сыктывкарского университета в 1986 и 1990 гг. также встречались с этой исполнительницей. В полученной коллекции текстов — произведения разных фольклорных жанров (в частности, те же, что и в материалах МГУ: сказки, колыбельная и святочное величание, загадки, а также колыбельная, песни, мифологические и историко-легендарные нарративы) и рассказы фольклорно-этнографического характера (всего — 75 единиц записи³, не считая еще нескольких традиционных песен в составе небольшого ансамбля).

Зафиксированный двумя группами собирателей репертуар М. А. Семеновой отражает разнообразный «фольклорный багаж» носителя местной традиции. Давая ему общую оценку, отметим, что как фольклорный исполнитель Марфа Алексеевна наиболее ярко раскрылась прежде всего в прозаических жанрах⁴: она охотно рассказывает о разных случаях, повествование ведется ею неторопливо, обстоятельно; спокойная манера говорения не заслоняет очевидного интереса к излагаемому. И если записанные от М. А. Семеновой песни, загадки, былички и предания вряд ли исчерпывающе передают степень ее владения этими и некоторыми другими жанрами, то полностью совпадающий в обеих архивных коллекциях список сказок может вполне уверенно говорить о том, что их репертуар был невелик и, скорее всего, ограничивался только этими четырьмя сюжетами («Марфа Прекрасная, Иван и два брата», «Девушка и разбойник», «Самодин-семизубка» и «Илья Муромец»).

¹ АКФ МГУ. ФЭ-12: 4-10-1980. Т. 19. № 249–268.

² Там же. Т. 18. № 192–195.

³ Фольклорный архив СГУ. Усть-Цилемское собр. (далее — ФА СГУ). АФ 0306: 3–5; АФ 0307: 1–18; АФ 03103: 44–47; АФ 03104: 1–21; АФ 03107: 18–27; АФ 03108: 1–3; АФ 03114: 11.

⁴ См.: [Наумова].

Исходя из лаконичных рассказов исполнительницы и некоторых других данных, можем заключить, что источниками фольклорного знания М. А. Семеновой была исключительно устная традиция — семейная, деревенская, причем не замкнутая, а постоянно взаимодействующая с локальной (в пределах района) традицией. Марфа Алексеевна (1917–1997) родилась и выросла в деревне Бор⁵ на Печоре, основанной ее родителями, устьцилемцами Алексеем Яковлевичем и Анной Никифоровной Кисляковыми. В маленькой деревне боровяне вместе не только справляли праздники⁶, но и проводили досуг⁷. При этом Бор стоял на пути, связывающем местечко Старые Дворища напротив села Усть-Цильма, выполнявшее роль сельскохозяйственной базы, с «микрорайонами» края Пижмой и Цильмой, и в доме перво-засельщиков всегда было много гостей, в их числе бывали и сказочники, и, возможно, сказители-былинщики. Сама М. А. Семенова четко различала сказки и былины (стáрины); она вспоминала, что сказки знала ее мать «и отец сказывал, да тут люди кое-кто сказывали стары-те: был Олампий Кондратьевич, у его фамилия Поздеев, наверно, была; а второй тут-ка был Иван Павлович, дак они сказки каки ле всяки сказывали. ⟨...⟩ А тут опять как стáрины назывались, пели тоже они»⁸. С большой долей уверенности можем говорить о том, что былинным репертуаром сама Марфа Алексеевна не владела, иначе собирателям, пристрастно искавшим последние следы бытования эпоса на Печоре и неоднократно встречавшимся с М. А. Семеновой, наверняка удалось бы сделать от нее такие записи.

В примечании Н. В. Вдовченко к сказке об Илье Муромце сообщается: «Слышала она ее от своего деда» [БП, т. 1, с. 693]. Отвечая на вопрос собирателя А. Н. Власова об этой же сказке, М. А. Семенова вспоминала: «Скажу я тебе: мы там это жили в деревне-то, на Бору-ту, а ёводека опять есть

⁵ В архивных материалах и публикациях местом рождения М. А. Семеновой ошибочно названы другие усть-цилемские деревни (Барашки, Черногорская, Алёхино); биографические данные уточнены нами в 2023 г. (ФА СГУ. АФ 03456-XX).

⁶ См., например: «Вот эти заговня стары люди всё гуляли. У меня отец рюмки хошь нё пил, а он с людьми знался, это вот к нам гостей соберёт, там на Бор к нам приедут люди. ⟨...⟩ Неделя пройдёт — тогда опять поедут к другим, опять на Устьелму, опять там гулять» (ФА СГУ. АФ 0307-11; зап. в 1986 г.). Здесь и далее в расшифровках аудиозаписей в угловые скобки нами заключены незначительные пропуски текста или восполненные в словах слоги.

⁷ «Тут девки ко мне ходили, девки придут, они чё ле, отец да мати, тут то сказки каки ле, то бывальщины каки ле — чё ле рассказывают. Такó на веках бывало какó ле, чё ле такó. ⟨...⟩ Мы эво в деревне особенно там жили, дак ведь деревня небольшая по первости была, веселья такого никакого нет, вот чё ле соберёмся, сидим вечером, одны сказывают, други слушаем да и» (ФА СГУ. АФ 03104: 4, 5; зап. в 1990 г.).

⁸ ФА СГУ. АФ 03103-45; зап. в 1990 г. См. также: «Стáрины-ти ране пели» (ФА СГУ. АФ 0307-11; зап. в 1986 г.).

деревня это за рекой на острове, отсель она видно, Стары Дворища называется, это в той деревне только на лето люди ездили. И тут с Усть-Цильмы ездили такой старик да старуха, а они нашим-то, отцу-ту, были такой знакомы, ездили всё это раньше друг к дружке, дак вот эти старик да старуха из этой, со Старых-то Дворищ, к нам это в деревню-то всё приезжали, ак они столько много сказок знают! Дак это приедут осенью к нам дак, тут все соберутся, все у их сказки слушают. Дак я вот эту запомнила как-то каку ле сказку...»⁹.

Между богатырскими сказками и пересказами былин (побывальщинами) грань трудноуловима [Астахова 1962, с. 4]. Сюжет об исцелении богатыря-сидня, по наблюдениям А. М. Астаховой, распространен преимущественно в прозаических пересказах и сказочных обработках. В форме былины он известен исключительно Северу, но и здесь записано мало текстов, отличающихся хорошо отработанным былинным стихом, большинство же текстов отмечены прозаическим складом. Всё это заставляет предполагать первоначальное возникновение сюжета в форме легендарно-сказочной на основе широко распространенных народных сказок о сидне (...) Былинные же обработки явились, очевидно, позднейшими попытками переоформить уже распространившуюся сказку в былину» [Астахова 1958, с. 449].

Не касаясь вопросов жанровой атрибуции, мы сосредоточимся на сказке об Илье Муромце (СУС—650С*) в записях от М. А. Семеновой с целью сопоставления их между собой, а также с другими усть-цилемскими вариантами сюжетов об этом герое — опубликованными былинами и двумя сказками об исцелении Ильи Муромца из ФА СГУ (оба варианта — краткие, рассказанные женщинами, также не входящими в число знатоков былин)¹⁰.

От М. А. Семеновой сказка об Илье Муромце записывалась четыре раза¹¹. Она объединяет три сюжета (лишь один вариант записи (Т-2), по всей видимости, был зафиксирован не с начала и передает только последний сюжет): 1) «Исцеление Ильи Муромца»; 2) «Илья Муромец и Соловей-

⁹ ФА СГУ. АФ 0307-2; зап. в 1986 г.

¹⁰ ФА СГУ. АФ 0344-37 (Ермолина Ф. Ф., 1927 г. р., с. Трусово, зап. З. Н. Мехреньгиной, А. В. Панюковым, Ф. Габерах в 1988 г.); АФ 0374-13 (Хозяинова А. В., 1897 г. р., д. Гаревое; зап. А. А. Бильчуком в 1988 г.).

¹¹ Напомним, что первая по времени запись была сделана в 1980 г. собирателем из МГУ Н. В. Вдовченко, этот вариант опубликован [БП, № 57], обозначим его как текст № 1 (далее при ссылках — Т-1); цитаты из него приводятся в полном соответствии с публикацией). Три варианта получены собирателями Сыктывкарского университета: в 1986 г. запись выполнена А. Н. Власовым и Т. Е. Васильевой (ФА СГУ. АФ 0307-1; текст № 2, далее — Т-2); в 1990 г. с М. А. Семеновй дважды встречалась З. Н. Мехреньгина: в апреле (ФА СГУ. АФ 03103-47, АФ 03104-1; текст № 3, далее — Т-3) и в ноябре (ФА СГУ. АФ 03114-11; текст № 4, далее — Т-4); расшифровка аудиозаписей из ФА СГУ выполнена З. Н. Мехреньгиной и Т. С. Каневой.

разбойник» (включая «Три дороги», но без эпизода, связанного с семьей разбойника); 3) «Илья Муромец и Калин-царь». Подобная трехчастная история об этом герое в печорских былинах представлена у П. И. Торопова [БП, № 43] и Е. Г. Мяндиной [БП, № 49], а у А. А. Шишеловой входит в состав большого сводного произведения об Илье Муромце [БП, № 48]. На одном или двух из трех названных сюжетов строится еще 28 усть-цилемских вариантов былин, при этом повторные записи от одного сказителя единичны¹². На этом фоне группа текстов М. А. Семеновй (четыре варианта записи) выглядит исключительно, предоставляя исследователям интересный материал для сравнительного анализа. Оставляя в стороне многочисленные детали, полученные по его результатам, отметим наиболее интересные и важные, на наш взгляд, моменты.

Повествование М. А. Семенова начинается в традиционной сказочной манере, герои безымянны: «Жили-были мужик да баба (Т-1, Т-4) / муж да жона (Т-3). У их был сын (Т-1, Т-3) один (Т-4)». Былинные целители нездорового сына — «сиротины убогие, калики перехожие» — «упрощены» рассказчицей до двух «прохожаев незнакомых» / «мужиков» / «мушчын»¹³.

Обратим особое внимание на имя главного героя. В одном из текстов М. А. Семеновй (Т-3) в первой части повествования (об исцелении) оно вовсе не называется¹⁴. Однако в двух других вариантах записи рассказчицей предложена весьма интересная версия происхождения имени. Она реализуется в описании крестьянского подвига, когда получивший необыкновенную силу герой (все еще никак не названный — просто «он») отправляется в поле к родителям и ловко вырывает деревья, заваливая ими реку / озеро: «Поле это было возле озера, так он лесину возьмет, с кореньями оторвет, мечет в озеро, сколько сил у его много, не только что он топором... Ну, метал он и метал, лесины рвал, много он тут места вычистил, *озеро всё замуромил*. А его звали Ильей. *И его прозвали поэтому* стар казак Илья Муромец: *он замуромил*, всё заметал озеро» (Т-1)¹⁵; «А тут озеро есь, така речка, озеро, тут лес. Он это лес-от всё рвёт так с кореньями, лесинки оторвёт

¹² Это две одновременные записи об исцелении Ильи Муромца и Соловье-разбойнике в исполнении Г. В. Вокуева [БП, № 50 и 54] и записи от П. И. Торопова, сделанные в один день: сначала он пересказал трехчастную былинку целиком [БП, № 43], а после напел ее начало — «Исцеление» [БП, № 44].

¹³ Как и двумя другими усть-цилемскими исполнительницами сказок об исцелении Ильи Муромца: «...пришёл к ему какой-то там, стал просить у его пить», «напоил этого дядьку...» (ФА СГУ. АФ 0344-37); «пришли два мужика», «вот мне приходили два дяденьки» (ФА СГУ. АФ 0374-13).

¹⁴ Имя «стар казак Илья Муромец» появляется лишь в следующей сюжетной части — о встрече с Соловьем-разбойником.

¹⁵ Здесь и далее в примерах из фольклорных текстов курсив мой. — Т. К.

да опять в речку, да всё в озеро-то и мечет. *И это всё заму́ромил эту речку, озеро. Ак вот его поэтому и про́звали* стар казак Илья Муромец — *это он заму́ромил всё это, воду́-то, реку́-то*» (Т–4).

Насколько мы можем судить, мотив «герой заму́ромил реку и получил имя Муромец» является редким на общерусском фоне¹⁶. Примечательно, что параллели озвученной М. А. Семеновой этимологии имени обнаруживаются непосредственно в усть-цилемских текстах. Наиболее близкий вариант — с подобной мотивировкой появления имени, но с другим, хотя и созвучным, глаголом — находим в пересказе сюжета об исцелении богатыря в записи от пижемца Ф. Ф. Мяндина: «Потом он пришел к ним да начал лес кидать. Со всем, с кореньями и стал рвать. Кидал, кидал — да всю речку закидал, *замуровал*¹⁷. *Так его и стали звать* — Илья Муромец» [БП, Прил. I, № 8]. В «сказке» (фрагментарном пересказе) об исцелении Ильи Муромца, записанной на Цильме от Ф. Ф. Ермолиной, причинно-следственная связь между «свершением» и именованьем субъекта лишь угадывается, тем не менее главные элементы мотива сохранены: «Илья побежал там к отцу да к матери. Они секут топором, а он ёлочки выдергивал да кидал, да и всю *реку заму́ромил*, реку-ту забросал всю ⟨шибко⟩ — ма́ленька речка-то была. Дак и сказали, что Илья Муромец *реку заму́ромил*»¹⁸. Близкий мотив, в котором объектом именованья становится запруженная река, наблюдаем еще в одном тексте из Усть-Цильмы: «...начал он эти пенёшки-берёзки вытаскивать, никакой сохи в руки не брал, ничего. *И речку эту закидал* тем, чего корчевал, лесом. *Не потекла речка, так и называлась* [с тех пор] *речка Муромкой*. И сейчас, наверно, называется» [БП, Прил. I, № 9]. Наконец, стяженный вариант мотива «герой заму́ромил / заму́ровал реку, отчего река получила имя Муромка / Муравленка» можно усматривать в былине усть-цилёма Т. С. Дуркина (где главный герой вовсе не имеет привычного прозвания Муромец): «Пришел Илья: „Здравствуйте, я ваш сын. Идите домой, я вам напашу“. *Речка Муравленка пошла через луга*» [БП, № 51].

Таким образом, оригинальное изложение М. А. Семеновой происхождения имени главного богатыря русского эпоса в совокупности с другими усть-цилемскими текстами может быть оценено как интересная местная особенность, безусловно требующая дальнейшего сравнительного изучения.

Что касается самого исцеления, то, несмотря на типичность способа (через выпивание предложенного целителями напитка), детализация этой

¹⁶ Ср.: «Илья Муромец запрудил реку» [Смирнов, II. ВВ. 12].

¹⁷ К сожалению, в опубликованном тексте не показано ударение в этом слове.

¹⁸ ФА СГУ. АФ 0344-37.

сюжетной ситуации М. А. Семеновой выглядит, на наш взгляд, довольно редкой. В подавляющем большинстве печорских текстов странники настойчиво предлагают сидню самому встать / стронуться / слезть / сойти с печи / пошевелиться / протянуть руку-ногу и т. д. и спуститься в погреб за напитком¹⁹. В варианте М. А. Семеновой такого чудодейственного повеления нет, гости вынимают бутылку, подносят больному «стопку» / «чару зелена вина» и сами вливают ему в рот жидкость: «Они поднесли, в рот ему вылили, он поглотил это, выпил и стал вставать с койки» (Т-1); «Они поднесли ему, немножко в рот вылили, он выпил» (Т-3); «Они ему поднесли, так лёжа ему выпоили, он выпил» (Т-4). Наиболее близкими усть-цилемскими вариантами такого воздействия на героя можно считать предложение «глонуть» воды из кувшина, принесенного «старцем», в пересказе былины М. Ф. Кирилловой [БП, № 56] и выпить чашу (воды?) в сказке А. В. Хозяиновой²⁰. Примечательно также и то, что в каждом из трех текстов М. А. Семеновой эпизод исцеления передан с разной степенью подробности — в них видим один, два и четыре акта выпивания: в одном (Т-1) герой уже после первого раза почувствовал избыточную силу, которую «убавляют» из другой бутылки; в другом варианте (Т-3) «моготу́-силу» уменьшают лишь после трех приемов напитка (при этом о «другой бутылке» не упоминается); в третьем тексте описано однократное подношение: «...если, говорят, ему другу-ту стопку подать, дак его земля не будет носить. Он так это шибко будет какой-то такой сильный. Ну, ладно, го(во)рят, тогда: „Выпил стопку, дак и хватит, живи на здоровье“» (Т-4).

В числе других наиболее заметных отличий в изложении сюжетных линий М. А. Семеновой отметим также нехарактерную причину заточения царем Ильи Муромца. Обычно после демонстрации на пиру Соловьем-разбойником своего ужасающего, губительного свиста богатырь окончательно расправляется с ним (бросает о землю, срубает голову и т. п.) и тем самым завершает свой подвиг избавления мира от чудовища, а позже, обласканный князем, стар казак становится жертвой навета завистливых бояр и подвергается наказанию. В сказке М. А. Семеновой Илью решают посадить на 30 лет в темный / глубок погреб сразу после «выходки» Соловья Рахматовича — как будто тоже повинного в ней (точнее, в ее последствиях: «Тут люди со свисту его {...} много мертвых оказались», Т-1). При этом рассказчица сообщает об осознанности поведения плененного разбойника — он намерен-

¹⁹ Лишь в трех из 18 соотносимых вариантов этого эпизода усть-цилемских былин чудесным средством становится краюха хлеба / коврига.

²⁰ ФА СГУ. АФ 0374-13.

но свистит не «в полусвиста»: «*осердился* тоже, что там вот так сделали...» (Т-1); «он тоже *обозлился*...» (Т-3); «А он тоже *обозлился*, этот Соловей Рахматович, что тут так его, дак он заревел да во весь полон свист» (Т-4). Ответный гнев «царя» («Ну, тут царь тоже рассердился...», Т-1) распространился и на Илью Муромца, и расправу над Соловьем-разбойником совершили без его участия.

Обратим внимание также на некоторые особенности воплощения сюжетных ситуаций и образов в сказке М. А. Семеновой.

В рассматриваемых записях есть как почти дословно совпадающие фрагменты, так и варьирующиеся (причем и формульные, и прозаизированные), а также единичные, появившиеся лишь в одном из вариантов. Так, например, очень сходны между собой описания, опирающиеся на традиционные формулы и общие места: выбор богатырем дороги у столба на рощах, укоры коню — «травяному мешку», испугавшемуся свиста Соловья, приговор стреле, недоверие бояр в ответ на сообщение Ильи Муромца о преодолении непроезжей дороги и др.

Т-1	Т-3	Т-4
Ох ты, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляешься?	Ой, еси ты, доброй молодец! Не пустым ле ты да похваляисьсе?	Ой, еси, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляисе?
Эта дорога уже запала тридцать лет.	Эта дорога 33 года запала,	Та дорога 33 года запала,
Добрый молодец не прохаживал по этой дороге, чёрный ворон не пролетывал.	добрый молодец не прохаживал, чёрной ворон не пролетывал.	чёрный ворон не пролетывал, доброй молодец не прохаживал.
Заселился тут Соловей Рахматович, свистом людей убиват...	Там сидит на дубах, заселилсе этот Соловей Рахматович, он свистом людей убиват. Тут никто не может проезжать...	Там сидит на лесу Соловей Рахматович, свистом он людей убиват.

Комментируя публикуемый в [БП] вариант сказки М. А. Семеновой из собрания АКФ МГУ (Т-1), Ю. А. Новиков отметил, что «в тексте встречаются характерные для местной традиции подробности и формулы (Илья — слепой, он говорит каликам: „Я не то вам подать, я от вас принять готов“; Соловей-разбойник сидит „на семи дубах, семи поддубках“ и др.)» [БП, с. 693, № 57]. Действительно, в опубликованной записи рассказчица в ответе «сидня» на просьбу чудесных странников об угощении ориентируется на его формульную подачу, и в сравнении с другими вариантами здесь ей это удалось в наибольшей степени.

Т-1	Т-3	Т-4
«Ой, робятушки, я не то вам подать — я от вас принять рад».	«Ой, робята, добры молодцы, я не то вас угостить, дак рад от вас чё ле принять».	— «Я не то, — го(во)рит, — вас угушчать, а рад от вас, — го(во)рит, — чё ле принять».

Сама просьба передана М. А. Семеновй в вариантах по-разному — с традиционным сочетанием «чара зелена вина» и с упрощенным («обытовленным») побуждением к угощению, ср.: «Подай, говорят, нам хоть по чары зелена вина» (Т-1); «Давай, чем-нибудь угости нас. Может, у тебя чё ле есть дак» (Т-3); «Давай, угощай нас, гостей» (Т-4).

В числе характерных для печорской былинной традиции художественных подробностей, оцененных в качестве таковых Ю. А. Новиковым [БП, т. 1, с. 688], стоит назвать сравнение поседевшего в заточении Ильи Муромца с «белым куроптем», неоднократно примененное М. А. Семеновй («Слуги пошли у царя, погреб открыли, посмотрели — он сидит, бел, как куропат», Т-1; «...весь побелел, как куропать, уже поседател», Т-3; и др.).

В двух сюжетных эпизодах Марфой Алексеевнй использована сказочная формула продолжительности пути «близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли»²¹: в описании выезда богатыря из дома (Т-4) и пути в Киев-град с пораженным Соловьем-разбойником (Т-1, Т-3).

В характеристике пира можно усматривать следы своеобразной трансформации М. А. Семеновй стереотипного описания «день идет ко вечеру, пир идет навесели»: «У царя тут собраной *пир навёсел*» (Т-3); «Опять это *пир навёсел* как вроде с радости сббрали тута-ка, угощают старого казака» (Т-4). Наверняка зная разные поэтические клише, рассказчица тем не менее не всегда следует им; сравним, например, варианты ответа Ильи на нежелание родителей благословить его в дорогу — «прозаизированный» и формульный: «А он говорит: „Да ведь я и без благословения поеду, все равно пойду, мне охота съездить“» (Т-1) и «Дадите благословеньё — поеду, и не дадите — поеду» (Т-3). Испрашивание благословения на поездку в вариантах Марфы Алексеевны тоже выглядит неодинаково: лаконично (Т-1) и более развернуто, при этом с различными мотивировками отъезда.

²¹ Есть она и в другой рассказанной М. А. Семеновй сказке — об Иване, двух братьях и Марфе Прекрасной (ФА СГУ. АФ 03107-18).

Т-1	Т-3	Т-4
Стал у матери-отца просить благословления ехать в стольный Киев-град...	У отца да у матери стал просить благословленья ехать в стольной Киев-град. Там, слышал, есть много <i>богатырей</i> живёт — богатырей посмотреть.	У их стал благословленья просить ехать в стольный Киев-град, там <i>бояра</i> живут.

Добавим, что если желание «посмотреть богатырей» характерно для русских былин²², то бояре как «достопримечательность» Киева и повод для поездки не относятся к числу распространенных деталей. Примечательно, что в «избе» у «царя» Илья Муромец в основном и видит «бояр толстобрюхих»: «Там цари собрались, пируют, собраны *бояре толстобрюхие*. Гуляют, пьют тут, веселятся» (Т-1); «У царя тут собраной пир навесёл. Тут *бояра* собраны *толстобрюхи*, гуляют, пьют, пьют, выпивают, поют» (Т-3); «У царя тут чесен пир собранный, *бояра толстобрюхи* гуляют — в обшэм, така гулянка. (...) Зашёл в йзбу. *Бояра* тут гуляют, пьют» (Т-4).

Довольно интересен своими выразительными деталями и характером изложения сюжетный эпизод уничтожения старым казаком «орды неверной» («Илья Муромец и Калин-царь»). Четыре варианта М. А. Семеновой демонстрируют следование одной схеме, опорными в которой являются место действия («чисто поле»), обозначение орудия («палица буювая»), способ владения им («стал помахивать» / «поваживать» / «покашивать», «махнёт» / «коснёт»), описание физического уничтожения врагов (разрубание на две-три части) и его результат («всю орду присек» / «присекли» / «всех переборол»); при этом обращает на себя внимание и органичное вкрапление диалектизмов, ср.:

«Этот стал казак Илья Муромец по чистому полю поезживать, у него така орудия, какая-то палица буювая была, этой палицей буювой помахивать, по людям поезживать, кого махнет, коснет, так на две, на три части целовек... Этак поезживал, поезживал, поваживал палицей буювой, всю эту Орду присек» (Т-1);

«Выехали в чисто полё, бороться тама-ка, воевать — на их как идут войной. Этот стар казак вот Илья Муромец стал помахивать палицей буювой: куго коснёт, на два да на три утинка²³ — части — лётят люди. И вот эту войну всю они, он всех переборол» (Т-2);

²² См., например: «Посмотреть мне князя Владимира, / Посмотреть всех русских богатырей» [БП, № 40, ст. 65, 66].

²³ *Утинка* — небольшая часть, кусок чего-нибудь [СРГНП, т. 2, с. 384].

«Илья Муромец ездит на коне, как палицей буёвой куго махнёт, дак два да три человека опять это чéрез пересекают. Это ездили-ездили по чистому полю, и всю эту орду неверну присéкли, и лежат все» (Т–3);

«Эти взяли палицы буёвы, поехали в чисто полё. Тут столько на них напахнуло орды неверной! Они стали поезживать, это поваживать, покашивать. Как какого хозонут²⁴, дак так и на две части-половинки, да на три — так и человек. Тут они их все присéкли» (Т–4).

Примечательно, что разрубание противника на несколько частей, известное русскому эпосу, не встречается в усть-цилемских вариантах былины о воинских подвигах Ильи Муромца. Не прибегая, к примеру, к формульным описаниям битвы²⁵, Марфа Алексеевна создает зримую картину расправы с «неверными», любясь удалью и грациозностью богатыря, который как будто не в полную силу, играючи поражает неприятеля (обратим внимание на глаголы с приставкой по- со значением неполноты и многократности действия: *поезживает, поваживает, покашивает, помахивает*).

Вообще рассказчица передает историю об Илье Муромце как вполне реалистичную, понятную ей. Она сама делает пояснения к устаревшим, с ее точки зрения, словам; в частности, практически при каждом рассказывании останавливает внимание на «ранешних», «тогдашних» средствах передвижения и оружии: «А раньше никакой орудии не было, механизации никакой не было, только поедут на лошадках да пешком пойдут» (Т–1); «Тогда ведь это не то что кака ле техника была — на кóнях там боролись. „Только, — го(во)рит, — подготовьте палицу мне, — го(во)рит, — боёвые, — говорит, — дайте“, — каки ле были там, така орудия» (Т–2); «А тогда механизации никакой не было. Он го(во)рит: „Если есть, — го(во)рит, — кони хороши — можно, — го(во)рит, — поедем на кóнях. Да если есть палицы буёвы“ — таки это махать людей тогда, та и орудия была» (Т–3); «А тогда орудии никакой, механизации не было, были таки палицы буёвы каки-то, это тут хозонут, свиснут²⁶, дак и убивают, это каки ле как свинцы да всё таки наделаны» (Т–4); «А у него была стрела, лук. (Это раньше орудия такая была, лук да стрела.)» (Т–1); «Така стрела была, лук. Вот раньше та была и орудия, та и механизация» (Т–3); «А у его с собой-ту орудия-то тогда была така — лук да стрела» (Т–4).

²⁴ *Хóзнуть* — ударить с размаха [СРГНП, т. 2, с. 401].

²⁵ См., например, в усть-цилемских вариантах сюжета «Илья Муромец и Калин-царь»: «И махнет он этой палицей: направо махнет — целой улицей вáлятца, налево махнет — перелуками» [БП, № 49, ст. 212–214], подобное см.: [БП, № 103, ст. 63–64].

²⁶ Ср.: *в́ысвистать* — разбросать в стороны, разметать; ударом выбить, вышибить [СРГНП, т. 1, с. 120].

Многие эпизоды Марфа Алексеевна приближает к привычной ей обстановке и рассказывает их простым языком, по-женски эмоционально. Это свойственно практически всем значимым сценам повествования: и появлению Соловья-разбойника на пиру, и помощи сердобольной «царицы» посаженному в погреб богатырю, и переговоры с ним царя при участии слуг и жены, когда «война началась». Приведем в качестве примера встречу Ильи Муромца с родителями, «до обморока» удивленными его появлению на поле и на радостях обнимающими его, точнее, «хватаящими в охапку»: «Отец с матерью увидели: смотрят — он идет, сын ихний. Подошел. Они в обморок пали, просто это... тридцать три года уже лежит, не встает» (Т-1); «Они увидели, что он идёт, они одва в обморок не пали: уж тридцать три года лежит без рук, без ног, слепой — и идёт он. Они тут подбежали к нему, в охапку его схватили: „Чё с тобой тако случилось?“ (...) Ну, они тут оступились работы: „Давай пойдём домой“» (Т-3); «Они там видят: вроде он идёт. И всё уже, эдва тут в обморок не пали: как так? Идёт уж²⁷. Тридцать три года лежит, ничем, ничё и... Они к нему навстречу побежали. Бёжат: он, сын ихной. Они тут его хватили в охапку» (Т-4). В таком же ключе передана реакция односельчан на известие об исцелении Ильи: «Тут суседы все собрались. Тута-ка немножко собрали как канпанью, выпили с радости. Это всё тут такое, соседи все знают, что он лежал, а тут так» (Т-3); «Там люди всё увидели, все тут скопились, все его, как вроде уж тут на диво кажется, встречают» (Т-4). Отголосок этих сцен видим в описании «всеобщей радости» по случаю освобождения Ильи Муромца из заточения: «Тут люди скопились все, тут его стречают, в охапку хватают, целуют» (Т-4).

Повествование об Илье Муромце М. А. Семенова заканчивает вполне по-сказочному: после пира в честь победы над ордой принято решение «старого казака Ильи Муромца царю взять чтобы на житьё, на бытьё до смерти» (Т-4). В одном варианте она даже допустила, что богатырь стал преемником царского престола: «этот царь сдал всё при людях тут старому казаку, это царство тут ему царствовать, править» (Т-3). В финальных фразах рассказчица приближается к известной сказочной формуле «стали жить-поживать да добра наживать»: «И вот тот стал жить, и стали жить это да поживать» (Т-3); «стал поить, кормить его, хорошо держать» (Т-1); «Царь этого старого казака взял себе на житьё на бытьё до смерти, чтобы его в добри так уж это держать. И вот, тут больше они его держали: поили, кормили хорошо, ухаживали за им» (Т-2). Но в трех из четырех вариантов сказка заверша-

²⁷ Ср. с другим «женским» вариантом этого эпизода — в пересказе М. Ф. Кирилловой: «Мать в обморок пала. Как это так? Столько лет сидел без ног — и идет!» [БГ, № 56].

ется смертью героя: «Ну, правда, он тут постарел, жил немного, потом он старый был и умер» (Т–1); «Тут он у их и умер. И сказке конец» (Т–2); «...и тут он, Илья Муромец, стал жить, и тут у его жил-пóжил и умер. Сказка конец» (Т–4).

Итак, сказка М. А. Семеновой об Илье Муромце, по сути, представляет собой жизнеописание героя и изложение двух основных его подвигов — укрощение Соловья-разбойника и победы над ордой неверной, между которыми — смиренное сидение в погребке с Евангелием. Наиболее оригинальной чертой сказочной биографии богатыря, изложенной этой исполнительницей, является получение им прозвища «по результатам» его первого, крестьянского, подвига. Ее параллели, обнаруженные в местной традиции, лишь оттеняют цельность и четкость этой версии, озвученной Марфой Алексеевной.

Разновременные записи, сделанные на протяжении десяти лет (с 1980 по 1990 г.), дают прекрасную возможность увидеть как местные, так и индивидуальные особенности исполнения одного произведения, разностилевую «пульсацию» фольклорного текста — то отливаемого в традиционные формулы и общие места и их своеобразные трансформации, то переходящего в обычную речь. Учитывая довольно большой и разножанровый репертуар устных рассказов М. А. Семеновой (сказки, предания, легенды, былички), можно говорить о дальнейших перспективах изучения усть-цилемской народной прозы на материале записей этой исполнительницы.

Литература

- Астахова 1958 — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с. (Лит. памятники).
- Астахова 1962 — *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 120 с.
- БП — Былины: В 25 т. // РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1–2: Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. Отв. ред. А. А. Горелов. 776 с. + 784 с. (Свод русского фольклора).
- Наумова — *Наумова О. В.* Усть-цилемская исполнительница М. А. Семенова: особенности репертуара и стиля // Человек и окружающая среда: XI Коми республик. студ. науч. конф., посвящ. общероссийским дням защиты от экологической опасности: Progr. и тез. докл. / Отв. за вып. Л. А. Яшина. Сыктывкар: ИПО СГУ, 2001. С. 104–105.
- Смирнов — *Смирнов Ю. И.* Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и комбинациях. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 280 с.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. Т. 1. 553 с.; 2005. Т. 2. 470 с.

References

- Astakhova, A. M. (1958). 'Il'ya Muromets v russkom epose', in: A. M. Astakhova, ed., *Il'ya Muromets* (Literaturnye pamyatniki). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 393–419.
- Astakhova, A. M. (1962). *Narodnye skazki o bogatyryakh russkogo eposa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 120 p.
- 'Byliny Pechory' (2001), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 1–2, 776 + 784 p.
- Ivashko, L. A., ed. (2003, 2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory*. 2 Vols. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 553 + 470 p.
- Naumova, O. V. (2001). 'Ust'-tsilemskaya ispolnitel'nitsa M. A. Semenova: osobennosti repertuara i stilya', in: L. A. Jashina, ed., *Chelovek i okruzhayushchaya sreda. XI Komi respublikanskaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya obshcherossiiskim dnyam zashchity ot ekologicheskoi opasnosti: Programma i tezisyy dokladov*. Syktyvkar: Izdatel'sko-poligraficheskii otdel Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta, 104–105.
- Smirnov. Yu. I. (2010). *Byliny. Ukazatel' proizvedenii v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh*. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk, 280 p.

Н. В. Дранникова, Т. Н. Морозова

АВТОБИОГРАФИЯ Т. Е. ТОЧИЛОВА (1881–1939) В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ЗИМНЕЙ ЗОЛОТИЦЫ

Резюме

В статье анализируется автобиография жителя с. Зимняя Золотица Т. Е. Точилова (1881–1939 гг.), написанная им в 1939 г. В 1935 г. Т. Е. Точиллов был обложен налогом и лишен избирательных прав. Автобиографию он написал после очередного назначения налога, для того чтобы рассказать о своей тяжелой жизни, полной скитаний и тяжелой работы. Он стремился сделать свою частную жизнь достоянием гласности и репрезентировать себя как человека-труженика, соответствующего идеологии нового советского государства. Т. Е. Точиллов известен русской фольклористике как исполнитель былин. Его автобиография включена в контекст социокультурных практик и этнографических реалий Зимней Золотицы. Село Зимняя Золотица имеет поморский тип хозяйствования. В течение всей своей жизни Т. Е. Точиллов работал на промысловых судах, принимал участие в зверобойном и рыболовном промыслах. При анализе автобиографического нарратива Т. Е. Точилова мы исходим из того, что автобиография — это сложная словесная конструкция, являющаяся отображением, а не отражением жизни человека. Нарративная стратегия автобиографии Т. Е. Точилова заключается в репрезентации его трудовой биографии, поэтому он подробно рассказывает о своих профессиональных занятиях и практически ничего не говорит о личной жизни. Анализируемый источник представляет интерес для фольклористов и антропологов, поскольку в нем подробно изложены поморские социокультурные и профессиональные практики: структура и взаимоотношения в мужской промысловой артели, особенности организации зверобойного и рыболовного промыслов и др. В тексте репрезентируется промысловый календарь Зимнего берега Белого моря.

Ключевые слова: эго-документы, автобиография, поморы, Зимняя Золотица, социокультурные практики, этнокультурная традиция, промысловый фольклор

Natalia V. Drannikova, Tatiana N. Morozova

THE AUTOBIOGRAPHY OF TIT EGOROVICH TOCHILOV (1881–1939) IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-CULTURAL PRACTICES AND ETHNOGRAPHIC REALITIES OF THE VILLAGE OF ZIMNIAIA ZOLOTITSA

Abstract

The article analyzes the autobiography of Tit Egorovich Tochilov (1881-1939), a resident of Zimniaia Zolotitsa. In 1935, Tochilov was heavily taxed and deprived of the right to vote. He wrote the autobiography in 1939, after he was levied once again. In this text, Tochilov intended to describe his hard life, which was characterized by roaming and continuous work. He sought to make his life story public and to present himself as a hard worker who aligned with the ideology of the new Soviet state. Tit Egorovich Tochilov is known to Russian folklorists as a performer of epic poems (*byliny*). His autobiography contains descriptions of the socio-cultural practices and ethnographic realities of Zimniaia Zolotitsa. The village of Zimniaia Zolotitsa has an economy that is typical for the Pomor'e region. Throughout his life, Tochilov worked on fishing vessels and participated in the hunt of sea animals and in sea fishing. In our analysis of Tochilov's autobiographical narrative, we consider an autobiography as a complex verbal construction that is not a reflection but a presentation of a person's life. Tochilov's narrative strategy strove to display his work biography. Accordingly, Tochilov talks in detail about his professional activities but relates almost nothing about his personal life. Tochilov's autobiography is of interest to folklorists and anthropologists because it gives a detailed description of many sociocultural and professional practices of the Pomor'e: the structure and relationships in the male cooperative association (*artel'*), the organization of the hunt of sea animals and fishing trades, etc. In his narrative, Tochilov regularly refers to the hunting and fishing times for the Winter Coast of the White Sea that are contained in the traditional calendar.

Keywords: ego-documents, autobiography, Pomors, Zimniaia Zolotitsa, social and cultural practices, ethnocultural tradition, fishing and sea-hunting folklore

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-208-225

В статье исследуется автобиография жителя с. Зимней Золотицы Тита Егоровича Точилова (1881–1939). Автобиография была написана в 1939 г. и опубликована в 2011 г. в книге «Послание из прошлого» северодвинским краеведом В. А. Точиловым [Точилов]. Он является дальним родственником автора автобиографии и много лет занимался историей Зимней Золотицы. Село находится на побережье Белого моря¹. Его жители относятся к этнографической группе русского населения, проживающей на побережье

---

¹ В административно-территориальном отношении с. Зимняя Золотица входит в состав Приморского района Архангельской области.

и занимающейся морскими промыслами, — поморам. Автобиография Т. Е. Точилова помогает в изучении поморской субъективности и советской субъективности как ее части. Термин был введен в науку Й. Хелльбеком, создавшим новое направление в изучении советской истории — «советская субъективность», которая изучает самосознание советского гражданина [Хелльбек]. Книга «Послание из прошлого», помимо автобиографии Тита Точилова, содержит вступительную статью, в которой раскрывается история Зимней Золотицы, словарь диалектной и архаичной лексики и приложения, включающие в себя архивные документы и выдержки из газетных статей, связанные с событиями, которые описывает Т. Е. Точилон. В 1939 г. он отправил написанную им автобиографию А. М. Астаховой после встречи в 1937 г. с участниками фольклорной экспедиции Института этнографии АН СССР. В 2007 г. в Зимней Золотице работала фольклорная экспедиция ИРЛИ РАН. Ее участники встретились с В. А. Точиловым и в благодарность за общение с ним прислали ксерокопию воспоминаний Т. Е. Точилова, которая находится в РО ИРЛИ РАН².

Автобиография относится к группе эго-документов. Термин был введен в конце XX в. нидерландским историком Жаком Прессером [Presser]. Так он предложил называть группу источников, исходящих от конкретного человека и, как правило, написанных от первого лица. Интерес к частной жизни возник в 1960-е гг. под влиянием осмысления гуманитарной катастрофы Второй мировой войны и репрессий советского периода истории. При анализе автобиографического нарратива Т. Е. Точилова мы исходим из того, что автобиография — это сложная словесная конструкция, являющаяся отображением, а не отражением жизни человека. Эго-документам советского периода посвящена статья Ю. Зарецкого [Зарецкий]. Коммуникативность автобиографических нарративов исследовал К. С. Дивисенко [Дивисенко]. Дневники севернорусских крестьян изучали С. Б. Адоньева, М. Н. Власова, А. В. Пигин, В. П. Ершов [Адоньева; Власова 2021а; Пигин; Ершов], нижегородских — коллектив авторов под руководством К. Е. Кореповой [Родной край]. Большой фонд дневников и мемуаров находится в Центре изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге³. Исследованию дневников и воспоминаний советской эпохи посвящена книга И. Паперно «Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах» [Паперно]. Она выделяет в них общие тенденции и формы, возникшие под влиянием травматических событий советской истории. Эго-документам

² РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 90. П. 6. № 30.

³ <https://prozhitto.org/persons>

как источникам по фольклору и этнографии посвящена отдельная рубрика первого номера журнала «Живая старина» за 2022 г. [Эго-документы как источники].

Автобиография Т. Е. Точилова включена в контекст социокультурных практик и этнографических реалий Зимней Золотицы. Исследованию локальной поморской традиции Зимней Золотицы были посвящены фольклорно-антропологические экспедиции САФУ в это село в 2001 и 2016 гг.⁴ [Дранникова 2002; Дранникова, Морозова]. Зимняя Золотица хорошо известна фольклористам. В ней была сделана запись большей части былин, опубликованных А. В. Марковым в книге «Беломорские былины» [Беломорские былины 1901; Беломорские былины 2002].

Т. Е. Точилон хорошо излагает свои мысли, имеет широкий кругозор, является талантливым и незаурядным человеком. Он известен русской фольклористике как исполнитель былин. В 1934 г., во время экспедиции, с ним встретился аспирант ЛГУ В. П. Чужимов и записал от него две былины: «Женитьба Владимира» и «Добрыня и Алеша», но эти записи не сохранились. В 1937 г. с Т. Е. Точиловым встретились участницы экспедиции Института этнографии АН СССР, однако записать от него былины им не удалось, так как встреча произошла перед его отъездом из Золотицы, и Тит Егорович сам предложил сделать записи былин и переслать их в Ленинград. Всего он отправил четыре текста былин⁵ и автобиографию, написанную на страницах тетради, объем которой составил 256 страниц. Он назвал ее в письме А. М. Астаховой «былиной из своей жизни» [Былины Печоры, с. 485]. В сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» опубликованы три текста, полученные от него: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Исцеление Ильи Муромца» и «Добрыня в отъезде» [Былины Печоры, с. 485–493]. По замечанию А. М. Астаховой, былины «Калин-царь» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» представляли собой неточное изложение текстов сборника Кириши Данилова [Былины Печоры, с. 485] Они были опубликованы в одном из томов Свода русского фольклора [Былины Зимнего берега, с. 248–251, 298–300, 335–339]. Сравнивая опубликованные тексты былин с рукописью, Н. Г. Комелина отмечает, что в них были исправлены ошибки, расставлены знаки препинания, проставлены ударения, не отмеченные

⁴ Записи, сделанные во время экспедиций, используются в статье в качестве материала для сравнения. Они хранятся в ФА САФУ, папки 354, 355, 614, 615.

⁵ «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Калин-царь», «Исцеление Ильи Муромца» и «Добрыня в отъезде». Кроме того, были присланы три сказки («Про Катигорошка», «Про Конька-Горбунка», «О серебряном блюдечке и наливном яблочке»).

Точиловым. Рукопись Т. Е. Точилова написана чернилами без существенных исправлений, поэтому Н. Г. Комелина предполагает, «что у него имелся черновик, а посланный А. М. Астаховой вариант был переписан начисто» [Комелина, с. 103].

Грамоте Т. Е. Точилов учился у местного псаломщика и у своей матери. Когда в 1892 г. в Золотице была открыта церковно-приходская школа, он стал посещать ее.

Автобиография Т. Е. Точилова является социальной практикой, совершенной в определенное время, в определенной личной ситуации и представляющей собой часть определенного социального контекста. Адресатами автобиографии являются земляки Т. Е. Точилова и неизвестные будущие читатели, которые смогут, по мнению автора, дать справедливую оценку его жизни. В 1935 г. Т. Е. Точилова обложили налогом и лишили избирательных прав⁶, что разорило его. Автобиографию он написал после очередного назначения ему налога, для того чтобы рассказать о своей тяжелой жизни, полной скитаний и постоянной работы. Оказавшемуся в ситуации катастрофы Т. Е. Точилову важно сказать, что он рос в семье бедняков и что вся его жизнь была наполнена тяжелым трудом, именно поэтому он завершил автобиографию словами: «Кто родился бедный, тот и помрет небогатый» [Точилов, с. 122]. Он стремился сделать свою частную жизнь достоянием гласности. Его автобиография — свидетельство того, как советское государство и советская история вторгались в жизнь человека и ломали ее. Лишение избирательных прав Т. Е. Точилов воспринимает как несправедливость и пытается объяснить причины произошедшего. Он видит их не в государственном устройстве страны, а в личных взаимоотношениях, сложившихся у него с новой сельской администрацией. Во время раскулачивания он уличил председателя колхоза в расхищении имущества «кулаков», поэтому, по его мнению, последний несправедливо назначил ему штраф и обложил налогом на прибыль в сумме 300 рублей. Выплачивать налог Т. Е. Точилову было нечем, так как из-за тяжелого труда у него осложнились хронические заболевания. В результате все его имущество было изъято сельсоветом за неуплату. Вскоре после отправки дневника А. М. Астаховой Т. Е. Точилов умер.

Село Зимняя Золотица имеет поморский тип хозяйствования. В отличие от крестьян, проживающих в аграрной части России, поморы занима-

---

⁶ Лишение избирательных прав происходило согласно Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ограничение в правах обусловлено мерами социального разделения, для того чтобы обеспечить ведущую роль рабочего класса и бывших «эксплуатируемых слоев населения».

лись морскими промыслами, судостроением и торговлей и редко бывали дома. В дореволюционный период Золотица имела торгово-экономические контакты с Норвегией. Маршруты поездок Т. Е. Точилова связаны со странами Северной Европы и Северо-Западом России. Во время работы на промысловых судах он неоднократно бывал в Норвегии, Англии и Финляндии, принимал участие в промыслах на Терском берегу Белого моря, полуострове Канине и Новой Земле, проходил воинскую службу во время Первой мировой войны в Гатчине под Петербургом. В его повествовании встречаются географические названия северо-восточной части Архангельской губернии: Мезень, Патракеевка, остров Мудьюг, мыс Вепревский и др. Все они связаны с различными видами его трудовой деятельности. Несмотря на обширную географию поездок Т. Е. Точилова, он не уделяет внимания описанию стран и мест, которые посетил, и не дает им характеристики и оценки.

В ситуации советской реальности, провозгласившей своей целью борьбу с эксплуататорами, для Т. Е. Точилова важно рассказать о своей трудовой деятельности. Поэтому он подробно пишет о профессиональных занятиях, практически ничего не рассказывая о личной жизни. Вся его жизнь была связана с морем. Он начал работать с одиннадцати лет, нанимался поваром на судно, плавал на судах братьев Юрьевых, проживавших в соседнем селе Ручьи, в 1899 г. ходил в Норвегию для ремонта судна «Святой Фока», в последующие годы принимал участие в морских промыслах на различных судах и на лодках, в 1917 г. был призван на военную службу и участвовал в боевых действиях у Балтийского моря, но был комиссован из-за заболевания ног, проявившегося после попадания снаряда в окоп; с 1918 года занимался тонским семужьим промыслом. Нарративная стратегия автобиографии Т. Е. Точилова заключается в репрезентации его трудовой биографии, поэтому, в отличие от развернутого повествования о профессиональных занятиях, о своей женитьбе он пишет кратко, ограничиваясь несколькими фразами. Информация о ней имеет буднично-практический характер и носит чисто прагматическое значение: «После промысла по приезду домой пришлось идти отцу с матерью взять работницу, и я женился» [Точилон, с. 82].

Морские занятия — промыслы, судостроение, лоцманство и мореходство — требовали особой, общественной формы организации труда. Поэтому в Поморье сложилась мужская промысловая артель, ставшая специфической особенностью данной территории. Изучению поморской артели посвящены работы А. Я. Ефименко, Р. П. Якобсона, Т. А. Бернштам, М. Н. Власовой [Ефименко; Якобсон; Бернштам 1968; Власова 2021b]. Автобиография Т. Е. Точилова раскрывает особенности организации труда поморов, структуру и взаимоотношения в мужской артели.

Во время промысла поморы представляли собой своеобразную «производственную общину», состоящую исключительно из мужчин, оторванную от обыденной, семейной и сельской жизни на долгое время — с весны до осени. Жизнь и промысловый быт такой общины характеризовались специфическими чертами внутреннего самоуправления, регулирующего права и обязанности ее членов. Работа артели раскрывается Т. Е. Точиловым в эпизоде, посвященном шторму: «Один хозяин правил рулем, а двое выливали воду из судна»; «...угрожала опасность, что сломит стеньгу⁷. Лезть нужно было мне — остальные старики» [Точилов, с. 30, 37].

Самыми распространенными формами промысловых артелей в Поморье были артели складников и покрутчиков. Во время зимнего промысла тюленя в Зимней Золотице Т. Е. Точилов принимает участие в артели складников, представляющей собой равноправный для ее участников тип организации промысловой деятельности. Складники совместно решали, куда отправляться на промысел, вносили равную долю в снаряжение лодки и распределяли обязанности: «Со *Сретья*⁸ мы забрали с собой дров, хлеба и необходимое платье недели на полторы для четырех человек. Все сложили в лодку и пошли на море искать бельков⁹» [Точилов, с. 63–64].

Второй формой организации труда является покрутничество. Оно описано в автобиографии более подробно. Покрутчиком работал отец Т. Е. Точилова. Хозяева обеспечивали покрутчиков всем необходимым для промысла: лодками, орудиями лова, одеждой, питанием — и распределяли паи. Т. Е. Точилов акцентирует внимание на обычае рассчитывать покрутчиков на большие и малые *пятки* во время промысла: «Хорошему промушленнику платили большие пятки, а плохому — малые. Большие пятки — из пяти рублей платили три, а малые — 2 рубля» [Точилов, с. 26]. Он делает подробное описание покрута, так как от этого заработка зависело благополучие его семьи. Несмотря на тяжелый труд, промысел, на который нанимался его отец, был «неодинаковым» и зависел от ветров, поэтому «при хорошем промысле покрутчики от забора отходят, и им достается на руки. А при худом промысле остаются должные хозяину» [Точилов, с. 26]. Т. Е. Точилову важно показать потенциальным читателям, что бедность его семьи связана не с недостаточным трудолюбием, а с неудачами во время тяжелой промысловой работы.

⁷ *Стеньга* — вертикальный брус, составляющий продолжение мачты в высоту.

⁸ *Сретье* — местное название праздника Сретения Господня, 2 (15) февраля.

⁹ *Белёк* — новорожденный детеныш гренландского тюленя, покрытый белоснежным мехом.

Третий тип организации труда поморов встречается в его повествовании о работе на судах братьев Юрьевых, занимавшихся морским промыслом. Этот тип структуры и отношений можно характеризовать как артель уженщиков, во главе которой традиционно стоял хозяин судна, не участвовавший лично в бое зверя, а управлявший судном, определявший место промысла и нанимавший команду. Ему принадлежала главная распорядительная власть в артели. В автобиографии значимость главы артели наиболее ярко раскрывается в эпизоде, рассказывающем о болезни Юрьева: «Но тут у нас случилось несчастье. Заболел хозяин, и судно к промыслу вести было некому» [Точиллов, с. 60–61].

Большую роль в жизни поморов играла народная метеорология. В Зимней Золотице существуют общераспространенные и местные названия ветров: *север, побережник* (северо-западный), *запад, шелонник* (юго-западный), *обедник* (юго-восточный) и др. [Дранникова, Морозова, с. 200–201]. Однако в автобиографии Т. Е. Точиллов использует не поморские наименования, а профессиональную морскую терминологию: норд, зюйд, ост и др. На наш взгляд, это свидетельствует о важности для него во время работы над автобиографией профессиональной идентичности, а не локальной. Местные жители до сих пор делят ветра на благоприятные для промысловой деятельности (западный, северо-западный) и неблагоприятные (юго-западный, восточный) [Дранникова, Морозова, с. 201]. Т. Е. Точиллов, следуя местной традиции, относит юго-западный ветер к неблагоприятным: «Ветер дул от зюйд-веста (...) ветер уносный» [Точиллов, с. 69]. На Зимнем берегу Белого моря широкое распространение имеет примета о неблагоприятности для морского промысла южных ветров. Об этой же примете пишет Т. Е. Точиллов: «Который год дуют ветры зюйды и зюйд-весты, тот год промысел на белька не бывает, а когда дуют ветры вестовы, норд-вестовы и норды, тогда промысел бывает хорошей» [Точиллов, с. 26].

В автобиографии описана одна из редких метеорологических примет, предвещающая шторм, когда «из воды выскакивают фараоны». Т. Е. Точиллов, осознавая, что это местное название, старается дать подробное описание этим существам: «морское животное: черное, но образ его в виде чело-века лет двенадцати» [Точиллов, с. 73]. Нам не удалось найти упоминание «фараонов», соответствующее описанию Тита Егоровича, в публикациях, посвященных поморской культуре, но эти мифологические персонажи хорошо известны в европейском фольклоре, в том числе в русском. Исполнители описывали их как людей с рыбьими хвостами [Кыйва, с. 304]. Их происхождение восходит к Ветхому Завету и связано с событиями Исхода. Согласно прибалтийско-финским и славянским народным преданиям, преследовавшие

евреев воины фараона превратились в существ с человеческими торсами и рыбьими хвостами [Черепанова, с. 95–96; Кыйва, с. 304]. В древнерусской рукописной книжности существовало несколько произведений о людях-фараонах («Сказание о переходе Чермного моря» [Пыпин, с. 49–50] и др.) Однако внешний вид и функции «фараонов» в книжной традиции отличаются от фольклорной: они описываются как существа без туловища, с одной головой, которые не вступают в коммуникацию с людьми. Рассматривая мифологему «фараона» в севернорусском фольклоре, О. А. Черепанова пишет о нехарактерности этого персонажа для Севера [Черепанова, с. 95]. В сборнике «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера» содержится только один текст о «фараонах», записанный на севере России — в Вологодской области. Но в нем нет интересующего нас мотива, связанного с прогнозированием непогоды или шторма, что свидетельствует о нераспространенности этого образа в метеорологическом фольклоре северной части России [Мифологические рассказы, с. 96]. Аналогичная примета существует в прибалтийско-финском фольклоре, где, как отмечает М. Кыйва, «в народной метеорологии прибрежных жителей появление фараонов сулит осадки, непогоду или шторм» [Кыйва, с. 308]. На связь «фараонов» с непогодой также указывает текст, почерпнутый О. А. Черепановой из архива Тартуского музея им. Крейцвальда и опубликованный ею в «Мифологической лексике Русского Севера» [Черепанова, с. 95].

В автобиографии Т. Е. Точилова практически отсутствуют описания промысловых поверий и примет и традиционных обрядовых практик Зимней Золотицы. Они регулярно записывались во время фольклорно-этнографических экспедиций на Зимний берег Белого моря [Рыбацкие песни и сказы; Дранникова 2002 и др.]. Это связано с фатической функцией автобиографии, задача которой была представить жизнь Т. Е. Точилова как жизнь человека-труженика, соответствующую идеологии нового советского государства. Несмотря на это, автобиографический нарратив опирается на даты традиционного календаря. В Зимней Золотице существовал как аграрный, так и поморский календарь, который, в свою очередь, был приурочен к аграрному. Аграрный календарь в Поморье по сравнению с промысловым сохранился значительно хуже, так как он оказался не функционален для местного сообщества [Дранникова, Морозова, с. 199]. Т. Е. Точилон ведет исчисление времени при помощи народного календаря, его жизненный цикл определяют даты крупных церковных праздников: Покрова, Успения, Сретения и т. д. Так, уже на первой странице он пишет о ритуализованной практике нанимать работников на срок с *Николаи Вешнего* до *Покрова* (9 (22) мая —

1 (14) октября): «С Николы я поступил на работу»; «С Покрова пришел и отец из батраков» [Точиллов, с. 32–33].

В поморском промысловом календаре крупные церковные праздники определяют начало и конец промыслов, к ним приурочены *погребы* (роды) морского зверя и *походы* (подходы) рыбы. Во время фольклорной экспедиции САФУ в Зимнюю Золотицу в 2016 г. были записаны нарративы о начале *погребов* тюленя на *Сретенье* и *Власьев день*. В автобиографии Т. Е. Точилов называет эти даты началом промысла на тюленя: «На Сретенье 1907 годы выехал на тюлений промысел к мысу Медведев. (...) Со Власия спустились за бельками на море» [Точиллов, с. 72]. Кроме того, он описывает зафиксированный в 2016 г.¹⁰ обычай «слушать бельков» во время поиска их лежбища [Точиллов, с. 63]. В автобиографии встречаются практики, связанные с отправлением судов, приуроченные к календарным датам. Так, Т. Е. Точилов отмечает, что на *Покров* судно возвращается в Золотицу, что на *Успенье*, 15 (28) августа, суда идут в Архангельск, что на сенокос промышленники разъезжались после *Ильина дня*, 20 июля (2 августа). С *Николы Вешнего* до *Покрова* жители Золотицы отправлялись на семужий промысел на тони. Согласно записям Т. А. Бернштам, *зимняя путина* зверобойного промысла на Зимнем берегу повсеместно начиналась с *Николы Зимнего*, 6 (19) декабря [Бернштам 2009, с. 155–156], однако в автобиографии Т. Е. Точилова датой начала зимнего промысла неоднократно указывается Рождество, что говорит о вариативности данной традиции.

Для поморского календаря характерно сохранение и соблюдение системы запретов на ведение / начало промыслов в понедельник и в крупные церковные праздники [Морозова, с. 82]. До настоящего времени здесь сохранился запрет на работу в Благовещение. Система запретов связана с представлениями о море как о враждебной и опасной для жизни стихии и направлена на уменьшение предполагаемой опасности. Однако в автобиографии Т. Е. Точилов упоминает только о запрете на работу в Пасху [Точилов, с. 49]. Благовещение же, наоборот, несколько раз связывается им с поступлением на службу и отправкой на промысловую работу.

Сопоставление материалов автобиографии с экспедиционными записями САФУ позволяет сделать вывод об устойчивости промыслового календаря Зимней Золотицы, несмотря на то что в советский период политика государства была направлена на уничтожение этого пласта культуры. В до-революционный период в поморском календаре каждый этап промысловой

¹⁰ ФА САФУ. П. 615.

деятельности был приурочен к церковному празднику, а к концу XX в. в памяти местного населения сохранились только даты, связанные с началом и окончанием того или иного этапа промысла: *погребов* зверя, вылова семги на тони и т. д.

Изложение событий в автобиографии характерно для мужского нарратива: повествование преобладает над описанием, акцент делается на перечислении фактов, указываются точные места, даты, используется профессиональная лексика, практически отсутствуют средства выразительности. Тем не менее одаренность Т. Е. Точилова, являвшегося исполнителем былин, нашла отражение в тексте. В нескольких эпизодах, связанных с промыслом тюленя, автор использует поэтический, метафорический язык, что свидетельствует о его уважительном отношении к морю и промысловой деятельности. Описание промысла тюленей в автобиографии отличается подробностью и использованием художественных средств. Описывая момент, когда промышленники узнают, что бельки рядом, Точиллов использует метафорическое выражение «душа закипела» [Точиллов, с. 63]. Поэтически изображает он некоторые сцены преодоления смертельной опасности. Он сравнивает снег во время бури, грозившей промысловикам гибелью, с «белым и вечным саваном» и пишет о пережитой ночи: «Эта ночь дольше той жизни, которую я прожил в то время» [Точиллов, с. 58]. Тем не менее он не героизирует ни себя, ни своих товарищей, поскольку подобные опасные ситуации были частью их повседневной жизни. Кроме того, Т. Е. Точиллов включает в текст своей биографии фрагменты двух песен. «Грумаланская песня», по его словам, исполнялась во время отправки на Грумант¹¹. Ее основным мотивом были трудности, предстоящие покрутичкам на промысле, и их возможная гибель: «*Не за ум-разум схватились, что на Грумант покрутились. Прощай, Северной тонкой, да не вернусь больше домой*» [Точиллов, с. 42]. Этот отрывок подтверждает предположение Й. П. Нильсена о том, что поморы исполняли «Песню о Груманте» не только во время перехода в Архангельск, но и во время пути на промысел, «чтобы подготовить себя к трудностям, которые их ждали впереди» [Нильсен, с. 80]. Как отмечают исследователи, «Песня о Груманте» в нескольких версиях существовала уже в XVIII в., ее фрагменты впервые были опубликованы А. В. Харитоновым в журнале «Отечественные записки» в 1849 г. [Харитонов, с. 293; Нильсен, с. 80–81]. Сатирическая версия песни о Груманте была записана Н. В. Дранниковой в г. Мезени [Дранникова 2001, с. 52]. Отрывок песни в автобиографии ближе к версии «Песни о Груманте», опубликованной

¹¹ Грумант — поморское название Шпицбергена.

А. В. Харитоновым, основное содержание которой составляет описание опасностей и трудностей, с которыми сталкиваются промышленники во время промыслов.

Вторая песня, которую вспоминает Т. Е. Точилев («Моряку пить нужен ром») и которая «сильно не нравилась старикам», носила юмористический характер. В ней пародировался распространенный в фольклорных нарративах сюжет о встрече апостола Петра у дверей рая с грешником. В песне, встретив у райских ворот моряка, бывшего при жизни пьяницей, Петр сообщает ему, что он недостоин рая и что ему «в аду ведь места нет» [Точилев, с. 70]. Песня продолжает традицию древнерусской «Повести о бражнике, како внииде в рай» — памятнике «смеховой» литературы, в основе которого лежит западноевропейский «бродячий» сюжет о грешнике, сумевшем доказать, что он имеет не меньше прав находиться в раю, чем апостолы [Повесть о бражнике, с. 223], в свою очередь пародирующий сюжет средневекового жанра видений о визионере, которому был открыт путь в загробный мир [Симонова, с. 118]. Т. Е. Точилев отмечает, что любил исполнять песню о моряке во время работы в шторм. Это позволяет сделать вывод, что ее исполнение имело ту же функцию, что и песни о Груманте: оно помогало справиться с психологическим напряжением во время трудных и опасных ситуаций во время промысла.

В автобиографии репрезентируются различные поморские социокультурные и профессиональные практики, раскрываются особенности промысловой деятельности. Для подробного описания вылова семги на тонях, процесса проверки тайников, особенностей организации зверобойного промысла, стадий развития тюленя от белька до серки¹² Т. Е. Точилев использует профессиональную промысловую лексику (*ела*, *несяк*, *межень*¹³ и т. д.).

В автобиографии упоминается также предание о камне Старовере, хорошо известное среди промышленников, но, к сожалению, Т. Е. Точилев не рассказывает его. Старовер расположен на мысе Нордкап, в поморских лощах это название соответствует норвежскому Gjesvaeg. Вероятно, поморы изначально заменили норвежское название созвучным и более привычным для себя словом, а впоследствии оно мифологизировалось — так стали называть «причудливый камень, похожий на человеческую фигуру» [Точилев, с. 86]. М. Н. Власова, отмечая, что «оживотворение камней необычной формы, скал, утесов распространено по всему Русскому Северу и характерно

¹² *Серка* — детеныш тюленя с серым мехом, возрастом до года.

¹³ *Ела* — небольшое беспалубное промысловое судно. *Несяк* — высокое плотное образование из смерзшихся глыб льда. *Межень* — некрупная июльская семга.

для ситуации прибрежного (островного) промысла либо опасного прибрежного плавания», указывает также на роль саамского культа сейдов в поддержании этих верований [Власова 2016, с. 392–394]. С такими камнями были связаны различные приметы и поверья. Так, например, в Кемской губе по камням, носившим среди промышленников название «Спящие старцы», определяли, где будет успешен промысел; камню у мыса Святой Нос приносили в жертву масло, муку и другие припасы, чтобы судно благополучно добралось до места назначения [Власова 2016, с. 392]. Текст автобиографии позволяет предположить существование подобных практик, связанных с камнем Старовер.

Целью работы Т. Е. Точилова над текстом автобиографии был рассказ о его трудовой деятельности, поэтому большое внимание он уделяет описанию профессиональных деталей, тем самым воспроизводя в повествовании поморские социокультурные практики и вписывая судьбу отдельного человека в этнокультурную традицию села. Несмотря на это, в тексте нашли отражение мифологические представления промысловиков и поморский календарь.

Сравнение материалов автобиографии с записями, сделанными во время экспедиций САФУ в Зимнюю Золотицу в начале XXI в., позволяет сделать вывод об устойчивости этнокультурной традиции села и глубине культурной памяти. Промысловый календарь длительное время оставался функциональным для местного сообщества, исчезновение тех или иных ритуализованных практик, приуроченных к датам календаря, было вызвано исчезновением связанных с ним явлений (например, переход от артельной организации промысла к государственной)¹⁴. Уровень самоидентификации местного сообщества и осознания им своего населенного пункта как непохожего на другие, как и прежде, оказался довольно высоким.

Автобиография Т. Е. Точилова свидетельствует о катастрофичности советского опыта и жестокости советской репрессивной системы, перемалывавшей жизнь отдельного человека. Благодаря труду Т. Е. Точилова зазвучали голоса поморов Зимнего берега. Его труд является документальным памятником периода конца XIX и первых трех десятилетий XX в. поморской группы населения Архангельской области.

Литература

- Адоньева — Адоньева С. Б. Мужские дневники ушедшей эпохи: «я» и «ты» // Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д. И. Лукичева и Д. П. Беспалова / Сост., общ. ред., вступ. и закл. ст., предисл. С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2013. С. 6–25.

---

¹⁴ ФА САФУ. П. 614, 615.

- Беломорские былины 1901 — Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисл. В. Ф. Миллера. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 618 с.
- Беломорские былины 2002 — Беломорские старины и духовные стихи: Собр. А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.
- Бернштам 1968 — *Бернштам Т. А.* Промысловые зверобойные артели поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX в. — первой трети XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968. 24 с.
- Бернштам 2009 — *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 427 с.
- Былины Зимнего берега — Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. 995 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Печоры — Былины Печоры и Зимнего берега: новые записи / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.
- Власова 2016 — *Власова М. Н.* Русский фольклор Груманта (Шпицбергена) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35 / Отв. ред. Е. И. Якубовская. С. 385–412.
- Власова 2021a — *Власова М. Н.* Вехи крестьянской жизни в устной и письменной фиксации // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2021. Т. 38. С. 130–158.
- Власова 2021b — *Власова М. Н.* Русский Север: брошенная земля. Фольклор «несуществующих» деревень (особенности и контексты бытования). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 464 с.
- Дивисенко — *Дивисенко К. С.* (Авто)биографический нарратив как коммуникационное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36–52.
- Дранникова 2001 — *Дранникова Н. В.* Фольклор Архангельского края (из материалов архива лаборатории фольклора ПГУ им. М. В. Ломоносова). Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. 74 с.
- Дранникова 2002 — *Дранникова Н. В.* Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (Архангельск, 6–8 июня 2001 г.) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2002. С. 83–92.
- Дранникова, Морозова — *Дранникова Н. В., Морозова Т. Н.* Этнокультурная традиция села Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области (по итогам фольклорно-этнографических экспедиций САФУ) // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера: Сб. науч. ст. и материалов Межрегион. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. А. А. Куратова, Архангельск, 27–30 сент. 2016 г. / Сост. М. В. Шульгина, В. Г. Трофименко, А. А. Пайзерова. Архангельск: КИРА, 2017. С. 197–206.
- Ершов — *Ершов В. П.* Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. Петрозаводск: Версо, 2017. 332 с.
- Ефименко — *Ефименко А. Я.* Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. СПб.: Тип. Майкова, 1874. Вып. 2. С. 1–75.

- Зарецкий — *Зарецкий Ю.* Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3 (137). С. 184–199.
- Комелина — *Комелина Н. Г.* Текстологические замечания к записям былин Зимнего берега Белого моря 1930-х гг. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2011. Т. 34 / Отв. ред. М. В. Рейли. С. 92–111.
- Кыйва — *Кыйва М.* Эстонские нарративы и мифология о водяных духах // IV Всероссийский конгресс фольклористов. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2020. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры / Отв. ред. А. Б. Ипполитова. С. 301–314.
- Мифологические рассказы — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1996. 209 с.
- Морозова — *Морозова Т. Н.* Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 81–84.
- Нильсен — *Нильсен Й. П.* «Прощай, батюшка ты Грумант!» Зверобойные промыслы поморов и норвежцев на Шпицбергене: Сопоставление традиций // «Уведи меня, дорога»: Сб. науч. ст. памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 69–82.
- Паперно — *Паперно И.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: Опыт чтения. М.: НЛО, 2021. 320 с.
- Пигин — *Пигин А. В.* Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова) // Кижский вестник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. Вып. 17. С. 278–285.
- Повесть о бражнике — Повесть о бражнике / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 222–224, 610–611.
- Пыпин — *Пыпин А. Н.* «Ложные» и «отреченные» книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1862. 180 с. (Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко; Вып. 3).
- Родной край — Родной край в воспоминаниях, семейных преданиях и фотографиях: Шахунский район Нижегородской области / Под общ. ред. К. Е. Кореповой. Н. Новгород: Гладкова О. В., 2019. 357 с.
- Рыбацкие песни и сказы — Рыбацкие песни и сказы / Зап. текстов, ст., примеч., словарь и указ. Р. С. Липец. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 220 с.
- Симонова — *Симонова О. А.* Образ апостола Петра как привратника рая в поэзии Н. С. Гумилева и Ф. К. Сологуба в контексте традиции // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 116–131.
- Точилов — *Точилов Т. Е.* Послание из прошлого / Вступ. ст., сост. В. А. Точилов. Северодвинск: Партнер НП, 2011. 232 с.
- Харитонов — *Харитонов А.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене): Из заметок шенкурца // Отечественные записки. 1849. Т. 66, № 10. С. 282–298.

- Хелльбек — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с.
- Черепанова — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.
- Эго-документы как источники — Эго-документы как источники по фольклору и этнографии // *Живая старина*. 2022. № 1. С. 3–19.
- Якобсон — *Якобсон Р. П.* Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии // *Материалы к познанию русского рыболовства*. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. Т. 3, вып. 2. С. 1–204.
- Presser — *Presser J.* Memoires als geschiedborn // *Winkler Prins Encyclopede*. Amsterdam: Elsevier, 1958. Vol. 8. P. 208–210.

References

- Adon'eva, S. B. (2013). 'Muzhskie dnevniki ushedshei epokhi: "ya" i "ty"', in: S. B. Adon'eva, ed., *Muzhskoi rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo: Dnevnik D. I. Lukicheva i D. P. Bespalova*. Saint Petersburg: Proppovskii tseñtr, 6–25.
- Astakhova, A. M., Borodina-Morozova, E. G., Kolpakova, N. P., Mitropol'skaya, N. K., Sokolov, F. V., eds. (1961). *Byliny Pechory i Zimnego berega: novye zapisi*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 606 p.
- Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym* (1901). S predislaviem V. F. Millera. Moscow: Tovariščestvo Skoropechatni A. A. Levenson, 618 p.
- Bernshtam, T. A. (1968). *Promyslovye zverboinye arteli pomorov Zimnego berega Belogo morya vo vtoroi polovine XIX — pervoi treti XX veka*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad: [s. n.], 24 p.
- Bernshtam, T. A. (2009). *Narodnaya kul'tura Pomor'ya*. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoie izdatel'stvo, 427 p.
- 'Byliny Zimnego berega Belogo morya' (2018), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 8, 995 p.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaya leksika russkogo Severa*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 169 p.
- Cherepanova, O. A., ed. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 209 p.
- Divisenko, K. S. (2011). '(Avto)biograficheskii narrativ kak kommunikatsionnoe deistvie i reprezentatsiya zhiznennogo mira', *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1, 36–52.
- Drannikova, N. V. (2001). *Fol'klor Arkhangel'skogo kraja (iz materialov arkhiva laboratorii fol'klora Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova)*. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo universiteta, 74 p.
- Drannikova, N. V. (2002). 'Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa' in: N. V. Drannikova, ed., *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya*. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo universiteta, 83–92.
- Drannikova, N. V., Morozova, T. N. (2016). 'Etnokul'turnaya traditsiya sela Zimnyaya Zolotitsa Primorskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti (po itogam fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta)' in: M. V. Shul'gina, V. G. Trofimenko, A. A. Paizerova, eds., *Izuchenie*

- i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediya Russkogo Severa*. Arkhangel'sk: Konsul'tatsionnoe informatsionno-reklamnoe agentstvo, 197–206.
- Efimenko, A. Ya. (1874). 'Arteli v Arkhangel'skoi gubernii' in: *Sbornik materialov ob artelyakh v Rossii*. Saint Petersburg: Tipografiya Maikova. Vol. 2, 1–75.
- 'Ego-dokumenty kak istochniki po fol'kloru i etnografii' (2022), *Zhivaya starina*, 1, 3–19.
- Ershov, V. P. (2017). *Dnevnik zaonezhskogo bondarya: pamyatnik krest'yanskoi pis'mennoi kul'tury 30-kh godov XX veka*. Petrozavodsk: Verso, 332 p.
- Ivanova, T. G., ed. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1079 p.
- Kharitonov, A. (1849). 'Arkhangel'skie promyshlenniki na Grumante (Shpitsbergene)', *Otechestvennye zapiski*, 66, 283–284.
- Khell'bek, I. (2017). *Revolutsiya ot pervogo litsa: dnevnik stalinskoj epokhi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 424 p.
- Komelina, N. G. (2011). 'Tekstologicheskie zamechaniya k zapisyam bylin Zimnego berega Belogo morya 1930-kh godov', in: M. V. Reili, ed., *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 34, 92–111.
- Korepova, K. E., ed. (2019). *Rodnoi kraj v vospominaniyakh, semeinykh predaniyakh i fotografiyakh: Shakhunskii raion Nizhegorodskoi oblasti*. Nizhnii Novgorod: Gladkova O. V., 357 p.
- Kyiva, M. (2020). 'Estonskie narrativy i mifologiya o vodyanykh dukhakh', in: A. B. Ippolitova, ed., *IV Vserossiiskii kongress fol'kloristov. Vol. 3, Kompleksnye issledovaniya traditsionnoi kul'tury*. Moscow: Gosudarstvennyi Rossiiskii Dom narodnogo tvorchestva imeni V. D. Polenova, 301–314.
- Lipets, R. S., ed. (1950). *Rybatskie pesni i skazy*. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 220 p.
- Morozova, T. N. (2015). 'Sovremennoe sostoyanie promyslovogo fol'klora Zimnego berega Belogo morya', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7 (152), 81–84.
- Nilsen, I. P. (2010). "'Proshchai, batyushka ty Grumant!" Zveroboinye promysly pomorov i norvezhtsev na Shpitsbergene. Sopostavlenie traditsii', in: N. E. Mazalova, I. Yu. Vinokurova, V. A. Lapin, O. M. Fishman, eds., *"Uvedi menya, doroga": sbornik nauchnykh statei pamyati T. A. Bernshtam*. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk, 69–82.
- Panchenko, A. M., ed. (1989). 'Povest' o brazhnikh', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: XVII vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Vol. 2, 222–224, 610–611.
- Paperno, I. (2021). *Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 320 p.
- Pigin, A. V. (2017). 'Krest'yanskii dnevnik XIX–XX vekov kak istochniki po izucheniyu narodnoi kul'tury (dnevnik G. Ya. Sitnikova)' in: *Kizhskii vestnik*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 17, 278–285.
- Presser, J. (1958). 'Memoires als geschiedborn' in: Winkler Prins Encyclopede. Amsterdam: Elsevier. Vol. 8, 208–210.
- Pypin, A. N. (1862). *"Lozhnyye" i "otrechennyye" knigi russkoi stariny, sobrannyye A. N. Pypinym, s ego predislaviem*. Saint Petersburg: Tipografiya P. A. Kulisha, 180 p.
- Simonova, O. A. (2018). 'Obraz apostola Petra kak privratnika raya v poezii N. S. Gumileva i F. K. Sologuba v kontekste traditsii', in: O. A. Bogdanova, A. G. Gacheva, eds., *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kul'ture russkogo modernizma*. Moscow: Indrik, 116–131.

- Tochilov, T. E. (2011). *Poslanie iz proshlogo*. Severodvinsk: Partner NP, 232 p.
- Vlasova, M. N. (2016). 'Russkii fol'klor Grumanta (Shpitsbergena)' in: E. I. Yakubovskaya, ed., *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 35, 385–412.
- Vlasova, M. N. (2021). *Russkii Sever: broshennaya zemlya. Fol'klor "nesushchestvuyushchikh" dereven' (osobennosti i konteksty bytovaniya)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 464 p.
- Vlasova, M. N. (2021). 'Vekhi krest'yanskoi zhizni v ustnoi i pis'mennoi fiksatsii', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 38, 130–158.
- Yakobson, R. P. (1914). 'Otchet po obsledovaniyu rybolovnykh ugodii Aleksandrovskogo i Kemskogo uezdov Arkhangel'skoi gubernii', in: *Materialy k poznaniyu russkogo rybolovstva*. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma. Vol. 3, 2, 1–204.
- Zaretskii, Yu. (2021). 'Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya', *Neprikosovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 3 (137), 184–199.

Список сокращений

АКФ МГУ	— Архив кабинета фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
БАН	— Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГАХН	— Государственная академия художественных наук
ИПИН	— Институт по изучению народов СССР
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ИЯЛИ КарНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
КарНЦ РАН	— Карельский научный центр РАН (Петрозаводск)
КНИИ (КНИИК)	— Карельский научно-исследовательский институт (Карельский научно-исследовательский институт культуры) (Петрозаводск)
ЛГИЛИ	— Ленинградский государственный историко-лингвистический институт
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова (ныне СПбГУ)
ЛИФЛИ	— Ленинградский институт истории, философии и лингвистики
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НА КарНЦ РАН	— Научный архив Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РГО	— Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ РАН	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
САФУ	— Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
СГУ	— Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТОКМ	— Тюменский областной краеведческий музей им. И. Я. Словоцова
ФА ИРЛИ РАН	— Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ФА САФУ	— Фольклорный архив Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова
ЦГАЛИ СПб	— Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

Наши авторы

- Васкул Анастасия Игоревна** — канд. филол. наук, ученый секретарь ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). avaskul@gmail.com
- Дранникова Наталья Васильевна** — д-р филол. наук, доцент, ассоциированный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге. n.v.drannikova@gmail.com
- Жадовская Светлана Александровна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). s.zhadovskaya@gmail.com
- Иванова Татьяна Григорьевна** — д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). tgivanova@inbox.ru
- Канева Татьяна Степановна** — канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. t-kaneva@yandex.ru
- Комелина Наталья Геннадьевна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). komlmg@mail.ru
- Кузнецова Валентина Павловна** — канд. филол. наук, независимый исследователь (Петрозаводск). v.kuznetsova2010@yandex.ru
- Лызлова Анастасия Сергеевна** — канд. филол. наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск). alyzlova@mail.ru
- Морозова Татьяна Николаевна** — специалист по учебно-методической работе Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск). morozovatn@gmail.com
- Никитина Алла Владимировна** — канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). centsouffle@gmail.com
- Петрова Людмила Ивановна** — старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irli-lusya@mail.ru
- Подрезова Светлана Викторовна** — канд. искусствоведения, старший научный сотрудник, зав. Фонограммархивом ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). podrezova@yandex.ru
- Рейли Марина Викторовна** — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). reimara@mail.ru
- Харькова Светлана Юрьевна** — младший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). kharkovas@mail.ru
- Якубовская Елена Ивановна** — канд. искусствоведения, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). elena_yakub@mail.ru

Authors

Natalia V. Drannikova

European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russia

Tatyana G. Ivanova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatyana S. Kaneva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia

Natalya G. Komelina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Svetlana Yu. Kharkova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Valentina P. Kuznetsova

Independent researcher
Petrozavodsk, Russia

Anastasia S. Lyzlova

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian
Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia

Tatiana N. Morozova

Mikhail Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russia

Alla V. Nikitina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Lyudmila I. Petrova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Svetlana V. Podrezova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Marina V. Reilly

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Anastasiya I. Vaskul

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Elena I. Yakubovskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Svetlana A. Zhadovskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВН018606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 29.09.2023. Вышло из печати 09.10.2023
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 18,96. Тип. зак. № 000

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»
Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20.

